

КИРА ГОФЕР

ПО
ОСКОЛКАМ

Осколки искусственной сферы вокруг звезды — все, что осталось от высокоразвитой цивилизации. Потомки некогда сильных народов, Основатели и Мастера, бродят по осколкам, пытаясь сохранить на них разумную жизнь, но со временем она все равно угасает. Инэн — одна из Основателей. После гибели помощницы-Мастера она готова отказаться от своей работы, больше не видя в ней смысла. Но наставница уговаривает ее вернуться на осколки с новым Мастером. Никто не замечает, что у Инэн начинает проявлять свои силы забытая природа Основателей.

Шаг неосторожный

Когда-то этот мир был целым.

Сейчас мы сидим на одном из его осколков. Их очень много, но вот с этого можно увидеть всего лишь три — 170-ый, 946-ой и мертвый 200038-ой. Пирамиды снизу у всех целые, ровненькие, словно бы ничего с ними и не случилось.

На 170-ом мы недавно были, там порядок. Девятисотые мне никогда не нравились, и я стараюсь на них не ходить; там дурно пахнет, сплошь старые болота.

А 200038-ый... любого спроси, скажет, что попасть туда — мечта всей жизни. Но — входа нет. По картам там Библиотека Мастеров на поверхности, а в нижней пирамиде — Главный накопитель Основателей. Мега единицы знания и мощи! И не достать, хоть измечтайся или все глаза на него просмотри.

Мне на него смотреть нравится. Тревоги или злости от того, что путь туда закрыт, у меня нет. Я на него просто смотрю. Редко какой из осколков можно разглядеть на малом расстоянии, однако отсюда 200038-ой расположен особенно близко и выглядит очень впечатляюще. Его пирамида заслоняет собой треть неба, в ночи она темно-золотая... Плывет...

А если приблизится, врежется и все тут разрушит?..

Я представляю, как он слетает со своей орбиты и претя прямо на этот наш, 15-ый, как вершина его пирамиды с оглушительным грохотом вонзается в плоскость соседа, как выгибается поверхность, а через возникшие трещины, наверное, будут видны внутренности 15-го. Может, даже пирамидные аппараты покажутся...

Библиотека спокойно и тихо плывет над нами, моя фантазия не сдвинула ее ни на палец. Мне нравится чувство уверенности, что ты в той опасности, которую сам же себе вообразишь. А раз нет никакой опасности, кроме вот этой, небесной, мысленной, то становится вдвойне спокойно.

На 15-ом находиться — одно удовольствие. Местные знают, откуда мы приходим и зачем. Это хорошо, когда знают: есть время присмотреться и прислушаться мне, есть время развернуться Мастеру, а уж она-то всегда ураган поднимает, все никак без ветра не хочет стараться работать. Но бывает так, что нас не знают. Хотя осколков, чтобы на них никто из наших ни разу не зашел, уже нет, но часто мы просто не попадаем на глаза. В правилах сказано — если местные впервые увидели пару за работой, надо объяснить, что это за работа. А по мне так лучше чтобы и дальше не знали.хлопот и так всегда хватает, а тут еще могут отвлечь. Были случаи, когда местные лезли нам помогать. Без жертв с их стороны не обходилось. Объясняй потом еще, что ты не всесильный и мертвое живым делать не умеешь.

На 15-ом мне хорошо не только из-за того, как с него смотрится Библиотека и ее пирамида. Этот осколок кружит по удачной орбите — и день не выжигающий, но теплый, и ночь дает поверхности отдохнуть, под вторую звезду выходит с удобным перерывом. Набор здесь прекрасный — вода, воздух, почва, растений полторы сотни видов...

Здесь было бы просто замечательно, но наши вынуждены заходить часто. Тараканы лезут сюда постоянно, и, как назло, облучение именно в переходах к 15-му столь сильно, что выползают они такими чудовищами, что не всякий бредовый сон породит. А они и так-то непривлекательны.

Обычно местные терпеливо ждут кого-то из наших. Здесь живут хорошо, сытно.

Местные — крепкие и умелые люди, но с тем, что вылезает из перехода, им самим не справиться. Сейчас, вот, с десяток человек погибло, прежде чем пришли мы. Опять спрашивали, нельзя ли так сделать, чтобы нашу пару можно было вызывать.

Я бы на их месте давно переселилась. Расположение хорошее, но лезут ведь, лезут... Можно выбрать осколок, где есть и озеро, и горы, и растения с разной живностью — таких полно. Наши переведут. Я сама не участвовала в переселениях, но знаю, что раньше переводили. Увести кого-то непросто, конечно, надо, чтобы много наших пар цепочкой встали. Но все возможно — сделаем из себя коридор, и ничего в переходе не случится.

А они не хотят. Я сейчас опять им предложила — хорошо, что знают меня лично, могу говорить, и на Первом их судьбу обсуждали. Но они опять отказываются.

И таракана этого себе оставили. Им надо... А зачем чужой таракан? Что он будет делать, когда над ним опять поплывут мега единицы, таящиеся в чужой темно-золотой?..

— Инэн, ты уснула, что ли? Я тебе не для того от этой курицы ногу открутила, чтобы ты поверх нее на небо пялилась.

Вскидываюсь:

— Да ем я, ем. Не ворчи.

— Сидим тут целый вечер уже. Чего, спрашивается, из деревни уходили? Если ты сытая, то зачем я тогда сюда эту курицу тащила? А если ты намерена торчать тут до утра, я лучше вернусь и высплюсь на нормальной кровати, а не на земле. И в тишине, а не под твои вздохи.

— Мы уже скоро пойдем... Хочешь кусочек? — протягиваю так ни разу не укушенную тяжелую куриную ногу.

— Ну, если только чтобы не закапывать, — снисходительно отзывается мой Мастер, с аппетитом вгрызается в мясо и продолжает с набитым ртом: — Я смотрю, они тут не голодают. Не думаю, что если бы мы взяли у них мяса не на один ужин, а с запасом, кто-то пострадал бы. Потом ведь еще искать придется, а так было бы с собой... Почему ты все время отказываешься? Ведь никому же не во вред.

— Но и никому не на особую пользу.

— Тебе самой было бы неплохо. В следующий раз, когда ты меня будешь какой-нибудь улиткой кормить, я сегодняшней вечер припомню — и ты уж тогда не обижайся.

Опять все ей не так. Понятно, что ей сегодня пришлось трудно. Таракан на пять человеческих ростов потребовал сил больше, чем у нее было. Справилась, молодец. Напугалась, конечно, устала до полубоморока, снова так больше не хочет и теперь сообщает об этом миру в моем лице. Хорошо еще, что сон и сытная еда привели ее в порядок, правда, оптимизма не прибавили. На 15-ом местные гостеприимны и дружелюбны, мы отдохнули, перекусили. Да-а... пора идти.

Переход на углу, всегда готов раскрыться и принять в свои опасные стены. Он никуда не денется, и я смотрю на угол, не торопясь бросаться вперед. Когда знаешь, что ничего нового тебя впереди не ждет, а размеренное старое никуда не денется, очень сильно тянет где-нибудь задержаться подольше.

Уверена, что еще какой-нибудь путь закрылся, и выбирать придется не из всего, а из оставшегося. Я это увижу, укажу, куда идти. Потом укажу, что и где делать... Да, может быть, там будет скверно, опасно, а из еды окажутся только улитки — в тот раз они были спасением и почти деликатесом, хотя и гадость. Но мы уж разберемся. Всегда разбирались, на то и вместе — один указывает, второй действует точно.

Жаль, последнее время для моего Мастера просто указки недостаточно. Она взяла себе

странную манеру брюзжать и препираться: до, после и даже во время работы что-то себе фыркает. Теперь ее часто приходится уговаривать.

Сейчас она дожует и, точно знаю, заведет один из своих разговоров, начинающихся с «Ну и какой план?», «И что дальше?» или «Ла-адно, куда на этот раз?». Интонации будут, на каких и крыса поскользнется. Она так спрашивает, словно хочет заставить меня не отвечать, а спросить что-то у нее самой. Это у нее появилось недавно и особо не бросается в уши. Но вот такими пренебрежительными словами о следующем шаге, таким тоном, на который я лишь отмалчиваюсь, оно отчетливо вылезает после работы.

И работу она стала делать небрежно. Сегодня, например, не уследила за ветром, — и вырвало дерево. Вон, лежит в темноте, больше не шевелит ветками, которые еще недавно махали, пытаюсь сопротивляться.

Мой Мастер, выбросив в кусты кости и вытерев свои крупные, всегда почему-то исцарапанные руки пучком травы, начинает:

— Ну и...

— Перестань сотрясать воздух. Не тревожь ночь.

Она замолкает.

В этом молчании слышится такая гора упреков, что она могла бы размерами и тяжестью соперничать с нижней пирамидой любого осколка.

Никак не усвоит, что мне просто нужно время перед тем, как шагнуть в переход. Я не прошу это понимать — что не близко, то не примешь как свое. Но хотя бы запомнить уже можно. Я же запомнила про нее, что ей перестало нравиться ее имя. И не спрашивала у нее никогда, почему ее передергивает, когда кто-то его произносит. Не так много нужно наблюдательности и умения слушать, чтобы понять: она хочет оставить в памяти лишь чей-то единственный голос, зовущий ее по имени. Пусть так. Я не трону и не раню своего Мастера, хоть и не испытываю к ней любви... Когда-то меня учили, что свою пару надо очень любить, дорожить, оберегать, иначе работать не получится. Неверно учили. Получается иначе.

— Так и будем здесь сидеть? Хватит зады холодить! Или мы идем, или я возвращаюсь в деревню!

Вот поэтому и не испытываю я к ней любви. Ее раздражительность мешает ей не толкать того, кто не толкает ее. Но моего терпения и принципиальности хватает, чтобы посидеть еще немного, посмотреть вверх, туда, где проходит граница осколка. Нельзя увидеть, как там загибается воздух. Нельзя перевалиться через границу — осколок на внешней плоскости, как огромная тарелка, не вскарабкаешься просто так. А если вдруг поднимешься по скале или волнами моря утащит, там на ребре тебя и скрутит. На границе притяжение сворачивает свои линии вниз, к внутренней пирамиде. От неживого останется плоское, от живого — лучше не представлять.

Уйти можно лишь с углов. Вот мы сейчас встанем и...

— Инэн!

Я вздрагиваю и с неохотой встаю на ноги. Даже делаю несколько шагов к переходу.

Но вдруг понимаю, что поднялась одна. Мой Мастер сидит, смотрит на меня пронзительно. Чуть прищуриваюсь в темноте ночи и вижу по ее лицу, какой напряженной надеждой полон мой Мастер.

Так чего-то ждут от другого больше, чем от себя. И я спрашиваю первая:

— Что случилось? Тебя что-то тревожит?

— Так мы идем? — она неестественно кривится и глядит из-под отросшей челки почти осуждающе, словно я сделала что-то не то, для чего она меня окрикнула.

— Да. Ты хочешь задержаться?

— Да нет...

— Может, ты хочешь что-то сказать? Говори.

Она молчит. Я жду столько, сколько у меня хватает терпения. Потом слышу неуверенный голос:

— Да ну ла-адно...

Другой на моем месте сел бы рядом, завел разговор, вытянул то, что сначала лезло из нее недовольством, а сейчас заставляет отводить глаза и прятать тяжелый взгляд. Но я перестала соваться в ее дела и мысли после того, как перестала называть ее по имени. Вместе с обращением к себе мой Мастер лишилась и разговаривающих с ней о ней. Мы хорошо работаем и без личного.

Знаем мы друг друга давно. И она знает, что я промолчу, что не стану лезть, можно хоть сколько угодно сопеть. Поэтому встает, подходит. Упрямо смотрит только себе под ноги.

Что-то подсказывает мне, что в этот раз слишком многое в ней толкается, и потому все-таки надо будет поговорить. Позже, но надо непременно. Я нутром понимаю, что дальше не может продолжаться ее безымянность, а плечами чувствую, что хочу скинуть тяжесть того, что она незримо кладет на всех, кто с ней рядом. Но сейчас с ней говорить нет смысла. Беседа будет натянутой, а задержка — вынужденной.

Немного мне доступно, но следующий осколок я выберу так, чтобы там был день под Малой звездой. От нее свет ласковей, но сильнее, потоки ярче. У меня будет время и возможность подобраться поосторожней, узнать, но не растревожить. У моего Мастера скверный характер, вспыльчивый. Но в новом месте есть шанс поймать момент: она на входе обычно очень уверенно себя чувствует, полна сил, решительна и в хорошем расположении духа.

А чтобы дойти куда-то до нового места, надо откуда-то выйти. И я маню ее рукой, указывая на переход. Дверь — в здешнем углу это отрезанная поляна — привычно очерчивается дымкой и повисает перед нами.

Мы делаем один совместный шаг. Трещина двери теряет дымку, ее линии становятся четче. Второй шаг — трещина расходится на ширину наших плотно сомкнутых плеч. Лишь прижавшись друг к другу плечом, мы может двигаться по переходам — очень они узкие.

Третий шаг — и междумирье окружает нас, полное хрустким шумом и переливами сине-красных молний. Наши звезды виднеются радужными кляксами...

Мы сами здесь не материя, но что мы — никто не скажет. Не сохранилось знаний и понимания, как устроены переходы и что именно творится в них, лишь возникло умение ими пользоваться. Сама могу сказать одно: это — норы, прорытые в колоссальной энергии. Эта энергия держит огромным облаком все осколки и не дает им разлететься. Здесь льются бешеные потоки силы, ветрами проносящиеся между черными многогранниками осколков. Здесь свистят и режут ураганы космического света. Когда-то я не знала, что свет умеет реветь, а теперь могу на слух различить, как звучит какой луч. Находилась, наслушалась...

Жуткие сферы, хоть и не материя. Если бы мы совсем не помнили, кто мы и что умели раньше, решили бы, что это магия. Так уже называют на некоторых осколках нашу силу. Может, кто и спорит, разъясняет, рассказывает, но не я.

Против силы, которая держит оставшийся мир вместе, мы тоже держимся вместе. Лишь

то, что мы идем, плотно прижавшись друг к другу, защищает от смертельных ветров. Каждая из нас — щит для другого, иначе развеет. Бывали, конечно, случаи, когда кто-нибудь из наших возвращался на Первый, потеряв свою пару. Таких вернувшихся обсуждать не принято.

Крысы и тараканы бегают по одному — они живучие, искажаются. Прочие животные — погибают. У людей, сохранивших разум, хватает этого разума не соваться в переходы. А другие... Однажды на наших глазах десятка два полуголых и грязных от крови и золы людей, подбегая на руках и ногах, как будто искажение уже коснулось их и лишило прямой спины, с испуганными криками бросались в переход. Мой Мастер попробовала разогнать чудовищную очередь, но ее не замечали — прорывались сквозь поднятый ею ураган, кричали надрывно, и переход проглатывал их, разве что не облизывался. «Туда им и дорога», — со злостью бросила она тогда и опустила ветер.

А потом я увидела, что у нее губа прокушена...

В шуме и треске красных молний мне удастся разглядеть, как из-под наших ног вперед уходят четыре тропы. В конце одной стоит щит — да, ожидаемо попался выход на мертвый осколок. Очередной.

Из оставшихся трех путей я выбираю средний — не люблю крайности.

Делаю шаг и чувствую, как сбоку замирает и начинает соскальзывать горячее и крепкое. Мой Мастер мешкает, потом отстает от меня, не понять насколько — тут нет расстояний. Я оттормаживаюсь и тянусь обратно. Нельзя разрывать прикосновение: иначе мы открыты, иначе долго не продержимся. И сказать ей ничего нельзя — здесь нет у нас голосов. А хочется сказать. Хочется крикнуть «Ты что это?!»

Что бы ее ни отдалило, она быстро возвращается, подстраивается и встает тенью рядом. Ломкое щупальце острой молнии бросается к нам с ее стороны — и тут же его разбивает в пыль.

Нет, не буду я оставлять ее тревоги в ее же делах! Мне было безразлично, что происходит у нее в голове, но лишь до той поры, пока это только в голове. А тут в работу полезло.

Выйдем — все скажу. С ней, конечно, творится неладное, но чтобы застревать посередине перехода...

Переход на последнем участке не дает управлять своим движением, он сам выталкивает из себя на осколок. Нас выкидывает на маленькую площадку, волочет по камням с такой силой, что мы едва не валимся со скалы.

Мой Мастер визжит, катится и наконец хватается за серый выступ. Очень удачно и вовремя — ноги ее уже висят над обрывом. Еще чуть-чуть — и рухнула бы... не видно куда.

Никогда не знаешь, куда выйдешь. Среди наших есть такая игра — кто удачней предскажет угол, где окажется выход. Игроки пытаются даже просчитать систему, принципы, составляют и заучивают карты, спорят, открывается ли только один выход или сразу все углы активируются при нашем приближении. Но никакие подсчеты и споры не помогают. Выбор осколка и дороги к нему — во власти Основателя. Выход на осколок — всегда случаен, и даже если существует закономерность, мы не научились ее понимать.

Несколько раз нашу пару выбрасывало в воду. Очень часто на скалы, как сейчас. Один раз в скалу — нам неприятно, для скалы разрушительно.

— Цела? — спрашиваю я, поднимаясь и отряхиваясь от серой пыли. Штаны совсем затерлись. Пора на Первый, обновиться...

Молчание. Она лежит на краю пропасти и даже не думает подниматься.

— А раз цела, то отвечай: что это сейчас было? Куда ты собралась посреди перехода?

— Ты не поймешь.

— Перестань строить из себя то грозную, то загадочную! Еще одна такая выходка, и это ты у меня поймешь! О твоих капризах уже шутки ходят. То тебе тараканы скучные, то «обращайтесь ко мне по статусу», теперь давай меня под молнии подставляй! Хочешь — крась тараканов в оранжевое. Хочешь — вытребуй себе право сидеть после работы на каждом осколке по пять поворотов и отдыхать. Хочешь — придумай себе новое имя, какое никто не выговорит...

Она вздрагивает, словно бы я ее палкой по спине ударила.

— ...но если ты не соберешься, если еще хоть раз посмеешь самовольничать, я не только откажусь с тобой работать, но и доложу, чтобы тебя вообще вывели с пути.

Сначала она молчит, но вряд ли обдумывает мои слова — замкнулась, наверно, знаю я ее глуховатую натуру. А потом вдруг выдает:

— Зачем нам вообще все это надо?

Голос ее полон злой силы, но я списываю это на то, что она напрягается, втягивая ноги на площадку.

— О чем ты?

— Обо всем. И о переходе... И сейчас... Мы ведь наверняка здесь уже были.

Удивляюсь, и оттого злость стихает.

Сейчас светло — это я удачно выбрала. Осматриваюсь: территория огромная, с этой высоты даже середины осколка не увидишь. С нашей скалы открывается вид на густой лес. Ровной скатертью раскинулась зелень, словно кто-то здесь этот лес когда-то высадил, а не природа сама постаралась. Все деревья одной породы, изредка некоторые верхушки выступают над соседками пухлыми холмиками. Подножье наших скал уходит в лес, как в воду.

Я набираю полную грудь местного воздуха и сначала слышу, как шуршит плотная ткань моей куртки. А надо дальше, и потом еще дальше. Надо проникнуться миром, надо впустить его в себя. После перехода немного гудит в голове, но это скоро пройдет. Через несколько таких глубоких вдохов я настроюсь.

Мой Мастер сердито пыхтит и нарочито громко чистится от пыли. Отряхивается, ворчит о порванной на локте куртке, потом ругается совсем неразборчиво и изучает новые царапины на своих широких ладонях. И лишь после всего этого брызжания, которое я терпеливо переживаю, потому что знаю, что оно для нее такой же ритуал, как и все прочие, она встает рядом со мной и смотрит со скалы на раскинувшийся перед нами осколок.

И говорит неожиданно тихим и неуверенным голосом:

— Здесь тоже, должно быть, хорошо жить... Никуда не ходить... Зачем вообще?

Не успеваю я спросить, как она произносит уже бодрее:

— Я скажу кое-что. Но только давай без этих твоих вечных «Снова ты нудишь» или «О чепухе не надоело?». И, нет, я не бунтую. Не думай, что я набралась недавних слухов и теперь отказываюсь работать. И я не устала, уже говорила... Но, правда... мы только что с 15-го, прискакали сразу. Пришли вот, а я тебя не зря спросила, были ли мы тут. Можешь даже не отвечать, я знаю, что были. Уже приходили, только с другого угла. Там нас еще в реку плюхнуло. И вот снова пришли. А что здесь опять? Что?

— Я не могу так быстро тебе ответить.

— Инэн, я не прошу отвечать... Я же не об этом...

— Я тоже хотела бы о другом. Но о чем ты?

Она быстро осматривается. Подобрал камень у ноги, размахивается и бросает его с обрыва, в зеленое море деревьев.

— Вот этот камень, — говорит она, показывая на лес. — Он лежал тут множество оборотов. Пережил все и оставался на месте. Но сегодня пришли мы. Я приложила усилия — и вот он уже в другом месте. Для этого камня теперь все не так, как раньше. Изменилась почва, на которой он лежал, воздух стал более влажным, ветрам не открыт. Возможно, камень попал в лужу, и теперь вокруг него воды больше, чем накапывало сверху, пока он валялся тут. Мое усилие — и у него все по-другому.

— Дело ведь не в камне.

— Верно. Не в нем... Сколько мы тратим сил, сколько ходим, скольких меняем — а где, где результат?

— Результат есть всегда.

— Да какой же?!

— Ты видишь, что теперь вокруг камня?

Ее взгляд бросается на лес, но она тут же поворачивается ко мне:

— Не вижу, конечно. Я же его...

— Не видишь, не знаешь — а для камня уже все по-другому. Чтобы узнать, как там теперь твой камень, мы должны это увидеть. Для чего камень надо обнаружить. Мы можем уничтожить весь скрывающий его лес, и это изменит мир вокруг камня. Или можем спуститься вниз, пойти, поползть, порыскать — короче, приложить еще усилия. В первом случае мы изменим условия и уничтожим твой результат, во втором — потратим гораздо больше сил, чем те, которые ты только что приложила.

— Мы умрем, блуждая, но камень не найдем, — бурчит она и вздыхает так отчаянно, словно бы хотела сказать что-то другое, но сама поняла, что ей желаемого никогда не сказать.

Во мне просыпается что-то вроде сожаления, но я не могу определить — то ли к ней, то ли к камню, то ли к ее словам.

— Если ты хочешь, чтобы я тебя поняла, тебе стоит говорить о том, что тебя тревожит, а не швыряться от невысказанной злости чем подвернется. Иначе не будет никакого результата.

— Его и так нет.

— Уже есть, и он известен. Ты разрушила эту скалу на один камень.

Предсказуемо получаю в ответ реакцию сдавшегося, но пообещавшего не забыть:

— Нет, ты не понимаешь... Ла-адно, что у нас здесь? Уже выслушала?

Не так уж я ее не понимаю. Но вижу, что посидеть и откровенно поговорить лучше опять-таки не сейчас. На 15-ом я не знала, что тревожит моего Мастера. Здесь мы задержимся и все проясним. Я не буду доносить на нее еще и за то, что она смеет мне указывать и с меня спрашивать. У нее давно уже все правила нарушаются одно за другим.

— ...далеко не ходить, — увлеченно брюзжит она. — Точно были, хоть я и не помню, кого тут меняла. И сейчас наверняка такой же будет. Они же шмыгают постоянно, только уйдешь, а как и не приходил... Ну, чего молчишь? Какой это?

Снова прислушиваюсь к миру и заодно вспоминаю карту. Это один из полуторатысячных, но мне не вспомнить точно последнюю цифру номера. У них у всех

хороший набор: с одной стороны — скалы, в середине — огромная равнина, с другого края — длинное озеро.

Да, мы действительно здесь уже были.

Треть осколка занимает лес. Говорят, по полуторатысячным над этим лесом шла длинная воздушная дорога, соединявшая два огромных города. К городам подходов нет, на осколках с ними набор не удержал жизни. Но мне довелось увидеть рисунок одного из наших старых, кто успел побывать в одном городе до того, как там угасла последняя живая клетка. Город был красивым.

Это очень приятно — слушать мир. Его мелодии, тонкие и тихие или бурные и многозвучные, всегда одинаково прекрасны, потому что заданы жизнью и разумом. Одна неправильная нота — и я слышу фальшь.

И сейчас я ее слышу. Паршивейший звук, словно бы кто-то отчаянно царапает ногтями по дереву. Неожиданно близко и потому вдвойне неприятно.

— Приготовься, — говорю я. — Там. Это крыса.

— Ну, хоть крыса, а то надоели эти твои тараканы... Может, и правда, начать их красить...

— Поторопись.

Площадка, куда нас выбросило — это широкий кусок тропы, обрушившейся с обеих сторон и потому никуда и ниоткуда не ведущей. По ней будет не спуститься в лес. Мне-то ладно, ходить никуда не надо, указать место приложения можно отовсюду. Но моему Мастеру придется лезть по обрыву вниз, цепляясь за камни. Высоковато...

— Тебе надо спуститься. Веревки у нас нет.

— И кто же это у нас ее, интересно, не взял хотя бы с 15-го, если уж нормальную потерял?.. — ругается, язва, и очень неторопливо сползает с края площадки. — Лазаешь вот так, лазаешь. Потом все руки грязные... Высмотри заодно воду, помыть чтобы было где.

Команды от нее еще ничего, а вот все эти копания и небрежная медлительность... Не терплю, когда она готовится так, словно бы думает, что искаженному опасному зверю всегда можно сказать: «Я сейчас устроюсь, развернусь — и сделаю тебя обратно маленьким. Подожди пока, а то моей ноге неудобно и в затылок дует».

Сначала зашипело в ушах. Потом вижу, как дергается один из зеленых холмиков лесной равнины. Беспокойство отзывается в сердце. И вот уже второй холмик, соседний, уходит в сторону волной и, потревоженный, встает на место.

Мой Мастер не видит ничего — к лесу она спиной и озабочена выбором места, куда поставить ногу и за что зацепить руку. Ей до земли еще десять ростов, и я говорю:

— Надо поторопиться. Не знаю, почуяла нас, что ли... Она быстро приближается.

До крысы осталось столько, что я уже могу сказать о ее размере с точностью до ладони:

— Сосредоточься. Соберись, слышишь? Она очень большая.

— А почему крысы в переходах никогда не меняют общую форму, только размер? — недовольно замечает снизу Мастер.

Беспокойство растет. Говорю громче и торопливее:

— Они чувствуют себя совершенными. Им незачем меняться.

— Это правда?

— Спроси лучше не у меня, а у крысы, довольна ли она своей красотой и силой?

— А тараканы?

— Спроси не у меня, а у таракана, чем они в себе довольны. А еще лучше — займись

делом.

— А мы? Не занимаемся ли мы изменениями этих искаженных только потому, что считаем их...

— У тебя нет времени на болтовню!

В полотне леса появляется провал, словно кто-то дернул вниз ветвистое дерево. Близко к нашим скалам. Слишком близко. Я вмиг забываю о том, что там любит и чего не выносит мой Мастер.

— Крин! У тебя вообще нет времени! Возвращайся.

— Не дергайся. Я сейчас развернусь, достану ее и отсюда, — отзывается она и повисает на скале, разглядывая возле себя трещины в камне.

Это невыносимо. Она безмятежна и медлительна до безрассудности.

— Крин, давай назад.

— Отстань. Я сейчас...

— Оставь свою самонадеянность! Крыса близко, а ты не на земле.

Я бросаюсь направо по остатку тропы, под ногами крутятся и мешают камешки. Присев у обрыва, смотрю на темную макушку Мастера под собой. Я вытащила бы эту гордячку за что угодно, но мне не хватает одного роста, чтобы дотянуться до ее воротника или до волос.

Лес издает сухой треск, верхушки деревьев раздвигаются, обнажая ворочающееся под ними чудовище. Мне бы упасть на живот — может, смогу дотянуться.

Падаю, но все равно не достаю. Она слишком далеко.

Если Крин в пару рывков заберется вон к той ступени, я ухвачу ее за руку, дерну, поставлю рядом — и тогда, даже если крыса окажется летучей, она будет не страшна. Вдвоем мы поднимем защиту такую же, как ставим в переходе. И ее ничего не пробьет.

Мастер отнимает одну руку от маленького уступа и ведет по скале плотно прижатым плечом, разворачиваясь на узкой кромке.

— Крин, не смей! Немедленно назад, хватит вертеться. Дай сюда руку!

— Прекрати панику, что с тобой? Как новичок, смешно даже... Это всего лишь большая крыса. Я и не таких...

Крыса вылетает из леса, словно гигантская рыбина из моря — резко, расплескивая вокруг себя сломанные ветки, взметая брызги сорванной листвы. Ее туша, искалеченная переходом, невероятно огромна и липко блестит. В два сокрушительных прыжка, сметая крепкие деревья, крыса добирается до скал.

Крин не успевает договорить, что она и не таких меняла. Чудовище в третьем прыжке бросается на утес. Прямо подо мной проносится метла длинных ломаных усов, и широченная пасть вгрызается в камень.

Скала содрогается. Среди грохота камней и рева я не слышу — кричит ли, умирая, мой Мастер.

Крыса мотает головой, стряхивая с себя серые каменные осколки. Плюется и чавкает, из пасти падает слюна, вываливаются испачканные красным бульжники. Я смотрю не отрываясь, как она длинным языком ловит соскользнувший покореженный ботинок, как обвивает его, как он исчезает среди кривых зубов...

Она совсем рядом.

Обрыв под тушей осыпается, когда крыса пытается подняться и броситься уже на меня. Зацепиться ей не за что, трещины обваливаются и не служат опорой. Царапаясь бездумно, крыса все-таки съезжает к подножью скалы, а ее хвост исчезает под кронами оставшихся

деревьев.

В первое нападение она выложились, разогнавшись. До второй добычи ей так не добраться. Но и второй до первой теперь тоже не достать, не спасти. Можно хоть сколько рук протягивать, хоть какие приказы выкрикивать и хоть какими именами призывать...

Желание дотянуться до Крин никуда не исчезло. Оно стоит рядом со мной, оно окружает меня. Просто теперь оно иное — это желание дотянуться до крысы. Она наверняка чувствует это, поднимает длинную голову с вывернутым наверх тупым клювом — как же ее перекорежило! Наши взгляды встречаются.

Я слышу крысу теперь уже отчетливо и близко, и волна злости хлещет по моему телу. Живот немилосердно скручивает, но я держусь, не сгибаюсь. Даже прищуриваюсь, чтобы настроиться на эту тварь...

Она давно голодает. Это видно по ее взгляду — да, я умею не только слушать. Лучше бы не умела — тогда бы не высмотрела в крысиных глазах каждого, кого она успела сожрать на осколке до нашего прихода. А сожрала она всех.

Большая, ей нужно много. Когда-то она с визгом вывалилась на этот осколок, побитая молниями, истощенная и жадная до любой еды. Теперь мы с ней здесь — самое последнее мясо. Оцепенев от собственного страха и от ее злости, потерявшись от необратимости случившегося у меня на глазах, я слышу, четко слышу, что на осколке больше нет животных. Есть растительность, на ней полно гусениц, которые скоро съедят все зеленое, просто до этого леса еще не добрались. Гусениц жрать крыса не может — ее тошнит. Нет птиц, уже нет ни одного яйца. В озере на дальней стороне не слышно ни одной рыбы.

— Крин, — бездумно шепчу я. — Мне надо было слушать мир, а не тебя. А тебе надо было быть менее самоуверенной. И не приказывать мне. А мне — тебя не надо было слушать.

Увы, никто мне не ответит ворчливо, что ее опыта хватило бы на такую крысу с лихвой...

Крыса облизывается и сглатывает. Не сводит с меня всех четырех глаз, но и бросаться на скалу не спешит. Она голодная, но понимает — ей меня не достать. Только устанет, а силы восстановить все равно нечем.

Новая волна ее злости бьет меня, туманя зрение. Но она же отпускает — и настройка на чудовище соскальзывает. Однако ее злость осталась во мне, и будет плескаться еще долго — я чувствую, как бушует в крови ярость существа, не способного дотянуться до того, что оно смертельно хочет. И я ее в этом понимаю.

Со злости поднимаю один из камней, отрываю его от привычной скалы. Рука моя хочет замахнуться. Да, разрушить скалу, чтобы наказать крысу!

Ее слабые места мне хорошо видны — если прищуриться, они подсвечиваются розовым. У меня есть камень, и рядом еще много камней — целая скала. Это — единственное, чем я смогу попасть ей в слабые места. Крин должна была пройти по этим точкам и изменить чудовище обратно, в простую крысу. Мы могли бы потом или унести ее с собой, или оставить на этом осколке, если бы набор позволил.

Я одна ничего не могу с ней сделать. У Основателя нет инструментов. Теперь эта искаженная тварь останется здесь — это точно. Камней много, хочешь — забросай, пока не устанешь. Я не устану горячо желать этой твари мучительной смерти за то, что она убила моего Мастера, и я хочу забросать ее камнями, пока она будет ждать меня, свою добычу, под этой скалой. Будет сидеть, голодать и злиться вниз, в гнезде из развороченных стволов. А

меня наверху будет скручивать от бессилия и невозможности ее убить: мне нечем, да и нельзя нам убивать.

Мучительной смерти...

Я вскидываюсь, дергаюсь, и камень из моей руки выскользывает, падает с обрыва. Он весело прыгает по выступам, с шумом увлекая в бег за собой своих серых родичей. Крыса одним из глаз провожает маленький обвал.

Конечно же! Эта тварь уже разрушила набор осколка так, что скоро тут не останется и растений. Новым животным взяться неоткуда — и она вымрет здесь с голода! Потом расплодившиеся гусеницы съедят и ее.

Мне доводилось видеть, во что превращаются осколки без животных буквально за сотню оборотов... Да, переход открыт, еще одна крыса может прийти сюда, или таракан. Но систему осколка уже не исправишь. Подорванная, она не поддержит в себе жизнь. Потом останется лишь вода в том озере, да и то мертвая, и вот эти скалы. Может, на них дольше всего продержится лишайник...

А крыса сдохнет сама.

— Сиди теперь! — кричу я почти восторженно, умом понимая, что это уже истерика. — Наслаждайся, дыши, смотри, как встает звезда. Хочешь выбраться? Нечего было совать свой нос в опасные места и нечего было жрать того, кто пришел помочь тебе. Бестолковая ты крыса!

Она все слышит. Ее ухо на затылке подрагивает напряженно на каждое мое слово. Но мне мало, пусть она еще и видит. Я топаю по остатку серых ступеней и указываю пальцем себе под ноги:

— Сиди здесь. Здесь!

Потом разворачиваюсь и бегу к площадке с углом. Переход, встречая меня, вспыхивает, ломается трещиной; красно-синие овалы расступаются, готовясь пропустить.

Врываюсь в переход — он едва успевает раскрыться передо мной и моей злостью, которая сейчас служит мне щитом. За двоих будет!

И прежде чем трещина захлопывается позади, слышу доносящийся с осколка грохот. Похоже, крыса, хоть и прижимала ухо и смотрела на меня, кричащую, напуганно, все-таки бросилась на ускользящую еду. Ну и ладно! Разгроми хоть весь осколок, живой не выберешься. Даже если сунешь нос-клюв в переход на другом углу, живучести на второе искажение не хватит.

Разворачиваюсь в узком переходе и, стараясь, чтобы особо наглой молнией не зацепило протянутую руку, ставлю символ: «Угасание». Чтобы не заходили сюда наши и не пытались исправить это чудовище. Эти символы не любят: еще и осколок не закрылся, а уже смысла входить нет. С мертвыми мирами мы умеем смиряться, а угасающая жизнь нас пугает.

Может быть, осколок, умей он говорить, захлебываясь слезными дождями, поведал бы когда-нибудь о тяжелом остатке жизни этого голодного искаженного животного. Но не умеет, да его никто и не спросит, даже если сумел бы настроиться — к «угасанию» не приближаются. У меня же хватит взятой от крысы злости, чтобы не жалеть ее и не осуждать себя.

Может быть, Крин, будь она со мной, заметила бы ворчливо, что мы защищаем любую жизнь, и, оставив крысу умирать, я поступаю неверно. Жаль, что она не сможет меня ни в чем упрекнуть.

Я нарушила бы тысячу правил — сегодня можно! — и сама убила бы крысу раз, другой и

десятый, лишь бы услышать упрек от того, кто больше не скажет мне ни слова.

Когда-то я до жути боялась потерять своего Мастера.

Сейчас боюсь, но уже не потерять. Страшно другое — страшно сознавать, что рядом нет того, кто быть рядом должен. Часть тебя резко оторвало что-то такое, что сильнее и тебя самого, и твоей связи с этой частью. Даже не выкорчевывало медленно и с хрустом, вытягивая и давая понять неизбежность, заставляя ощущать, как напрягается каждая ниточка, каждая связочка... Нет, просто рвануло. Сейчас рядом пусто, и это все, что можно понять и почувствовать. Хотя, как чувствовать пустоту? Ведь она — это когда ничего нет.

Мне страшно так, что я могу только ругаться. Седьмой поворот подряд.

— ...и все-таки она вляпалась!

— Успокойся, Инэн, в этом нет твоей вины.

Моя Старшая твердит это седьмой поворот подряд. Теперь она — только моя Старшая. От этого я хочу кричать еще громче.

И, конечно, кричу. Сажу на Первом, гуляю, сплю, ем. Кричу, едва лишь содрогнется память, потревожит совесть. Кричу, едва увижу свою Старшую. А вызвали бы к ней сразу, как пришла, не заперли бы, не дали бы побить стены — на всех бы орала постоянно и не разбирая, кто тут чей.

Мою Старшую зовут Ала. Я знаю ее давно, всегда. Она учила меня, отправляла в первый переход. Она терпела мои неудачи, она назначила мне моего Мастера. Еще не самого несносного, хотя известно, что все Мастера характерами очень трудные, неуживчивые. Говорят, унаследовали от предков, склонных к разного рода смутам. В этот слух верят — есть же пары, в которых работают, но давно поругались и не разговаривают. Основатель указывает, Мастер без слов прикладывает силу. А мы общались, и немало. Теперь кажется, что все недостаточно...

— Если тебе очень хочется найти виновного в этой беде, мне придется произнести имя Крин, — добавляет Ала.

Я качаю головой и отворачиваюсь — не хочу, чтобы она видела сейчас мое лицо.

— Зря я собиралась с ней объясниться. Вела бы ее на другой осколок... не выискивая, чтобы там непременно был день. Ведь был выбор...

— С каждым днем ты наговариваешь на себя все больше и больше, — отзывается она со вздохом уставшей матери. — Неужели Первый так плохо на тебя влияет, Инэн? Ты ворвалась на него, пылающая гневом. Вокруг тебя, казалось, бушует космический ветер...

— Это прицепилось. Я лишь на злости прошла в одиночку.

— ...теперь ты в печали, изводишь себя, накручиваешь. А совесть на самом деле у тебя чиста, потому что в случившемся твоей вины нет. Если и есть, то не твоя. Нет нужды кричать, чтобы в это поверить. С Крин случилось то, что рано или поздно случается с каждым Мастером полной силы. Не зря их с детства предупреждают о слабости, которая прячется в их безмерной самоуверенности. Крин могла совершить любую роковую ошибку в любой момент, но случилось...

Дергаюсь. Не на ровный плавный голос, оплетающий успокоением — он на меня не действует, — но на слова.

— Да, как любой полной силы Мастер, она могла ошибиться когда угодно. Но, как она

сама, как Мастер Крин, когда, по-вашему, она слетела в эту самоуверенную слабость? Вы видели, что она выходит из-под контроля? Видели, что может ослушаться меня или потерять бдительность сама по себе?.. Если видели, почему мне не указали?

— Что бы я ни видела, я думала, она справится, как все в ее семье справлялись. Не было у них ни срывов, ни выходов. И я надеялась, что не будет никогда. Для меня твой рассказ стал такой же неожиданностью, как и для тебя его события.

Верю ли я ей?..

Ала медленно поднимается с длинного дивана, идет по комнате так плавно, будто скользит над мозаичным полом. Ее серый балахон с золотой тесьмой на рукавах и воротах волочится за ней с леностью утреннего тумана на болотном осколке. По утомленному движению серой ткани я понимаю, насколько Але надоело разговаривать со мной и как она разочарована тем, что ее гипнотические интонации (а в этом она одна из лучших) все никак не оказывают на меня ожидаемого влияния.

Да, знаю... Нельзя Основателям присматриваться к своим Старшим. А почему нельзя? Хорошо же понимать, что творится с тем, кто стоит над тобой. Я наблюдаю за Алой уже давно. Может, поэтому ее голос и не властен надо мной. Крин бы уже расплылась и пошла по любому приказу, хоть на безвоздушный осколок.

Крин...

Надо было наблюдать за ней и только за ней.

Ала наливает нам вина в высокие узкие бокалы — вторая порция за сегодня, какая-то за семь поворотов. Напиток тихо плещется, короткими волнами взбирается по прозрачным стенкам. Но если он, поднимаясь все выше и цепляясь за стекло, заберется на край...

И уже не могу не спросить то, о чем молчала, даже когда кричала на побитые стены:

— Ала, скажите. Правда ли, что Мастер перед смертью видит мир глубже, чем Основатель при жизни?

Рука ее, тонкая, изящная, в золотом кольце тесьмы — цвет Основателей, — рука, чистая до того, что кажется, будто ее пальцами можно касаться лишь звезд, не трогать ничего брэнного... Эта рука вдруг застывает. Ненадолго, всего на пол-вдоха. Вино из кувшина выплескивается крупной волной — и мой бокал переполнен! Оно переваливается через край, затем падает, цепляясь за гладкие стенки... если бы было можно, вскарабкалось бы обратно в бокал или в кувшин. Прыжками взобралось, двумя, больше не надо, достало бы до края с внешней стороны...

Я едва удивляюсь тому, что не удивляюсь.

Но вдруг замечаю, что щеки моей Старшей откровенно полыхают розовым.

— Крин что-то успела тебе сказать?

— Нет.

— А почему тогда...

— Она не говорила. Она лишь спросила меня, зачем мы все это делаем?

— Инэн! Ты что-то замалчиваешь. Кстати, может, потому и кричишь... Тебе незачем от меня что-то скрывать. Лучше ответь — что она успела сказать, раз ты теперь задаешь мне такие вопросы?

Молчу.

Хочется верить, что во мне этим молчанием отзывается частичка вредности Крин — я не могла не перенять от нее чего-нибудь. Но на самом деле просто не вижу смысла говорить с тем, кто не хочет говорить вообще. Эта слабость — нежелание откровенного разговора —

подсвечивается у Алы на губах и ниже, по шее.

Принимаю мокрый снаружи бокал (хоть бы вытерла! руки будут липкие) — и молчу. Слезу, как взятой со стола салфеткой она, задумавшись, неторопливо вытирает свои пальцы, — и молчу. Мне-то за салфеткой встать, а я не хочу. Лишь смотрю на Алу пристально. Она должна сообразить, зачем я на нее так смотрю.

Может, все-таки что-то проникло в меня с воздухом Первого. Не помню я за собой такой наглости, чтобы ждать, когда мне Старшая салфетку подаст.

Пью — и молчу. Смотрю, как розовое постепенно исчезает с лица и шеи моей Старшей, оставляет только в одежде два совмещенных цвета и еще один — в волосах.

В своем выглаженном балахоне, ленивом и томном, как ее голос, как ее комната, среди мягких кресел и диванов, Ала выглядит цельно со всей этой обстановкой. Странно, но я не помню ее вне ее покоев. Вернее, помню, что она проверяла нас на внешних уроках, что провожала меня, выходящую на путь, но... но как она все это делала?

Под небом она словно исчезает, ей там словно не место.

Зато здесь, в полутьме, с неназойливыми круглыми светильниками под потолком, среди ласковой силы, наполняющей каждый предмет на полках, развешанных по всем стенам, здесь, возле роскошного мягкого дивана, на котором я сижу уже четверть поворота, — среди всего этого чарующего блаженства Ала выглядит существом, одновременно принадлежащим и нашему разбитому миру, и тому, прежнему, — в лучших состояниях обоих. Если на нее смотреть и ее слушать, то думаешь, что никогда она не испытывала ничего мучительного и тяжелого, никакая боль еще не коснулась ее. И потому невольно веришь, что еще ничего не случилось во всем мире и никакие разрушения к нам не пришли.

Можно сказать, что все Старшие производят такое впечатление, хотя других я видела издали или же говорила с ними мимоходом. Они своим образом и примером, своей красотой, манерами, умением поддержать и направить, показывают нам, как было прекрасно и мудро то, что требуется вернуть. Как сейчас оно ничтожно мало, как вынужденно ютится на одном осколке, когда призвано занимать весь мир!

Они помогают нам в наших проблемах, обучают новеньких. Они такие, что, завидев их, хочется отряхнуться от рабочей пыли и осторожно приблизиться... хочется быть, как они, хочется прикоснуться и черпнуть...

Ала не зря считается одной из лучших — рядом с ней собственная боль действительно уменьшается, утихает, словно бы еще ничего не случилось и у меня тоже...

А может, это вино.

Дождавшись, пока я допью, она ставит свой нетронутый бокал на круглый столик возле мягкого диванного подлокотника.

— Я прошу тебя не думать, будто я видела в Криин внутреннюю опасность и сознательно тебя не предупреждала, — говорит она проникновенно и печально. — Ее потеря разрывает мне сердце не меньше, чем тебе. Мы скорбим вместе, и не стоит нам ранить друг друга обвинениями.

— Значит, вы все-таки могли бы меня в чем-то обвинить?

— Уж всяко не в том, что ты мне наговорила про осколок, выбранный ради светлого дня... Никто не мог предвидеть, что Криин погибнет. Такая молодая, умелая... Среди моих учеников не попадалось никого, кто был бы схож с нею. Но ее смерть случайна — поверь и ты в это, как верю я. Ничьей вины нет, как нет ничьей задумки. То, что случилось не по замыслу, нельзя постичь, можно лишь принять как есть... Криин проявила слабость,

наговорила тебе чепухи, поддавшись этой слабости... Увы, Инэн, но слабость обречена, и гибель Крин не говорит ни о чем ином. Теперь из-за ее слабости ты одинока. Но сила — это всё. И мы — это сила. И наше дело — сила.

— Да не-ет... Я тоже слаба, потому что не смогла ей помочь.

— Сила не в том, чтобы помогать. Сила в том, чтобы сохранить. Ты сохранила свою жизнь, не дала чудовищу съесть еще и тебя, а это было бы непоправимым для нас.

— Непоправимым... — я дергаю щекой и ставлю пустой бокал на другой, парный, столик. — Так ли? Подумаешь, одна пара. Разве убудет от наших, которых... Сколько нас? Я и числа-то не знаю... И разве что-то изменилось бы, если бы меня съели вместе с Крин?

— Инэн!

— Ничего не меняется, если погиб один из нас. Ничего не меняется, если выйдет с пути другой. Тогда что изменится, если убрать нас всех? Что, если мы перестанем шастать туда-сюда наперегонки с крысами и тараканами? Если осядем на одном осколке? А хоть вот на этом же, — я тыкаю пальцем в диван под собой.

Ала смотрит на меня, застывшая. Ее поразили мои слова, но, похоже, сейчас мы обе не можем до конца понять, какие именно.

— Нет, ты рассуждаешь неверно. Не могу ничего тебе запретить, но я несу ответственность и за твои мысли. Поэтому вынуждена напомнить тебе, что мы не можем ничего перестать и где-то осесть, пусть даже кому-то такое кажется полезней нашей работы. Неужели мы, и ты в том числе, бросим людей на других осколках предоставленными своей судьбе и случаю? Неужели отдадим их на растерзание чудовищ?

— Разберутся сами. Я же знаю — разбирались и с тараканами, и с крысами. Не всегда удачно и с жертвами, но...

— Вот ты и сама не веришь в то, что сегодня заявляешь! Потому что именно — с жертвами. А мы не можем их допустить.

— Ала, только не повторяйте мне весь курс. Я знаю, что мы должны сохранить любую жизнь и защитить разумную. Но ведь мы не везде поспеваем, а систему вызовов так и не сделали.

— Да-а... — она с досадой поджимает губы.

Когда-то она горячо поддерживала идею о такой системе, рисуя удачное будущее. Противники самой ее возможности ссылались на настоящее. А настоящее таково, что мы до сих пор не разобрались с тем, что у нас есть. Например, почему и как закрываются безжизненные осколки? Название «Аварийная система» есть, а как она работает, не знаем. И тут еще заговорили о создании новой системы. Кто-то поверил, кто-то уперся...

— У нас нет вызовов, — продолжает она, и изящная рука поправляет светлый, упавший от накатившей скорби локон. — И именно поэтому мы не можем вдруг прекращать отлаженную работу. Нам не на что заменить ваши пути. Если вы все остановитесь в своем движении, а чудовища будут продолжать появляться, то угроза разумным возрастет так, что, даже вернувшись к прежнему, мы потеряем невозполнимое.

— Значит, такова будет судьба разумных.

Она смотрит на меня долго, и мне от ее взгляда совсем плохо, словно она у меня нутро меняет по моим слабым местам. Хорошо, что я знаю — Старшие не из Мастеров, значит, менять ничего не будут.

— Судьба людей на осколках оборвется, если мы оставим их с ней наедине, — голос ее из мягкого становится давящим. — Судьба оборвется вместе с жизнью, а среди разумной...

— Я же прошу, не повторяйте. Все сама знаю. Я потеряла Мастера, но не память! — не выдерживаю я. — Но мы так долго ждем эту силу! Что, если ее и вовсе нет?

— Глупости говоришь, Инэн! Как это на тебя не похоже... Она не может не появиться. Ты же сама слышишь, как мир тоскует по силе. Значит, она придет, мир сам призовет ее в себя — наша цель найти и...

— Слышу.

Я встаю и подхожу к одному из узких окон. Занавески в покоях Алы всегда задернуты, словно бы она не только старается не появляться под небом, но еще не хочет, чтобы свет проникал к ней, в ее жизнь. Именно поэтому сегодня я делаю то, на что не осмеливалась раньше — отодвигаю тяжелую занавеску.

— Все слышу.

А может, это вино...

Снаружи вечереет. Воздух подкрашен синеватым, неба коснулся розовый — но здесь это не цвет слабости. Внутренняя сторона нашего дома, выстроенного в форме огромного колодца, уже отмечена тенью — свет звезды почти ушел из серых вогнутых стен.

По галерее напротив бредут двое Старших. Лиц их не различить, слышно, что они молчат.

Сбоку, между двумя столбами, стоящими вплотную к стене, улиткой ползет вниз прозрачная кабина лифта. В ней трое учеников. Даже через два стекла — передо мной и у лифта — я слышу, как задорно они смеются.

Кабина спускается, исчезает. Дальше смех учеников я могу поймать, только если потянусь, если подстроюсь...

Снова становится тихо. Ветра не включили, и потому все неподвижно, даже листики плюща, облезлой серо-зеленой краской покрывающего перила по всей сотне этажей.

— Я многое слышу, — продолжаю я. — Но не слышу, чтобы вы и остальные Старшие называли глупостями то, что нынче болтают про людей с осколков. А если эти слухи об их безнадежности не глупость, тогда зачем нам охранять разум, который сам слаб и силы не породит? Ведь не породит. Он слаб. Надо это признать, поставить угасание...

— Ты не делаешь собственных выводов, а слушаешь чужие. Да, болтают. Но слухи — это выводы глупых и злых. Глупо считать слухи правдой.

— Неважно, как я считаю, но я эти слухи знаю. И понимаю, почему в них верят. Не только я видела заброшенные поселения. Не только я наблюдала, как на осколках с малым набором люди от голода начинают есть своих же. Не только я знаю, что на одном осколке разум покинул всех до единого, и они теперь как звери живут со зверями вперемешку. И не только я...

Ала вдруг поднимается:

— Так Крин верила в эти слухи? Из-за своей веры в безнадежность людей она пыталась убедить тебя в бессмысленности наших дел?

— Но если слухи — правда, то...

— А если нет?

— Тогда почему уже сто оборотов не проверяют тех, у кого родитель с осколка?

Я знаю, куда бить. И попадаю.

Она поеживается. Явно не ждала такого вопроса. Но у Старших всегда и на все есть ответы.

— Да-а, пожалуй, тебе просто некому было сказать, что есть варианты... У кого

родители оба чрезвычайно сильные, тех проверяют несколько раз... Крин смотрели единожды, было достаточно. Но, да... ты не знаешь. Это моя вина.

Она замолкает, ожидая, что я сейчас примусь отрицать ее вину.

Когда тишина становится возмутительной, Ала отворачивается, но продолжает:

— Дело не только в твоём знании, но еще и в опыте, а он у тебя невелик... Ты еще не встречала на своем пути никого, выдающегося силой. Поэтому тебе кажется, что таких всплесков среди людей не возникает вовсе. Но это не так.

— Таких людей приводили сюда? Проверяли?

— Разумеется. Хоть и не всех подряд. Иногда было понятно, что сила есть, но небольшая, и проверка человека просто убьет... Ты никогда не сталкивалась с проверкой и не знаешь, сколько сил это забирает у каждой стороны. А среди наших...

Голова ее склоняется набок, несильно, но достаточно, чтобы я поняла — дальше придется догадываться самой.

— ...а среди наших мы не найдем хоть сотней проверок ничего особенного. При самом удачном расположении звезд родится еще один Основатель повнимательнее или еще один Мастер поумелее, но никого феноменального, — заканчиваю я за нее.

Она кивает, довольная:

— Бывает, что в ком-то его сила видна и без его крови. И слабость тоже видна. За пять сотен оборотов нам стало ясно, что те, у кого родитель с осколка, не очень-то сильны сами и уж точно не сильнее второго родителя. Таких уже нет нужды проверять, порой они с трудом выдают даже минимальные показатели. Вот мы и не проверяем.

И смотрит прямо в глаза.

Давай, еще плюнь в меня... С-старшая...

Кажется, я не сдерживаюсь и что-то проступает в моем лице. Ала вздыхает, подходит ко мне все так же плавно, словно ее ленивый балахон управляет ее телом. Протягивает руку и заботливо гладит меня по плечу. Заодно чуть подталкивает к дивану — и я вынужденно отпускаю приоткрытую занавеску.

— Я понимаю тебя, Инэн. Ты сейчас в сомнениях, а сила слухов очень велика. Да, в их основе лежит правда. Но сами они — глупость. Да, люди на осколках сильнее не становятся. Но это не значит, что мы должны этих людей бросить и забыть. Это не значит, что вы должны перестать работать — ведь вы так нужны и только на вас надежда! Новый сильный может родиться даже среди тех, кто уже уйдет в пещеры зверем. Но он всенепременно появится! Не верить в него есть слабость, а с тебя ее нынче достаточно. Ты к ней не расположена, иначе сейчас не говорила бы со мной, не спрашивала ни о чем... И иначе ты бы осталась на том осколке.

И она попадает. Тоже знает, куда бить.

А я, дура, глупые слухи о людях на осколках с проверками силы у наших вот так никогда не увязывала... Недаром тогда бродит еще слухок о семьях. Правда, он тоже — чьи-то чужие выводы...

Принимаю третий бокал, хоть он, возможно, лишний. Но Ала, видно, решила, что он мне нужен. Или хотела так показать, что сегодня — особенный день.

Не так часто я появляюсь на Первом, чтобы проникнуться жизнью, которой он наполнен. Здесь хоть издышись весь, а не настроишься на высокие дома, составленные сплошь из арок и балконов, откуда хорошо созерцать горные вершины на далеких границах, и из галерей, по которым восхитительно прогуливаться и думать о том, что за границами;

хоть ислушайся, а не уловишь особый тон уютных комнат с цветами, срезаемыми просто для красоты. Здесь не перестанешь воспринимать как чудо мягкие диваны у теплых стен, когда до этого почти полный оборот приходилось спать на земле, и хорошо, если на траве или песке, а не спина к спине, в воде по пояс, как нас однажды выбросило, и хоть что хочешь делай, а топать через весь осколок до суши и до захватившего ее таракана. Здесь не чувствуешь себя непринужденно среди приятно пахнущих напитков и аппетитно разложенной еды в больших тарелках, когда в памяти еще свежо, что недавно готов был из болота пить, а та улитка...

Эх, Крин. Как много ты успела мне не простить!

Сажусь обратно на диван и выпиваю вино в несколько жадных глотков.

— Первый все-таки плохо на тебя влияет, как любое бездействие губительно сказывается на деятельной натуре, — говорит Ала, печально улыбаясь.

— Такой ли уж деятельной? Что-то я не вижу на себе наград, а о моем опыте вы и сами говорите, как о невеликом.

— Награды тебе самой не нужны, вот ты их и не получаешь. Тебя ценят, ты не из последних. Но сейчас тебе нужно вовсе не признание и совсем не то, про что ты можешь сама меня спросить, — ее улыбка перетекает в лукавую. — Тебе нужна сила, обратно твоя собственная сила. Ты из тех, для кого их сила не в них самих, а в единстве с другими. И не спорь со мной! — она делает упреждающий жест тонкой рукой. — Тебе не нравится сидеть здесь, на Первом, и ничего не делать. Однако я не вижу, чтобы ты уже полностью пришла в себя... Можешь на этот вечер остаться здесь, в полном одиночестве. Восстановишься быстрее. Я предупрежу, чтобы к ночи тебя не искали.

Диван подо мной становится вдруг мягким до неприличия.

— Что, и спать вы мне здесь разрешите?

— Более того, попрошу это сделать, — улыбается Ала. — Ты жила вместе со своим Мастером, ты была единым целым с Крин, и ты стала очень привязана к ней. Именно к ней, но ни к кому другому... Ты невольно стала соблюдать ее интересы и потому попала на ее веру в дурные слухи. Но это все не твое. Это все эхо, отголоски. С ними надо попрощаться.

Она меняется в лице, глаза грустно прикрываются:

— Мне нелегко это говорить, но... ты теперь одна. Ты теперь — сама новая. И потому вскоре выйдешь на путь...

— Погоните?

— Нет. Сейчас я верю в тебя больше, чем когда ты делила силу с Крин. И я верю, что ты нынешняя для защиты людей на осколках сделаешь больше, чем стала бы делать ты прежняя.

— Ала, будьте откровенны, — начинает говорить во мне вино, — «...сделаешь больше, но не так много, как это сделал бы Основатель полной силы», так?

Она смотрит на меня с прискорбием.

— Скажите, вам никогда не хотелось плюнуть в меня?

— Инэн!

— Ладно-ладно, — поднимаю руки в примирительном жесте. — Не обижайтесь, сама не знаю что несу.

Она качает головой. Еще чуть-чуть — и погрозила бы мне изящным пальцем.

Красивая женщина — моя Старшая. Интересно, чья она теперь еще Старшая? То, что мне разрешают отдохнуть в роскошных покоях, говорит лишь об одном — я должна быть умиротворена, когда вскоре мне представят новенькую в пару. И вина поэтому сегодня тоже

чуть больше...

Наверное.

Я протягиваю вперед руку с пустым бокалом и чуть покачиваю им из стороны в сторону:

— Не нальете ли еще? Очень вкусное. Когда снова доведется попробовать...

Она наливает, рука ее не дрожит. Лицо такое, словно я только что полностью просоответствовала ее ожиданиям.

Да чтобы вас всех разорвало! Неужели вот так все просто?! Нет Крин — утрись и принимай новую? Но если я облажалась один раз и могу облажаться второй, то что дальше — принимай следующую?

Но как же я без Крин?..

Глаза мои становятся горячими.

И раньше, чем я успеваю взволноваться от того, что моя Старшая увидит сейчас эту глупую слабость, она ползет своей плавной походкой к тяжелым занавескам, за которыми двери, и уже оттуда — повернувшись и глядя в упор! — произносит вовсе не «Инэн, что с тобой?», а:

— Располагайся.

Неужели не увидела?!

Я едва не проливаю вино.

Ну ладно, Старшие не из Мастеров, не умеют менять. Поэтому гуляет мнение, что они из Основателей и умеют смотреть. И что? И я вот тут теперь сиди, забудь, как пол-вдоха назад горевала о своем Мастере, и думай уже о том, что моя Старшая то ли и видеть тоже не умеет, то ли видит, но не хочет со мной говорить. Не слишком ли много исключительности сегодня?

Располагайся...

Ну, расположусь.

На полках и за дверцами шкафов не хранится ничего занятного — это я с давних времен знаю. Разве можно было бы вытащить серый с золотым балахон, надеть его и пошататься туда-сюда, копируя скользкую походку моей Старшей. Но это неинтересно, поэтому я разваливаюсь на диване и высматриваю, найдется ли что-нибудь, чтобы и встать не пришлось, и само подвернулось.

В нижнем ящике одного из столиков, под бархатным лоскутом, — коробка, а в ней — тонкие сигары. Я знаю один из двадцатитысячных, где табак выращивают местные, и знаю, что выращивают они табака немного — для себя и с небольшим запасом. Спросишь про запас, не станут скрывать, что держат не для себя. Торговать им не с кем, наши иногда прихватывают по чуть-чуть.

Привычка курить среди наших водится, но только среди тех, кто сам в пути. О том, чтобы курил кто-то из безвылазно сидящих на Первом, я раньше не знала.

Одна-ако...

Теперь, кстати, понятны привычки Старшей — если долго курить, глаза начинают болеть от света, замедляешься, двигаешься мало, все больше хочется лежать.

Не пришлось раздумывать, чтобы понять, кто принес сюда эти сигары с того осколка. Вот только зачем? Ала ведь даже не ее Старшая, никакой прямой выгоды. На что тогда сделан расчет?

«Выходит, моя Старшая на большом крючке вовсе не у того, на кого она сама может

прямо повлиять в случае, если крючок начнет рвать ей рот, — прикидываю я, лениво потягивая чужую сигару. — Но какой прок? Что можно получить от чужой Старшей?»

Сидеть на мягком диване одно удовольствие. А лежать еще лучше. Закидываю ноги на подлокотник — прямо в ботинках, но они сейчас чистые. Удобно. Вставать совершенно не хочется...

Интересно, а часто ли Ала поднимается с дивана, если не тревожат ее нуждой с кем-то общаться?

Через пару длинных дымных выдохов вспоминается про учеников и тут же думается не про учеников...

Если кто-то открыто и обоснованно заявил о своем желании прекратить работу, выйти с пути, это заявление разбирается в личном порядке. Порядка я детально не знаю, но слышала, что собираются все Старшие. Кому-то на таком собрании меняют пару на более подходящую и неконфликтную, затем отправляют обратно; кому-то назначают отдых, восстановление, а потом все равно отправляют обратно; кого-то выводят и поселяют на Первом, особенно если есть родственники с землей. В любом случае, решение зависит от всех Старших вместе.

Кручу в руках хрусткую палочку... мысли мои замедляются, но еще копошатся.

И ведь наверняка на Первом это не один такой крючок. Выходит, теперь разрешение выйти с пути выдается в зависимости от привычек Старших. Интересно, сколько еще из них курят? Сколько расслабляют головы приятной бездумностью, которую дарит этот табак с двадцать тысяч... какого там?

А только ли разрешение выйти зацеплено за эти сигары? Ведь множество вопросов решается на собраниях Старших...

Хотя, нет, неинтересно.

На круглой полке под столешницей, куда неясно что можно вообще положить — все неудобно доставать, рука целиком не пролезает, — кончиками пальцев нащупываю и вытаскиваю овальный предмет. Я его узнаю, как старого знакомого.

Это пульт от начальной серии ученических голограмм. Голограммы сделать проще, чем выделить на Первом отдельную территорию под школу и построить еще одно огромное здание, вроде этого. Поэтому ученики селятся рядом со Старшими и иногда уроки отсматривают в жилых комнатах высоченного дома-колодца.

Мне хочется опустить ноги на мозаичный пол, пересест в свой любимый угол — во-он там, у правой занавески. Но я уже не маленькая и, чтобы обманчиво не впасть в давно минувшее детство, остаюсь на диване — место Старшей на уроке. Место мое на сегодняшний вечер.

Пульт не только засунут в неудобное место, он еще покрыт слоем пыли. Значит, его давно не трогали. Значит, голограмму не включали.

А это значит, что у моей Старшей давно не было новых учеников.

Почему?

Могли не давать, если не доверяли, но еще недавно у нее был такой поток, что, заходя на Первый, мне не всегда удавалось к ней пробиться.

А может, некого стало доверять? Ведь по слухам, мы не множимся. Да и по своему наблюдению скажу, что прежде на Первом стояли жуткие гул и суета. Хотя, скажу я так не вслух, потому не уверена... Ведь наблюдение это принадлежит очень далеким дням — тем, когда я вместо рабочей куртки носила ученическую рубашку, когда моя Старшая еще имела надо мной неоспоримую власть...

...когда Крин еще не родилась...

Не хочу слышать сейчас свои мысли.

Палец придавливает кнопку. Голограмма неохотно просыпается, на первых кадрах изображение дрожит и несколько раз пытается уйти в стену.

Меня отпускает. В порядке все на Первом, в порядке. Мне просто мерещится...

Все в порядке. И в покое. Я сижу на Первом, в чужих комнатах, у своей Старшей. Курю ее сигары, смотрю, как мимо меня в дымке проплывают полупрозрачные изображения осколков, и слушаю, как неторопливый голос рассказывает историю, старую, как этот же мир. Голос этот принадлежит моей Старшей — ее когда-то выбрали, чтобы сделать запись, потому что голос у нее тоже красивый.

«Две звезды. Они кружили в неразлучном танце. Большая и Малая. Малая не уступала в силе своей соседке. Окруженная десятью крепкими планетами, она медленно двигалась рядом с Большой, у которой никого не было.

На одной из планет Малой жизнь и ум в своем росте, не зная остывающих бед, достигли такой высоты и мощи, что им стало тесно. Захотелось покорить другие планеты. Позже захотелось подчинить себе звезды.

Смогли...»

Да-да, говорю я себе, как всегда говорила на этом моменте, но только мысленно, потому что нельзя комментировать урок. Да, вы бы лучше сюда вставили что-нибудь по-настоящему полезное, что-нибудь правдивое — было бы честнее. Например, что жизнь, ум и сила — великие и жадные захватчики. И вечно голодные. Поэтому в какой-то момент жители той планеты захотели тепло Малой звезды брать себе и только себе, ничего не отдавая на то, чтобы согреть космос. Направленная жадность, как ей и положено, однажды стала решительно велика...

«...и начали поговаривать о том, чтобы вокруг Малой звезды, помимо накопителей, выставить сеть световых ловушек, а потом дотянуть сеть до Большой. А потом стянуть и уплотнить.

Но нашлись сильные умы, предсказавшие, что черпание из звезд плохо закончится для всей системы. Они захотели предотвратить заявленную ими же беду. К голосам сильных умов прислушались, но не сразу, а лишь когда Малая звезда уже слабо могла сдерживать возле себя свои планеты и обогревать их».

Да-да, силу редко слушают, пока она только предупреждает.

«...Когда кружение планет изменилось, когда они необратимо начали отдаляться, тогда же умы перестали только предсказывать. Спихнулись, напряглись, выжали много сил и из Малой звезды, и из себя — и собрали из планет сферу, преобразив свое жилище на долгие-долгие обороты. Они закрыли в эту полость Малую звезду, заключили в твердую оболочку, сделали жизненным ядром огромнейшей клетки, плывущей в холодном пространстве.

У той жизни было очень много силы, умений и света. Так много, что звездная система подчинилась их воле. Вот тогда мир стал таким, про какой мы сейчас говорим — целый. Единый, собранный из граней...»

Картинка над мозаичным полом меняется. Огромный многогранный шар, с искрой Малой звезды в центре, укрупняется, растет. Вспыхивают отдельные процветающие места старого мира... Собственно, о процветании можно сказать про любое его место, если верить первому уроку.

«...снаружи тянулись плодородные равнины и жилые города, высились горы, текли реки и покоились моря. Изнутри на каждой грани основали пирамиды. Их нацелили на покоренную звезду вершинами световых ловушек, а внутри каждой свернули точки притяжения, которые держали при себе пространство как пирамиды, так и наружной поверхности, не отдавая ни песчинки ни космосу, ни Малой.

В целом мире народы жили на обеих сторонах сферы — ноги к ногам. Наружные люди смотрели в открытый космос. Внутренний народ, живущий среди пирамидных граней, любовался своей покоренной звездой. Стороны друг с другом связывали проходы...»

И вот наступает миг, от которого у тех, кто видит урок впервые или кто не верит каждый раз, сердце замирает: бах! — и весь шар лопается на кусочки! Ма-аленькие, они прыскают в стороны, долетают до стен, но ни один не исчезает. Замедлившись, они встают каждый на свое место и переходят в нынешнее круговое движение.

И вот плывут надо мной россыпи — золотые пирамиды, серые поверхности...

«...сфера разорвалась по соединяющим ребрам в основаниях пирамид. Сами пирамиды не повредились. Каждая унесла в пространство свой кусочек внешнего мира со всем, что его составляло — с равнинами, городами, горами, реками и морями. И с внешней жизнью, какая на осколке была. Она называется «набор». Сохранились и связи, теперь они называются «переходы». Все стало порознь. Но ни один осколок не унесло от звезд...»

Когда голос принимается вещать, как важна наша работа на нашем пути, я закрываю глаза.

Этот урок мне никогда не нравился. Уже на втором уроке этого курса я не отрываясь смотрела на зависшую между полотком и полом одинокую Малую звезду. И все ждала — когда же я узнаю, как ее зовут. Потом осознала, что наши звезды не именуют. Просто говорят — Большая и Малая. Спросишь про названия — все Старшие молчат и отводят глаза. Но мы быстро привыкли и перестали спрашивать. По свету на небе можно определить, что над нами сейчас — Большая или Малая. А что нам с них еще?

И все же я провела много времени, стараясь придумать имя нашей яркой Малой звезде, у которой раньше были планеты, потом сфера, а сейчас вообще ничего. Даже как-то воображала, что ей подошло бы мое — но тогда я была совсем юна и глупа, почти ребенок.

Быстро выбили, хватило одного доклада моей Старшей.

Поэтому я стала о звезде лишь думать и молчать.

Позже решила, что у наших звезд нет имен из-за того, что мы к ним не обращаемся, не разговариваем с ними. А правда — не звать же нам их, в самом деле. Они ответят еще меньше, чем Старшие. К тому же мы не улетаем никуда, поэтому не можем выделить наши звезды среди множества других, которым тоже надо было бы давать имена...

Мы уже не жадные, но какие-то неблагодарные... Живем рядом со звездами, под звездами, а не дружим с ними, не говорим им даже «спасибо». Наверное, потому что думаем — пока не за что благодарить, пока все не так, не в нашем порядке. Надеемся когда-нибудь все вернуть и снова покорить Малую, а значит, и к Большой опять присмотримся. Так разве есть смысл называть почетным именем того, кто в твоих планах будет тебе служить?..

У людей на осколках это иначе. Они обращаются к обеим звездам, они выдали им много имен. В их голосах «спасибо» звучит тоже не часто, все больше — трепет и просьбы.

«Измени путь, дай хоть немного темноты, посева горят», — так просили на одном из тех, куда уже давно закрыта дорога. Звезда не могла выполнить их просьбу, а наши не отвели людей на другой, хотя бы соседний осколок. Тогда еще не знали, что можно не только самим

ходить парами.

«Приблизь к себе, обогрей», — так просят на осколках с периферии. Но не на всех, а лишь на тех, где на поверхности сумрак и холод, потому что и к Большой они развернуты пирамидами. Там многие ушли в пещеры... И глядя там на людей, дожирающих огромную крысу, которую мы с Крин просто не успели отловить, разве сохранишь уверенность, что среди вот них должен появиться самый сильный, самый разумный?..

А когда-то вокруг Малой звезды всем было одинаково на всяком... хочется по привычке сказать «на осколке», а правильно «на каждой грани»... было хорошо и никаких засух, непрекращающихся ночей или вечного льда. Жили с отрегулированными сезонами, со строгим временем, одним для всех.

Однако мне всегда казалось, что одинаково хорошо было только народам, покорившим звезду. А у самой звезды не спрашивали. Да она бы и не ответила.

Сейчас она снова открыта космосу, никто больше ею не пользуется и ничего от нее не забирает. Как она это понимает — потеря защиты или освобождение из плена — не знаем. Наверное, только она сейчас помнит, как разбирали планеты, как ее одевали, как заслоняли постепенно нарастающей сферой, как строили пирамиды, взявшие ее на прицел. Наверное, помнит, как заселяли новый мир по обе стороны. Одни — со знаниями, технологиями и приостановленной на время жадностью — поселились среди пирамид на внутренней стороне, согревающиеся и продолжающие черпать тепло своей покоренной звезды, но уже аккуратные в своей расточительности. Другие — посматривающие в сторону пока не подчинившегося им и их уму космоса — выбрали себе поверхность под светом Большой звезды...

Боялась ли Малая, когда ее окружали и прятали, или, наоборот, с благодарностью принимала защиту от пустоты? Радовалась ли свободе, когда мир разлетелся, или с тоской следила, как ее покидает ее искусственный щит?

Мне хочется подойти к голограмме, соединить ладони и хоть так поддержать ее, одинокую. Теперь — обратно выброшенную или свободную — как ее понять? Мне кажется, что если я ее не пойму, то у нее понять меня получилось бы. Но ей это надо?

Я лежу на мягком диване и не хочу вставать. Сейчас во мне говорит вино. Пусть говорит, я не против такого собеседника. Жаль только, что оно не брюзга. Но, может быть, я брюзгой чуточку стану сама? Что там Ала говорила про эхо?

Надо мной проплывает 15-ый. Он еще подсвечен, даже ярко. А те сотни и тысячи, где уже все закончилось и закрылось, где, по слухам, само время стоит, — тусклые, их и не разглядишь толком ни здесь, в голограмме, ни там... С каждым курсом все меньше осколков достается на изучение следующим ученикам, которых тоже становится все меньше...

Я выдыхаю струйку дыма в сторону 15-го. Зачем? А чтобы убережь его хоть так, оградить от нашествий пусть даже дымом в голограмме. Пусть еще посветится.

Когда же краем полусонного глаза замечаю 200038-ой — вот тут-то, наконец, тело мое побеждают и вино, и дым, и лень, и плен мягкого дивана.

Выгибаюсь и пытаюсь схватить пролетающий осколок. Это же Библиотека! Мега единицы чего-то там... А вот сейчас мы ее и их всех! Никто не достал, а я ее в кулак — и держать буду. Еще спрашивать начну — знаете, что у меня в руке? Вот вы об этом сотни и сотни оборотов мечтаете, а оно у меня в руке! Вы не знаете, как открыть дверь на безжизненный осколок, как обмануть аварийную систему, как пробраться, как понять — что же крепило наш старый мир, что может стянуть и удержать...

Я вот тоже не знаю, но смотрите, что у меня!

У всех нас есть сила в руках. У меня вот такая!.. И, наверное, если ее кинуть, то можно добросить и сшибить со своей орбиты тот осколок, один из полуторатысячных... или хотя бы крысу с него долой... пусть бы поплавала в волнах космического ветра...

Сжимая пустой кулак, я чувствую, что засыпаю. И мне снится, как осколок с Библиотекой, вопреки заложенной уроком последовательности, еще пятнадцать раз проплывает рядом с моей вытянутой рукой...

Пробуждение мое сообщает, что, несмотря на вчерашнюю расположенность Алы, предоставившей мне свои покои, сегодня я вовсе не отдохнувшая. Голове нехорошо, но вряд ли это из-за вина. Не так много я его вчера выпила.

А вот сигары...

Ох, бедная Ала, если у нее вечернее расслабление каждый раз оборачивается таким вот «нехорошо». И еще крючок тянет рот... Как же она ухитряется так внятно говорить, если у нее крючок во рту?

Шарю рядом с собой и пытаюсь найти пульт. Желание одно — выключить красивый голос моей Старшей. Интересно, сколько раз прокрутился урок, пока я тут дрыхла, с ботинками на бархатистой обивке дивана.

— Ты ведь даже не разулась, — сообщает мне ее голос.

И я понимаю, что это уже не урок и пульт искать бесполезно. Но глаза открывать не хочу... Мне приятно лежать вот так и слушать, как Ала ходит по комнате, как недовольно стучит крышкой открытой коробки, откуда я вчера стащила одну из ее сигар. Мне нравится улавливать, как ее ногти чуть царапают подлокотник дивана, когда она забирает пульт... вот, оказывается, где оставленный, тут же, в изголовье! Мне хорошо слышать, как она сопит, стоя надо мной. И как собирается с духом, чтобы сказать:

— Поднимайся. Тебе надо привести себя в порядок.

— Что, и ванну дадите? — вяло интересуюсь я.

Ох, кажется, я перешла границу наглости — так возмущенно и резко у Старшей прозвучал ответный вдох сквозь зубы.

— Хорошо, хорошо, — бормочу и тяжело поднимаюсь. — Ванны не надо. Но на умыться и чистое белье я могу у вас рассчитывать или в общее сошлете?

Она молчит, по-прежнему стоя надо мной. Мой соvestливый взгляд карабкается по ее серому балахону — сначала до рукавов, а потом выше, уже по золотой линии на воротнике...

Кто же они все-таки, если не мы и не Мастера?.. Хм...

— Умоешься здесь и переоденешься. А потом я познакомлю тебя с новенькой.

— Насколько она опытная? — спрашиваю я уже от узкой двери, прячущейся за еще одной занавеской.

Все-то они тут прячут!..

— Решено, что ее можно отправить в путь.

— Вы ее проверяли?

— Не было смысла. Ее сила известна по ее родителям.

— Полукровка?

— Как раз нет.

Уже закрывая за собой дверь туалетной комнаты, я думаю — а может, крючок моей Старшей связан вовсе не с выходом, а наоборот?..

Расстегнув, но еще не стащив штаны, не выдерживаю и высовываю нос обратно в

комнату:

— Ала, что она за личность?

— Не волнуйся, она при тебе ненадолго.

Еще интересней!..

И прежде чем я успеваю засунуть свой нос обратно, Ала бросает мне приказом:

— Я тебе говорю — не волнуйся!

Этот тон... мы имеем право ответить на него лишь покорным молчанием. На то они и Старшие, чтобы указывать нам — тем, кто потом указывает своим Мастерам... Такая цепочка.

С недавних пор я думаю, что это цепь.

— Тебе не стоит задавать вопросы, ответы на которые тебя не касаются, — доносится до меня через прикрытую дверь уже мягче, словно примирительней.

Долго умываюсь, долго расчесываюсь, хотя собрать волосы в короткий хвост — дело двух вдохов. Нарочито медленно переодеваюсь — позаботились, и для меня на полке лежит не только белье, но и новый костюм, у куртки ни один шов еще не надорван.

— А когда коснутся, вы тоже ни на что не ответите, — ворчу я в прохладную воду, которой плещу в лицо второй раз, пусть даже в этом нет необходимости: я уже чувствую себя посвежевшей.

В комнате на диване Ала сидит с ногами так, что я, пожелай пристроиться на том же мягком, ютилась бы у какого-нибудь подлокотника. Да, на то они и Старшие, чтобы любого на место ставить.

Сажусь на пуфик возле столика. Уже принесли поднос с фруктами — не мясо, конечно, но тоже питательно. А придется признать, что курицу сейчас я не то чтобы не съела, а при одном только ее виде, наверное, окна криком разбила. И основной шпиль бы точно покачнулся.

Однако в висках мысли больше не бьются, не рвутся в одну сторону — к Крин. Всего один вечер — и я уже не ору, как семь предыдущих. И шпиль ровнехонько торчит из центра Первого, в самой середине колодца нашего огромного круглого здания. Незыблемый, его ничто не колыхнет, даже если все мы станем орать.

Старшие все-таки мудрые и все делают правильно, пусть даже мне вчера взбрело в голову, что раз природа их неизвестна, то их можно не слушать. Пожалуй, я совершила ошибку, приняв на себя сомнения Крин и подпустив близко чужие выводы-слухи. И, пожалуй, я исправлюсь тем, что верну хотя бы частично власть своей Старшей надо мной и приму сейчас своего нового Мастера. Ала мне плохого не предложит и дурному не позволит случиться. А по своей сути пусть она будет хоть Подмастерьем. Правда, я слышала, последний умер еще до моего рождения.

Вообще, мало ли что там слышит Основатель! Не настолько я сильна и опытна, чтобы не ошибаться — и в этом моя Старшая тоже права.

Я уже хочу просто так, из тишины завтрака, который она со мной не разделяет, сказать ей, что считаю — она права.

Но она первая нарушает тишину вопросом:

— Что тебе с собой выдать в дорогу?

Жую и неторопливо думаю, что бы попросить нового, чего точно не было в паре с прежним моим Мастером. Да и яблоко вкусное — хочется задержать его во рту подольше.

— Не знаю... веревку, пожалуй.

Похоже, Ала решила, что я буду вешаться. Увидев, как округлились ее глаза и какой страх заплескался в зрачках, едва не улыбаюсь.

Но я не улыбаюсь.

Когда-то переходы были для меня восторгающей новинкой.

Сейчас я люблю их не больше, чем любят опостылевшее.

И свою работу я не люблю, хотя не стала сопротивляться, когда меня на нее вернули. С того момента, когда я сообщила своей Старшей, что приму новенькую и вернусь на путь, я столько всего передумала... Хорошо, что не про Крин. Про себя. И поняла: я согласилась с тем, чего не хочу.

Не хочу я обратно в переходы. Не люблю я все то, что, побывав на Первом и восстановившись, снова признаю полезным. Ала говорила мне, что я здесь восполняю силы, что мое место в деятельности. А я поняла — я восполняла силы, чтобы суметь себя потом обмануть. Я не верю, что мне хорошо вернуться на путь. Но пойти к Старшей и решительно заявить, будто хочу выйти, тоже не хочу. Не для того я собирала свои силы, чтобы бороться с системой за свою слабость.

Конечно, я уйду, ведь я уже со всем согласилась, всем покивала, все взяла. Конечно, на мне новый костюм, новая сумка с вещами первой необходимости — нож, веревка, две маски на случай, если нас выбросит в осколок, где мало воздуха...

Я все приняла — но как же я все это не люблю!

И Первый. С его высоченным шпилем — бессмысленным указателем полюса; бессмысленным, потому что сферы уже нет. С его землями, строго поделенными между важными семьями; кто не из таких, тот всю жизнь в пути, а кто из таких, тот полжизни здесь. С его периферийными площадями, отведенными для садов, полей, ферм, где за порядком следят автоматы. С его центральным круглым зданием, больше похожим на город. С уроками, учениками, балконами, фруктами... С неизменной властью Старших и странными играми со Старшими.

Все не люблю.

А люблю я тишину. И неподвижность. Люблю быть с края — осколка ли, системы ли. Люблю смотреть на переход в углу, но не торопиться в него. Люблю сидеть, а еще лучше — лежать, если получится; не говорить, не спешить, просто побыть немного... как бы это... недавно я сумела кое-как объяснить себе... просто побыть немного в собственном покое и одновременно — в движении с осколками, в движении с миром.

Вот этот камень — он летит в пространстве вместе с осколком под ним. А осколок движется по строгой орбите, занимая свое место в облаке себе подобных, и все они, хоть и порознь, а все-таки едины.

Я глажу камень ладонью, но не беспокою, не перемещаю его. И потому чувствую, как его неподвижность и четкое место в огромном раздробленном, но все-таки имеющем свои законы мире может принять рядышком и меня. Ведь я сейчас тоже, как этот камень, молчу и не шевелюсь. И мы вместе, прочно — что нам космический ветер и молнии! Разве не это единство хотят объяснить нам Старшие, указывающие на то, что мир надо собрать обратно?

Наверное, Крин это понимала. Может, и не разделяла, но почувствовала что-то такое во мне, что поддержит ее в этом понимании. А я сама догадалась лишь сейчас. Мне не приходилось при Крин слышать тишину, наполненную такими вот догадками и откровениями: природа ворчливых Мастеров очень сильна. Но она, даже когда пыталась

меня дергать и нарушала порядок и правила, все-таки никогда никуда не тащила так сильно, чтобы совсем против воли, чтобы я противилась — не хочу, не хочу.

А ведь она могла. Она была полной силы.

Мой палец покачивает лежащий округлый булыжник. Как он попал сюда? На этом углу Первого стоит лес с низкими деревьями и пушистыми кустами, но нет предгорья или хотя бы разбросанных валунов, неоткуда взяться таким крупным камням. К тому же он лежит поверх примятой зеленой травы — сначала трава выросла, потом появился камень.

Может, его сюда кто-то когда-то забросил так же, как совсем недавно, десять поворотов назад, Крин зашвырнула во влажный лес серый камень.

И меня теперь швыряют так же, как она его — против воли. Да, мне хочется так думать, мне хочется хотя бы этим «заставили» оправдать себя и то, что я лежу сейчас у перехода, а не шагаю обратно с требованием вывести меня... Ведь я не хочу, я не хочу никуда ходить!

«Мы можем уничтожить весь скрывающий его лес, и это изменит мир вокруг камня».

Я сама говорила? Интересно...

Лес на месте, изменение вокруг себя я приняла, скоро встану и направлюсь в переход. И снова не одна.

Мой новый Мастер...

За вдох до того, как мне ее представили, я успела сообразить, что совсем не задумывалась — какой она может быть? А ведь это важно.

Когда же я ее увидела... Да, я знаю, нельзя присматриваться к своим Мастерам, сначала нужно обязательно спросить, получить согласие. У нас принято защищать личное, в конце концов, я ведь не знаю, из-за кого Крин не хотела, чтобы ее имя произносили другие голоса.

Но эта девочка... Со всей ее юностью, худобой, высоким ростом и самодовольством в позвоночнике...

Меня в тот миг пронзило: надо отказаться, настоять на том, что я не готова возвращаться и никогда не буду готова, что Крин — единственная, с кем я могла работать. Да что угодно мне надо было сказать! И пусть бы меня все Старшие собрались и обсуждали.

Но тут Ала выдала: «Это — Сатс, наша гордость и лучшая ученица. Доверяю ее тебе Инэн». А я умею видеть суть в речи. Здесь это — «доверяю тебе». Моего опыта хватило услышать несказанное: «Если ты не примешь, закреплю за другим, и кто знает, как оно может выйти. Ты же убережешь, потому что однажды не уберегла».

Не для моей совести такие игры.

А даже если не игры, то все равно не для меня. Я не гордость и не лучшая, а поражение и позор. У меня нет желания куда-то идти, нет причины где-то там водить, учить и оберегать эту новенькую. На кой ее выводить с Первого, если ее выводить ненадолго? Для каких коротких целей?

«Каждому Мастеру нужны минимальные показатели», — вспоминается Ала, произвольно вспоминается, будто мысли прочитала.

Да-а, не каждому Основателю дадут пару с входным условием, что пара временная. Подобрали ведь меня — ту, которая не найдет сил отказаться.

Я выталкиваю из маленькой удобной выемки округлый камень и сама переворачиваюсь на другой бок.

Моей Старшей сейчас рядом нет. Она в сотне шагов, провожает новенькую. Я удивилась, когда она вышла наружу, а потом еще и выбралась так далеко, к самому краю. Но все-таки проводы — это повод весомый, а если совсем красивого носа не высовывать, то

привычки все заметят.

Сейчас я не вижу ее, передо мной — плотные кусты. Отсюда мне видно лишь кусок неба и еще шпиль. Его вообще из всех мест видно.

Черный прямой столб, число его боковых граней равно числу граней каждого осколка. Все было очень строго, когда собирали мир. Зачем этот шпиль был нужен, никто не помнит. Когда я выходила на путь, один выпуск учеников мог обхватить его по кругу — на удачу в дальнейшем, потому что, мол, мир тогда собирали, начав именно с этого шпиля, а сейчас вы начинаете...

Сейчас, пожалуй, не наберется, чтобы обхватить.

Приносит ли на самом деле удачу и стартовый ли он, мы не знаем. Разное про него говорят. Вроде бы из верхушки шпиля выходили лучи, которые, как шапкой, накрывали весь Первый, а когда мир разрушился, устройство сломалось. Это предположение крепится к слухам о тюрьме. С этим мнением спорят — шпиль-то не заканчивается, у него нет верхушки. Он тянется к небу и теряется в дымке... И с этим спорят. Говорят, сам шпиль высотой не больше семи сотен ростов... И с этим спорят, потому что вот же... Но говорят, что выше материи идет голограмма.

— ...со спокойным сердцем. Отправляйтесь.

Вскидываюсь. Я и не заметила, как они закончили свои разговоры и подошли ко мне.

Со своим Мастером я еще не беседовала, мы лишь молча посмотрели друг на друга. В ней я увидела молодость не только на лице, но и в знаниях, увидела суету не только в проворных глазах, но и в мыслях. Поняла — эту девочку мне придется переучивать, хоть ей самой это будет не нужно, ведь она тоже знает, что мы вместе ненадолго.

Кстати, а если бы я была не с такой новенькой, то дали бы нам быстрый транспорт или пришлось бы на подвесках и на ползучках добираться? Сами бы мы ушли только завтра, а тут словно торопит кто...

Ала, выполнив всю и показную, и неофициальную части, скрывается на тропинке за кустами — и мы остаемся одни.

Мой новый Мастер, проводив ее взглядом, поворачивается ко мне:

— Ну и...

Я чуть воздухом не давлюсь. Но тут же беру себя в руки:

— Присаживайся. Спешить нам некуда, а поговорить надо.

Она опускается на траву, но в ней нет послушания. Я еще ничего ей не указала серьезного, а она уже всем недовольна: так двигается ее рука, отбрасывающая комочек земли из-под ладони.

— Итак, Сатс...

— Мастер Сатс, — неожиданно перебивают меня.

И я едва не давлюсь воздухом второй раз.

Или будет третий, или я его не допущу.

— И я попрошу вас четче выговаривать мое имя, уважаемая Инэн, — продолжает «наша гордость».

Мне уже смешно, и просыпается что-то вроде зловредности. Ведь эта девочка слышала, что Ала мне ее доверила, но теперь будто не помнит, кто от кого зависит.

Тянет улыбнуться, но я не улыбаюсь. Только цокаю языком: «Вот ведь!»

— Хорошо, как скажешь, Мастер Са... ц! — цокаю в конце имени еще раз и наблюдаю, как ее щеки полыхают возмущением.

В ее глазах четко видно «Я бы попросила!», но вслух она все-таки ничего не произносит. Ладно, первый урок будем считать усвоенным.

— Запомни, Мастер Са-ц! Между Основателями и Мастерами всегда лежали границы. И пусть многое изменилось, как ты знаешь из уроков, однако ничего не изменилось. Советую тебе на будущее их не переходить.

— Какие границы? — удивляется она по-детски.

— Границы нашего с тобой положения, которые основываются на наших с тобой обязанностях. Твои заключаются в том, чтобы действовать по моему слову, а без слова не действовать. Мое же дело — смотреть за всем и присматривать за тобой.

— Не надо за мной присматривать! Я уже не маленькая и никогда не была в последних.

— Надо.

Молчит. Видно, Ала ей говорила, что лучше меня слушаться и не спорить.

Закрепим.

— Я понимаю, в тебе кипит твоя кровь. Если ты раньше думала, что чем-то отличаешься, и я сейчас должна тебя как-то выделять, то смирись — одним своим гонором ты такая же, как и все твои предки во всей истории.

Молчит.

Ах, как хорошо, когда она молчит! Как хорошо, когда тишина!

— Мы поняли друг друга. Значит, можем сработаться. Прежде чем сделать хоть какой-то шаг, мне надо понять, к чему и как ты готова, — продолжаю я, подперев голову рукой. — Я знаю, тебя учили хорошо: у нас одна Старшая. Но мне уже известно то, что лежит за пределами учебы и Первого, а тебе — пока нет.

Хмурится, сопит обиженно.

Эх, Мастер Сатс...

Я разворачиваюсь и укладываюсь на спину, закинув руки за голову:

— Посмотрим, как у тебя со знаниями. Почему над Первым сейчас проплывает 634-ый?

— «Нумерация установлена от ближнего к Малой. Идет по сфере. Фиксация окружностей в двух полюсах, направление расчета — по общему движению», — воодушевленно тараторит эта отличница.

Да-а, все это заучивали.

Интересно, ей понятно что-нибудь?..

Когда-то я пыталась проникнуть в суть этой фразы, но вскоре сообразила, что выучить ее дозвучно проще и для учебы полезней. И я учила ее старательно, даже иногда проговаривала вслух. Однажды меня за этим занятием остановила на нижней галерее одна из проходящих мимо Основателей. Я тогда растерялась — ведь, кроме своей матери, я никого из них не видела, а мать допускали на Первый нечасто. Поэтому вытаращилась на эту женщину в рабочей куртке. А она спросила, понимаю ли я то, что учу. Захотелось кивнуть — конечно, понимаю, что ж я, глупая разве... А потом догадалась — ей-то все равно, что я отвечу, а себе я совру.

«Представь, будто у тебя есть очень длинная нитка, — сказала она мне тогда, — и на ней много-много бусин...»

Я представила.

«...теперь представь, будто ты их сначала все посчитала, а потом начинаешь наматывать нитку на камень. Первую бусину прижимаешь большим пальцем сверху, вторую — указательным снизу... И по кругу. Мотаешь, мотаешь, каждый следующий виток кладешь

справа от предыдущего...»

Если бы нам тогда так всем объяснили!

— Представь себе длинную нитку... — начинаю я.

— Зачем? У нас веревка есть, ее и представлять не надо.

Осекаюсь и спрашиваю строже:

— Еще вопрос — какие бывают крысы после искажения?

Она с еще большей готовностью начинает перечислять.

Глаза мои скорбно закрываются. Я не хочу видеть небо над Первым: он дурной, он прививает вот такие знания... Но тоже понятно — Старшие сами никуда не ходят, все только по рассказам. Хотя странно — карты они своевременно меняют, это я сама видела, мое «Угасание» уже доступно даже в голограмме первого урока. А вот тонкости непосредственно на местах... Я ведь не зря задала вопрос, на который ответ один: искажение меняет крыс так, что они бывают какие угодно.

Сатс бубнит, заученно перечисляя формы крысиных лап. А я размышляю — как бы отвечала я, прижми меня кто так вопросами? часто бы ошибалась? Ведь и мы сами, те, которые думают, что многое видели и потому все знают, вовсе не на каждый вопрос дали бы правильный ответ. Например, вот я — Основатель. А «Как мы назывались до того, как поняли, что наш народ может видеть суть и понимать мир?» никто не скажет. Потеряли знание во времени и пространстве, как теряется все прошлое, где жили неумение, незнание и прочие слабости. Или — «Как работает аварийная система и где у нее выключатель?». Еще больший тупик.

— Не «крючкообразные», а «крючковидные», — механически поправляю я Сатс, потому что это была и моя вечная ошибка о когтях. — Продолжай.

А сама думаю — вот она мне сейчас излагает часть своих знаний. Свои знания она считает самыми важными и обширными. Я же все ее знания не считаю сопоставимыми хотя бы с частью своих. Мои для меня не просто важные, а единственно значимые, ведь я-то уже знаю, в какие осколки все эти стартовые ученические знания разлетаются при встрече с первым же тараканом.

Конечно, мы с моим Мастером сильно различаемся — как и положено по природе и истории наших народов. Однако сейчас у нас много общего: мы уже не живем ноги к ногам, мы уже не так сильно ругаемся, чтобы народ золотых пирамид не разговаривал со смотрящими на звезды, разве только некоторые работают молча. Сейчас мы все на одной стороне и не знаем одного и того же — осталось ли что-нибудь рабочее в пирамидах и на них? трудятся ли еще аппараты, ловящие энергию Малой звезды? что с локальной гравитацией и за счет чего она?..

Почему на Первом не ищут ответы на эти вопросы?

— Следующий: как и почему Основатели с Мастерами выжили только на одном осколке? — спрашиваю я, решив узнать, не нашли ли на Первом ответа, пока меня на нем не было.

Ох, как огорчается моя новенькая, думая, будто она проваливает экзамен!

— Я... Нам этого не давали...

И тут же дергается вперед, краем глаза я ловлю ее резкое движение:

— Инэн, расскажите, если знаете, а я...

— А ты, значит, хочешь быть выдающейся прямо сейчас уже в том, что узнаешь что-то, другим выпускникам незнакомое?

Поворачиваюсь и смотрю, как она теряет свой возбужденный румянец. Надо же, какая цветная молодость!

— С чего вы...

— Не дуйся. Но не забывай, с кем имеешь дело.

— Нам говорили, что Основатели не могут на нас смотреть без нашего разрешения.

— Возвращайся, донеси на меня.

— Мне говорили, вы одна из лучших, вы слышите больше других.

— Странная у тебя подготовка: одно не давали, другое давали неверно.

— И все-таки про Первый, — затягивает она.

Не надо мне было заводить этот разговор. Раз лучшая из новых не знает, почему мы остались лишь там, где остались, значит, Старшие не нашли ответа. Могли бы уже что-нибудь сочинить, совсем не обязательно, что правдивое. Просто чтобы было. И мне бы не пришлось заполнять эти пустоты.

— Известно, что, когда мир разлетелся, уцелели только те несколько сотен, кто находился на этой грани, с внешней стороны, — тыкаю пальцем в траву. — По блуждающим легендам, которые всюду просачиваются, это были лучшие представители обоих народов, что-то вроде мирового Совета.

Новенькая вспыхивает любопытством. Она уже не просто часть какой-то сильной семьи, она уже нарисовала себе немислимо могущественных предков до самого зарождения жизни.

— По заявлениям тех, кто говорит, будто знает устройство мира, считается, что этот осколок — один из бывших полюсов. Но это заявление ничего не дает, как ты сама понимаешь.

Она торопливо кивает, воодушевленная предыдущей версией про Совет.

— По одному слуху, на этой грани располагалась общая тюрьма. И все мы — потомки преступников, предавших каждый свой народ в его устремлениях или надеждах.

— Как преступников?! — охает Сатс, и щеки ее бледнеют.

Ну вот, теперь она у меня на крючке. Теперь на любопытстве она будет какое-то время меня слушаться, как того, кто больше знает и кто ближе к основам мира.

— Тебе не хочется быть потомком преступников?

— Нет, — она мотает головой. — А вам неужели бы хотелось?

— А мне все равно. Но тебе, раз уж очень не хочется иметь отношение к слуху о преступниках, еще раз советую *непреступать* никаких границ и слушаться меня во всем, в каждом шаге. И если я тебе прикажу не дышать, значит, умрешь, но воздуха не тронешь. Ясно?

Подобралась. Кивает. В движениях уже нет гонора... и рука с земли поднимается, ложится на колено. Так показная власть над пространством переходит в слежение за собой.

Ну вот, первую спесь немножечко сбили.

Вставать и идти все равно никуда не хочется...

Пальцы снова касаются округлого камня. Наверное, сейчас лишь он, если бы мог и хотел, рассказал бы, что здесь было, в целом мире, на этом Первом. Да, слух о тюрьме нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Он появился, когда кто-то однажды задался вопросом, подобным моему недавнему — а кто такие Старшие? Мне-то ладно, задалась и пусть висит. А у того задумавшегося вылезла мысль, будто они — надзиратели. Дальше насобирали догадок, сложно ли...

— Но вы сами, Инэн, вы сами во что верите?

Ох, не сдастся молодость! Хочет подкрепить чужим мнением то, какое ей самой приглянулось.

Меня настолько не тянет разжигать в ней пафос, достаточно разогретый ее семьей, отличной учебой и без легенды о мировом Совете, что остается только уйти от ответа:

— Все, что я тебе сказала, лишь легенда, заявление и слух. А я сама верю в то, что видят мои глаза, и стараюсь не верить в том, что слышат мои уши.

— Но вы же Основатель! Вы же должны все слушать.

— Гра-ни-цы.

— Извините, — и честно краснеет.

Значит, отвечу так же честно.

— Когда говорит мир — я слышу. А когда говорят глупости — стараюсь глхнуть. У нас есть Первый осколок, на котором наши Старшие живут безвылазно. А мы с тобой свободны, мы можем выйти и вернуться. Все это я вижу сама и другому верить не собираюсь.

— А мы сегодня выйдем или я зря со своими попрощалась?

Она оборачивается и смотрит в просвет между деревьями так, словно ей стыдно. Я вижу подсвеченные розовым ее щеки, замечаю, как она косится на меня — что я сейчас скажу? мы возвращаемся и проводим на Первом еще поворот? неужели она теперь через все земли потащится под взглядами тех, кому недавно гордо махала рукой, прощаясь?

— Мы выйдем, как только ты ответишь мне на все вопросы.

— Я готова.

— Тогда честно и без заминок... Чего ты ждешь от своей работы?

Сатс дергается. Она ждала, что я ее про переходы спрошу или про что-нибудь еще из уроков.

— Ну.

— Я...

— Честно. Зачем ты хорошо училась и почему сейчас так нетерпелива?

Это чудо краснеет еще больше, ее светло-серые глаза блестят, как хрусталь, через который просвечивает спрятанное в прозрачном тайнике.

— Моя семья гордится мной. Я лучшая в своем возрасте. И теперь... Я самый молодой Мастер из нашей семьи, а она... Я могу стать самым опытным и самым молодым Мастером.

— Значит, амбиции и тщеславие, — замечаю я разочарованно. — Ну что ж, не самая скверная движущая сила... На такой основе можно неплохо нарисовать себе свое будущее — самой или с помощью сильной семьи. Скажи, тебе уже четко все описали, как ты будешь жить, когда выйдешь с пути?

— Да, — воодушевляется Сатс. — Когда мы с вами закончим, я стану самым молодым Мастером, создавшим свою семью!

Вот тоже ж повод гордиться... То ли я давно не была на Первом и не прониклась его воздухом, где носились бы такие мысли, то ли пропустила что-то в жизни, и такая замечательная сила, как тщеславие, во мне не проросла. А вот у этого ребенка была благодатная почва, да и удобряли, похоже, качественно.

Ребенок, конечно, совсем не ребенок — это я преувеличиваю. Она молода и красива, пепельному цвету волос позавидовал бы закат на пятисотых — а какое там дивное небо!

Краснеет легко, возмущается искренне, глазами блестит, не прячется.

— Хорошо бы показать тебе 15-ый, — говорю я, чувствуя к ней странное

расположение. — Там все и плохо, и неплохо. Тараканы лезут, устанешь руки поднимать. Местные или справляются сами, или ждут нас, но исправленных тараканов оставляют.

— Справляются? — вскидывается Сатс. — Среди них есть сильные? Тогда надо присмотреться к этому 15-му и найти...

— Думаешь, ты самая умная? Думаешь, до тебя никому не пришло это в голову?

— Ну... Я...

— Они иногда справляются сами. Но они не меняют искаженное. Они его убивают. Руками, стрелами, копьями. Чем могут, тем и сильны.

— А когда мы приходим?

— Тогда маленького таракана они оставляют, даже не давят.

— Зачем?

— Мне как-то говорили, что у них там... Короче, они разводят птиц, выращивают тараканов на откорм для выращиваемых птиц. Я не видела сама ни птичьих, ни тараканьих ферм, хотя у местных бывала. Они таятся, у них что-то вроде суеверия... На 15-ом что угодно может возникнуть. И вот поэтому нам было бы неплохо туда заглянуть. Тебе чисто для опыта, как оно бывает.

— Вот еще! Что я, маленького таракана не видела?

Я молчу, глядя на ее задранный носик. Молчу, хотя тянет уточнить — а большого ты видела в натуральный размер? вам давали уроки с голограммами? Но, судя по ее непуганности, учеба ограничилась картинками в книгах. А судя по задиристости, ее это устраивает.

Кто думает, будто он все знает, тому новое знание можно лишь вбить, сам не возьмет. Но этой — нужно ли вбивать? Однако можно ли не заметить гонора и не попытаться с ним поспорить?

— «Мастер идет туда, куда ему укажет Основатель», — цитирую я всем известное правило.

Сатс заметно унывает.

— Вы укажете мне, что надо идти на 15-ый. Но там, если справляются сами, будет ужасно скучно. Да и кого там встретишь? Вот бы что-нибудь исключительное, чтобы еще никто...

Она косится в сторону шпиля, но уже без стыда. Почти с надеждой. «Заберите меня. Отдайте меня в другую пару. Мне надо поскорей, а эта Инэн ничего не понимает...»

Я молчу, и она лишь обреченно вздыхает.

Настроение я ей испортила окончательно — отлично! Вот теперь, когда она уже не рвется вперед, когда гарантировано пойдет спокойней и, значит, впервые оказавшись в переходе, меньше натворит глупостей, — вот теперь можно вставать и идти.

Но как же я не хочу!

Когда мы сталкиваемся с чем-то новым, нам кажется, что оно грозит нам страшными неприятностями. И мы пытаемся как-то воздействовать на грядущее, как-то управлять его грозами отсюда, из настоящего. Знакомые пройденные неприятности из нашего прошлого кажутся нам ближе и даже роднее, а те, что еще не стряслись, пугают очень сильно, даже если мы уверены, что постарались и заведомо уменьшили их.

Я не знала, что Крин в том переходе отстанет, а ведь еще чуть — и мы с ней обе могли бы сгореть. Я примерно знаю, что Сатс — самоуверенный новичок, обязательно распахнувший рот в первом переходе, — сейчас дожата мною до того, чтобы даже головой

там не крутить. Однако я предпочла бы второй раз пойти с разорвавшей связью Крин, чем в первый с Сатс. Я знаю ее немного — и не знаю ее совсем.

Не хочется.

Но поднимаюсь и, стараясь не смотреть в горящие хрустальные глаза, говорю, забирая с травы сумку:

— Соберись и настройся на то, что делать тебе не только ничего не надо, но еще и запрещено. Будь внимательна, но больше ко мне, чем к миру. Там не голограмма. На паузу не поставят и не будут объяснять, куда не туда ты шагнула.

— Я знаю.

— У тебя есть только мое плечо. Мое. Если ты его потеряешь, то и себя там оставишь. Ясно?

— Выберусь как-нибудь. Сюда-то уж всяко. Развернусь — и дома, — с улыбкой заявляет она.

Шутки у нее такие.

— Сатс, вам что, не объясняли?..

И тут понимаю — ну конечно, отличной ученице, сильному Мастеру не объяснили ее возможных слабостей!

А меня убеждали, что это объясняют всем Мастерам.

— Та-ак, — протягиваю я. — Или ты сейчас выбрасываешь все свои сомнения вот на эту же траву, или я иду к Але и объявляю тебя нерабочей. Одна она собралась по переходам!.. Сгоришь, бестолковая ты!..

— Но ведь вы одна ходили! — кричит она с возмущением в свою очередь. — Я знаю, я точно знаю — ходили!

— Так то я, и не дай... не дай тебе Малая узнать, на каком огне я прошла, чтобы там не сгореть!.. — делаю к ней шаг: — Ополоумели там все, что ли, вас таких...

— Да что вы?! Я просто так... ну, чтобы вы не волновались, наоборот, чтобы не... Мол, я сама вернусь, будете искать меня здесь, если...

— Вернется она, — ворчу я, немного все же успокаиваясь. Похоже, своим страхом я напугала эту девочку больше, чем испугалась за нее сама. — Если тебе дали понять, что в переходе можно просто взять и спокойно развернуться, то в этом тебя обманули... Идешь рядом. Молчишь. Не дышишь!

— Но...

— Ни-ког-да Мастер один в переходе оказаться не должен. И Основатель, потому что рискует ошибиться. Я вернулась, не успев совершить ошибку. Это случайность, даже если вам на уроках дали понять, будто это такая закономерность. Ты там шевельнуться не сможешь в одиночку — ты там пыхнешь... Показать как?.. И не вернешься. Потому что ты — Мастер, и просто не увидишь дороги. И ты неопытная, поэтому обратную дорогу не выстроишь.

До нее начинает доходить...

Им этого просто не объясняли. Может, не обманывали, но вот явно двумя-тремя основными уроками было меньше.

Сколько еще вот таких, как эта недоученная? И почему они вообще появились? Неужели у Старших опускаются руки, и каждый следующий выпуск не только малочисленной, но и необразованной предыдущего?

Не хочется об этом думать. Это тупик. Я в нем уже была.

— Я буду называть тебя просто Сатс, до Мастера тебе все-таки далеко, — говорю уже тише, выдохшись. — Верю, что ты лучшая среди своих и можешь стать исключительной. Но... ты можешь быть неосторожна. И твоя сила не всеобъемлюща, чтобы она защитила тебя от твоей же неосторожности. Твои слабые места прикрываю я. Это должно было говориться в уроке про то, как пришли к работе именно парами.

Кивает. Бле-едная...

— Верю, ты училась отлично. Не обижайся ни на себя, ни на меня ни за что. Но сейчас твоя учеба закончилась, и вместе с ней перестали быть важными твои учебные достижения. Если в переходе с твоей стороны ударит молния, ты не заставишь ее отвернуть заявлением, будто считалась лучшей. Если махнет хвостом ветер, ты не отведешь его длинной линией своей семьи. Все, что у тебя будет — это чувство моего плеча. Моего — той, про кого тебе наврали, будто я хороша.

— «Одна из лучших», — упрямо поправляет меня это чудо, цепляющееся за свои сомнительные знания.

Я даю ей последний шанс:

— Сатс, скажи мне, ты уверена, что хочешь пойти в паре именно со мной? Твоя семья должна была озаботиться, разузнать, и поэтому ты наверняка в курсе, почему у меня нет своего Мастера.

— Мне жаль, что несчастье случилось именно с вами, Инэн. Но... сейчас нам не найти лучшего наставника, чем вы.

«А не сейчас не могу ждать, хочу побыстрее», — произносится в моей голове ее невысказанное.

Что ж, молодость имеет право на нетерпение. Другого она еще не набрала.

Я сделала все, что могла. Перекидываю ремень сумки через голову и подхожу к переходу. На Первом их недавно оформили каменными полукруглыми арками, хотя и без этих надстроек переходы прекрасно работают. Так, очередной пафос, в который Старшие, как мне кажется, излишне закапываются, чтобы не выдать свою неподвижность.

— Иди сюда, Сатс... Ближе. Выдохни. Закрой глаза. Чувствуешь плечо?

— Да, — выдыхает она, словно уже случилось что-то, вызвавшее в ней благоговение.

— Теперь вместе с этим плечом... с правой ноги, шаг. Еще шаг... Не маши ногами, иди, как обычно ходишь... Еще шаг.

Нас подхватывает ветер, но она еще не знает об этом.

У меня здесь нет голоса, но по моей команде она открывает глаза, хоть их здесь тоже нет. В ее тени блестит восторг, силуэт полыхает голубым, невероятным контрастом со всей бешеной гонкой темных красок дороги.

Сзади бросается на нее молния — но дробится в искры. Мой Мастер даже не оборачивается, она не заметила нападения.

Да, эта девочка действительно полной силы.

Оказавшись в переходах, новенькие слышат тихую музыку, но не могут ее описать. Говорят, так звучит тоска мира по себе целому. Но, увы, когда так говорят, эти слова падают в почву былой памяти, а она — как мозоль. Со временем и с опытом мы перестаем слышать музыку, улавливаем просто звуки. Действуем во многом бездумно, оттого в нас самих пропадает тоска и чувствительность к чужой тоске...

Восторженную Сатс можно понять: у нее сейчас внутри все переворачивается, такой красоты музыку она слышит! Но у Мастеров это очень быстро проходит, всего перехода за

два. У Основателей задерживается, а потом, похоже, они сами сбавляют громкость.

Свою музыку в первые шаги я ловила чуть ли не руками... Но и это прошло. Странно, что сейчас вспомнилось. Словно я переняла часть этой восторженной молодости так же, как прежде, бесконтрольно, переняла ворчливость у Крин...

Надо бы и правда сводить Сатс на 15-ый. Там, если Мастер не справится, местные помогут. Но для начала к 15-му надо пройти в пять-семь шагов. Такой путь ее утомит с непривычки. К тому же я помню про «минимальные показатели» — для них не нужно совершать подвигов вроде исправления таракана сразу и целиком. С нее хватит и просто понаблюдать.

Надо выбрать осколок потише, потом еще один. Так, поводить, пусть посмотрит на миры без чудовищ, наберется представлений. А там уже можно и потруднее, если не решат, что ее можно принимать обратно.

Кстати, вот тоже непонятно — от нее ждут минимальных показателей, сама она хочет уникальное чудовище. А мне что прикажете делать?

Из всех путей, лежащих у меня под ногами, я выбираю средний. «Туда» — и тяну ее очень-очень медленно. Сейчас нужно, чтобы эта глазающая по сторонам зевака пошла не прямо, где красиво полыхает Малая звезда, а куда я ее веду.

Идет. Задерживается всего на... здесь нет входов, на миг — но идет. Еще немного скольжения...

Мы вываливаемся на осколок, и я понимаю, что ошиблась. Нет, не с этой девочкой. С осколком.

Меня, словно огромной ладонью, наотмашь бьет пустота. Здесь почти нет воздуха.

Сатс катается рядом на ровной земле, изрезанной сеткой трещин. Хватается то за грудь, то за горло.

Да чтоб меня разорвало! Я же велела ей перед переходом выдохнуть!

Задерживаю дыхание и выхватываю из сумки маску. Что-то вываливается на сухую землю вместе с ней. Теперь приложить к ее лицу — а застежки потом.

— Да чтоб... Дыши!

И воздух из моих легких уходит. Новенькая сопит на земле. Вот и для моей маски настал черед. Из нее льется свежесть, и у меня перестает рваться горло...

Вокруг темно, лишь тусклое свечение перехода заливает площадку перед ним. Я не вижу даже того, что в десятке шагов от нас. Мне бы перенастроиться...

У ног катается новенькая, сучит длинными ногами. Цепляется за маску, но не верит ей — боится.

Вот ведь! Но я уже была здесь когда-то — чую, остро это чую! Я вообще обычно хожу по знакомым местам.

Что стало с этим местом, с этим набором?

В земле трещины — а тут был берег. Там, дальше, за грядой песчаных дюн, стоял поселок. Местные были хмуры, но за исправленную крысу пытались заплатить... Кажется, хлебом... да! тогда здесь еще были растения!

— Что? Что это? — едва слышно хрипит Сатс через маску.

— Сейчас... подожди...

— Что?

— Тихо. Я сейчас...

Мне приходится снять спасительную маску и попробовать затянуться этой проклятой

пустотой, которой не должно быть — ведь дорога на осколок открыта.

В груди болит, жжется, давит, но немного проникло, не совсем пустота.

От принятого, от разделенного хочется заплакать — так плохо этому миру. Он устал от своей агонии, он ждет покоя, он просит забвения. Может быть, обращается с мольбой к звезде, которую сам как-то именуется... Но что-то мешает.

Легкие болят, в ушах стоит попискивание испуганной Сатс. Одной рукой она прижимает к лицу овальную маску, другой шарит перед собой. Не верит, что земля может быть вот такой — сухой, потрескавшейся, без жизни. Никогда ведь не видела.

Слева... Скулеж.

— Тихо! Не дыши!

— Но... я... — она надсадно кашляет.

— Тихо!

Иначе мне не услышать. И иначе не понять.

А здесь есть кое-что. Здесь еще теплится, не дает осколку закрыться. Оно едва различимо среди жуткой безжизненной тишины.

Несколько шагов — и я останавливаюсь.

У моих ног скулит колючка, крошечный кустик, с палец высотой. Сухой и ощерившийся на весь враждебный вымирающий мир.

«Тихо, маленькая...»

Я наклоняюсь и вытаскиваю из сухой земли колючий комочек. Пыль лениво осыпается обратно на темную потрескавшуюся...

Снова скулеж... как сигнал.

Мне страшно так же, как страшно этой колючке — единственной живой в умирающем мире. Но страх властвует над нами лишь до той поры, пока мы обе, наравне и вместе, не осознаем, что все неизбежно. Я чувствую, как рада эта последняя колючка, как она счастлива умереть не в сухой пустыне, а на теплой руке кого-то, кто пришел на ее зов. Больше ей нечего бояться, не о чем скулить, ведь она сейчас не единственная живая на осколке.

Моя ладонь отзывается на ее радость, нагревается, провожая ее растительную жизнь. Колючка выдыхает, удовлетворенная и спокойная.

Теперь последние живые здесь мы.

Нам ее смерть — ловушка.

Найду сволочь, не поставившую на этом пути «Угасание», — своими руками на куски разорву!

Я бросаюсь назад и сцапываю новенькую за воротник. Она охает, роняет маску и дергается ее подобрать.

— Брось ты... Живей!

И плевать сейчас на все ее выученные уроки, на все мои сказанные слова — вот правда! на все плевать!

С этим наплевательством отшвыриваю свою маску и хватаю второй рукой Сатс за куртку на спине. Э-эх! — другой человек это всегда тяжело, а эта еще меня выше и весит изрядно — с натугой поворачиваюсь и вбрасываю ее в переход, который лишь чудом пока еще не закрылся. Увлекает следом не то сила перехода, не то собственное желание выжить — и я падаю в красно-синие круги.

Жадный космический ветер всегда наготове. Он ловит Сатс и тащит с дороги. Я снова

хватая ее — безвольную, уносимую... Ну уж нет! Ищи себе другую пищу!

Прижимаю ее к себе, заворачиваю в оставшиеся силы — так надежней, так не вырвут. Идти не получается, но еще могу ползти. Надо прочь, прочь.

Позади грохочет аварийная система — смыкаются щиты.

Обратно на Первый нельзя, мы ушли далеко, пока эта глазела... На повороте сбоку «Запрещено». На знакомый и проверенный 15-ый за один переход не попадешь. И даже до моего «Угасания», где можно просто выдохнуть и переждать, мы не дотянем.

Интересно, а их сейчас учат тому, что если в переходе останешься, то рискуешь не только сгореть? А то как-то слишком уж она вялая, словно нет никакой угрозы.

Хорошо, что ни одна молния не пробует нас на прочность — пожалуй, сила у Сатс так велика, что и в страхе и полуобмороке она что-то может выставить и чем-то оградить. Хорошо, что мы не в беде, а только в опасности, и еще не торчим тут долго, чтобы Малая нас самих сдвинула.

А раз так... можно на ближайšie.

Я переворачиваюсь, выгибаюсь, крепко прижимая Сатс к себе, и тянусь на знакомые стодвадцатые. В них все цветет и сплошная флора, но выдохнуть будет можно. Вот уж чего от флоры много — так это воздуха. А то, что половина из стодвадцатых уже закрыты, — не страшно.

Может, звезды и не умеют говорить, но вот глаза и уши у них точно есть. Чем-то же они следят, чем-то Малая уже почуяла нашу слабинку, уже плеснула жаром.

«Ну давай, бестолковая ты...» — начинаю я, не очень соображая, к кому обращаюсь. И тянусь, тянусь.

Шаг откровенный

Когда-то я жадно слушала все, что можно было слышать.

Сейчас слушаю только мир и его музыку. На этом осколке звучит тихая неторопливая мелодия растительной жизни: осторожными колокольчиками позвякивают распускающиеся листочки, и их звучание вливается в мерное гудение окрепших стеблей.

Растения — это всегда негромко. А птиц и зверей здесь не водится.

Невдалеке живые и пока еще бодрые лианы прощаются с умершей, сгнившей от тесноты соседкой. Она свисает с веток большого дерева, нитью темной слизи ползет из глубины густой кроны. Такой густой, что кажется, если приподняться, то и руку в листву просунешь с трудом. Но не хочется к этому дереву руки тянуть — на нем уже много висит гнилья, ствола почти не видно. Все листьями закрыто, слизью промазано. Все ненадежное, готовое надломиться, стечь и плюхнуться, но несколько мощных корней впиваются в болото, где и мы теперь сидим.

Да, здесь спокойно, есть воздух. Любая колючка зацветет — столько питания корням! Вон, один цветок на молодом побеге пыжится показать, какой он красивый. Но, помимо его гордости, звучит на поляне множество маленьких смертей. Здесь все друг друга душат. И он тоже скоро войдет в эту систему.

Своего Мастера я не слушаю, слушать не хочу — и в пыль пусть разлетятся страхи, будто позже можно чего-то не успеть! То, что она сейчас несет, лучше и не успеть никогда. Но рот я ей не затыкаю. Пусть выговорится.

Только не слушать — и я не слушаю.

В принципе, мы неплохо устроились на этих кочках. Они довольно высокие, не приходится вязнуть в болоте. Но Сатс орет так, словно мы в грязи и тине по самое горло. А всего-то нас выбросило на полянку. Да, весьма заболоченную, но ведь и до колена не достанет. Выкинуло, конечно, резко, да еще ее швырнуло прямо под корягу головой. Она там застряла, хотя могла опустить руки во взволнованную жижу, упереться — и просто сдать назад, выползти. Но эта «лучшая ученица» испугалась прикоснуться к тому, на что раньше и смотреть-то считала невозможным. Она и не видела, пожалуй, никогда — откуда бы ей взяли столько гнили, чтобы показать, какая она бывает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

До чего же все-таки на Первом чистоплюйные! Пусть даже я иногда завидую их чистоплотности.

Конечно, Сатс хлебнула серо-зеленой жижи, но ведь не утонула же! Я за шкурку ее вытащила. Теперь она орет, кашляет, плюется — и снова орет.

Я не слушаю.

С недавних пор речи разумных я воспринимаю с меньшей отзывчивостью. Кажется, у меня что-то нарушилось в доверии тому, что мне говорят... Сначала я упустила ту, кого выслушать и понять было надо. Потом все остальное перемешалось с ее голосом — голосом недослушанности, застрявшим в моей виноватой голове, — и теперь среди всех звуков он иногда прорывается с одним коротким вопросом: «Зачем?» Они — голос и вопрос — таковы, что умеют даже кое-что заглушать, смещать и проверять на прочность. Не все выдерживает проверки.

Например, я бы услышала тогда на Первом Алу, но разве она была со мной полностью откровенна? Я бы услышала сейчас Сатс, но разве она не бросается пустыми звуками, издавая, кажется, все визгливые подряд, на какие способна? Я слушала бы себя, но разве подсказет что-то пустота такой степени, до какой на предыдущем осколке пусто и мертво?

Я бы послушала разум, но где он?

На этом осколке только мы с Сатс. Но она орет и визжит, топая ногами и расплескивая вокруг себя брызги вонючей жижи. Безветрие. Воздух над болотом напитывается резким и кислым.

— ...одной из лучших! — надрывается она и тычет в мою сторону грязным мокрым пальцем.

Я не слушаю ее. Я смотрю на ее волосы: недавно восхитительно пепельные, сейчас — комок слипшихся сосулук. Ее рот зло кривится, а надо заметить, что Сатс красива, когда неподвижна.

Как-то очень быстро она перескочила с вежливой речи на дерзость.

Зачем?

— ...кто бы предупредил, что эта «одна из» сама нуждается в проводнике! Она не соображает, куда идет! Какая же лучшая?! Основатель — если ты забыла, напомню — должен выбирать надежный путь, а ты совершила непростительную ошибку. Как ты смотрела? Чем слушала? Мы там едва не погибли. Как бы ты меня выводила потом, а? Не знаешь... Глупость и слабость — вот в чем ты одна из лучших! И как только мы вернемся, я непременно доложу...

— Доложи, — отзываюсь и замечаю, что, оказывается, я ее все-таки слушаю. — В тебе докладывать потом будет то же самое, что сейчас горланит. Слабость. Твоя. Не моя.

Спускаю ноги с кочки, ботинки немедленно черпают прохладную воду. Можно было бы опасаться, что какая-нибудь пиявка вползет, но я точно знаю: здесь нет никаких животных.

— Доложи, конечно, — продолжаю спокойно, — но сначала поразмысли, почему ты признаешь несправившейся меня, а о себе не думаешь ничего? Но что-то же в тебе терялось, тарасилось по сторонам и не подчинялось моим приказам.

Сопит. Отплевывается, по ее перемазанному лицу текут с волос серые капли.

Я не люблю спорить, мне само по себе это неприятно, особенно когда собеседник агрессивен. Но сейчас молчать не получится.

— Для меня и для Старшей спрос с тебя невелик. У тебя нет опыта. А если ты спросишь сама с себя? Ведь ты сама не разобралась, а теперь бросаешься претензиями и обвиняешь меня... Ты вообще склонна сваливать на других свои несчастья, а это дурной признак. Твой крик и возмущение выдают в тебе такую слабость, какая больше любой той, что ты приписываешь мне. Знаю, я привела нас не очень удачно. Но на моем месте мог оказаться любой Основатель. Никто не умеет смотреть на осколок, пока не войдет. Предупреждений не было, открыто — добро пожаловать! Любой бы пошел, но ты ведь считаешь, что это лишь я сплеховала. Ты считаешь, что если доложишь Але, то она поймет тебя, а не меня. Не надо думать, что лучше других знаешь, как другие поступят, дорогая... мастер Са-ц!

Она дергается на это цоканье. Но уже не кричит.

Это хорошо, значит, выговорилась, теперь послушает сама. Ей будет очень полезно послушать — так же взбодрит, как это купание в вонючем болоте. Иногда надо умыться грязью, чтобы понять чистоту. Меня умывали не так прямолинейно, но я никогда не висела на уровне лучшей. Во мне не возвращали самообманы и сомнение. А из этой еще выбивать

и выбивать.

И потому продолжаю поучительным, но мирным тоном:

— Посмотри внимательно на себя. Ты вывалилась в безопасное место, куда тебя фактически принесли. И здесь орешь на весь свет, думая, будто великую тайну мира открыла, когда объявила, что твой Основатель слаб и глуп. А почему? Нет, не почему это так, а почему ты так думаешь?

— Потому что это так!

Хочется подняться, но я остаюсь сидеть. На равных мы не будем говорить, а учительствовать лучше в солидности и сидячей позе.

— Что, по-твоему, моя слабость?

— Ты выбрала не тот путь.

— Значит, ты оцениваешь мой путь как неверный. И теперь после такой оценки у тебя появилась вдруг сила, с высоты которой ты грубишь мне? Не забудь, что еще недавно ты мне в рот смотрела и льстила, а сейчас уже никаких «вы»... Я не настаиваю на почтении, мне, в общем, все равно. Но не считай злую наглость силой, иначе ты ничего не поймешь в слабости. А тебе придется понять, что не я виновата *В* своем выборе, но *ПРИ* моем выборе оказалась никчемной ты. Ты же своими ногами боялась идти. Тебя вытаскивать пришлось. Так чего же сейчас орешь? Если просто запоздало страшно — это я пойму, можешь продолжать.

— Да, я могу оценивать верное и неверное. Я знаю, что такое сила! — заявляет она, вскинув грязную голову. — Я видела сильных Основателей, и моя семья — это старейшие Мастера. И они, когда мне назначили тебя, все разузнали. Твоя мать была одной из сильнейших. Однако об этом пришлось расспрашивать, а о твоём отце и вовсе ничего нет.

Плохо расспрашивали. Иначе из списков ее возможной пары меня бы вычеркнули быстро — и избавила бы меня судьба от такой помощницы.

— Вроде Мастера, а действовали основательно, — усмехаюсь, но на душе пакостно. — А разузнать то, чего якобы нет, что, семейного обаяния не хватило?

— Не пытайся прятать свою слабость! Кто силен, тот своих родителей не прячет. Мои-то поверили, не стали от тебя отказываться. А я еще тогда заподозрила, что ты не такая уж сильная, как про тебя говорила Ала. В итоге из всех других подтвердили тебя, хотя я видела, что с тобой что-то не так.

Видела она!

Этому юношескому гонору я, пожалуй, только откровенностью могу ответить. Лишь она уравновесит бардак в этой молодой горячей голове.

— Ты гордишься собой. Думаешь, что оказалась умнее всех своих старейших Мастеров. Ведь они ничего не заподозрили, а ты всю суть постигла...

— Что насчет тебя и твоей семьи, Инэн? Что ты унаследовала такого, из-за чего я теперь не должна видеть в тебе слабину?

Так вот что в голове этой девочки! Там все определяют семья и семейственность — и дело вовсе не в силе. Про мою семью им не сказали сразу, пришлось узнавать. Поэтому я попала под сомнение, но только у нее. Остальные удовлетворились чужим мнением, будто я — одна из лучших, и все со мной в порядке. Себя представлять и осознавать эта молодежь начинает с семьи, искренне считает себя яркой частью большой мощи. Полной силы, уважаемой, любопытной...

Я могу дословно предположить, что им удалось узнать. А что не удалось — личное не

афишируется ни за какое... обаяние.

Хотя... если на Первом в ходу те коварные сигары, то, может, уже ничего не секрет.

Становится тревожно и обидно. Но я начинаю говорить просто ради того, чтобы хоть что-то произносить. Мне нужен собственный голос, который заглушил бы обидный шум.

— Вижу, Сатс, тебе это очень важно. Тогда попробую объяснить, в чем мое наследство. В душе моей матери не было места слабости — об этом скажет вся ее жизнь. Она погибла, пытаясь спасти человека. Его нужно было увести с осколка, но... Ее Мастер отказалась помочь, хотя вдвоем они могли бы справиться. Тебе известно, почему у них была такая возможность?

Хлюпает мокрым носом и молчит.

Значит, не знает. Странно.

— Не тяни в себя болото, высморкайся... Наша сила защищает нас же двоих с внешних сторон. А у людей с осколка, окажись они в переходе, нечем строить свои стены ни с какой стороны. Если человек будет в переходе рядом с одним из нас, он получит защиту только с одной стороны...

— И погибнет или исказится, как тараканы, — вставляет она неуверенно.

— Да... Можно решить, что двоих наших достаточно на одного человека, чтобы его безопасно перевести. Но и это не так. Если наших будет только двое, то, увы, их силы не хватит на него на всю длину дороги — и третий не дойдет.

— Погибнет или исказится, — повторяет она шепотом.

— Да. Чтобы перевести человека с осколка по переходу, несколько наших пар должны встать цепочкой. Плотнее встанут — надежней коридор. Там важно все: наши показатели, длина дороги, число развилки на ней... Мелочей нет. Зато всегда есть риск не устоять, не удержать, не довести... Поэтому так переселяли, когда на осколке с быстрым угасанием оставалось много людей. На переселения выбирали лишь пары с высокими показателями. Ведь чем каждый из наших сильнее, тем шире будет общая защита в дороге, тем она дольше продержится и тем больше можно перевести... Разве вам не давали задачек рассчитать уровни, количество, длину и время переселения?

Молчит. Моргает. Слипшиеся ресницы торчат, как длинные наконечники копий.

Этого им явно не давали. Наверное, отказались от таких задачек за ненужностью. Даже на моей памяти уже не возникало нужды кого-то куда-то переводить. Так, лишь разговоры о прошлых достижениях и трудах.

— Но твоя мать? — тихо спрашивает Сатс.

— У нее был очень высокий уровень. У ее Мастера — выше среднего. Моя мать посчитала, что они справятся вдвоем: дорога была короткая. Но ее Мастер не захотела рисковать. Невысокие шансы одной пары напугали Мастера, но у одного Основателя было шансов еще меньше... Да, я бы тоже оценила такой шаг как неверный, но моя мать хотела на полной выкладке перестроить свою защиту так, чтобы стены встали со всех сторон вокруг нее и человека. Причем хотела растянуть сразу на всю дорогу.

Мне хочется отвести взгляд, прикрыть глаза, вообще прекратить этот разговор, но я креплюсь и продолжаю:

— Все зависело не от того, что ты привыкла понимать под силой. Тонкая стенка для Основателя и одного человека с осколка оказалась слишком непрочна перед ветрами...

Смотрит, не мигает, блестят хрустальные глаза. Застыла — хочет жуткого продолжения.

А у меня злость в крови вспыхивает, неясно с чего. Перегорело же — сколько раз в

мыслях возвращалась! — и ничего, привыкла. Но, видать, на словах не так же, как в мыслях. Когда свое горе слышишь не только ты, оно словно бы возрождается, громче звучит. И больнее бьет.

Стараюсь, чтобы мой голос не дрогнул, вздыхаю и продолжаю:

— Человек умер почти сразу при входе. Мать сгорела, задержавшись и пытаюсь понять, куда двигаться ей самой. Человек ослабил ее. Беда замедлила... Да, моя мать была очень сильным Основателем, про нее все верно. И я унаследовала от нее многое. Я свою силу понимаю и не хочу мерить ничем, кроме своего понимания. Даже хорошо, что меня не проверяли, иначе это стало бы цифрами... Так вот, о наследстве. Во мне силы немало, хотя мой отец — тот человек с осколка. Я осознаю также и свою не-силу. Я уязвима, как и каждый из нас, как и все мы. Уязвима. Однако не слаба. Я вернулась на Первый, как раненый хищник прячется в дальний угол своей берлоги. Да, на Первом набор поддерживается и без таких зверей, но ты должна была видеть голограммы...

И осекаюсь на полуслове, замечая, что Сатс улыбается:

— Так ты полукровка и тебя даже не проверяли!

И смотрит на меня так, словно бы эта история ей все-все объяснила, и почему она тут в грязи торчит — тоже. Ползает по мне тонким взглядом, а потом высокомерно опускает глаза, будто бы я вмиг переместилась куда-то к ее ботинку.

Вот ведь подлость! Я всего лишь хотела быть откровенной, потому что пожалела ее в ее возвращаемом обмане. А она оказалась из тех, кто в ответ на открытость тут же плюнут в тебя, кто расположение к себе, даже короткое, посчитают тоже слабостью.

Как я сейчас ругаю себя за свою глупую открытость!

Однако не скажу, что такая реакция новенькой для меня сюрприз. Разговоры о связи крови с силой и я вела, и со мной вели. Правда, раньше разговоров с такими прищуренными глазами не было. А сейчас ведут. И думают, что чем они старше, чем семейственнее, тем сильнее каждый из них.

Она стоит передо мной и кривит рот. Знает, кто старший, — это хорошо объяснили. Чует, кого слушать, — пока еще не сильно зарывается, хоть и ругается на меня. Но плохо то, что она кривит рот. Червячок, который точит ее понимание мира, но облегчает понимание себя, проел себе дорожку и вылез на лице. Это так некрасиво!

Пытаюсь сдержать растущую злость, я хмурюсь и говорю строго:

— Хочешь вернуться и доложить на меня? Не буду мешать. Прямо сейчас побежишь? Не дергайся, одну не оставлю. Даже могу выбрать короткую дорогу, шага в два... И не дрожи — я не заведу тебя отсюда на периферийный осколок, чтобы ты никогда не вернулась домой. Я вернусь вместе с тобой. Мне не страшно провалить дело. Так будет даже проще попросить, чтобы меня вывели с пути.

— Ты просила и тебе отказали? — вдруг серьезно и без намека на гонор интересуется Сатс.

Я обвожу рукой болото вокруг нас:

— Просила я или нет, это сейчас неважно. Я все равно здесь, хоть и вынести вопрос на совет была готова.

— Это почему?

— Не знаю, почему твоя семья получила слух о том, будто я из каких-то там лучших. Но даже этот слух надо было подкрепить. Думаю, ссылались на мою работу. В паре. У Основателя пара — это его Мастер. Ты, подозрительная Са-ц, не задумывалась, что стало с

моим прежним Мастером, вместо которой сейчас ты? Куда она делась, не хочешь поразмыслить? Сама, без чужих подсказок и надежного семейного заслона?

И тут она самым честным образом задумалась.

Я не ожидала. Ну еще бы чего-нибудь брякнула, ну руками бы принялась махать или грязь продолжила бы месить. Нет. Стоит, хмурится, чего-то там себе прикидывает. Наверное, размышляет, а могу ли и вправду я ее затащить на окраину и бросить там? а вдруг я так уже от одного ругающегося Мастера избавилась? но ведь узнавали... не могли неверно узнать, старейшая же семья, и она — одна из этой семьи...

— Нет, — наконец заявляет Сатс и ведет плечом, будто чью-то руку с него сбрасывает: — Мы не уточняли, что случилось с твоим Мастером. Но я слышала, что ты скорбишь по ней. Значит, ты о ней заботилась и не хотела ей зла.

Мои брови от удивления ползут вверх.

Сатс продолжает:

— И еще я думаю, что не всегда сам слаб тот, у кого в линии есть слабые. О тебе все-таки говорят хорошо, нет на тебя злящихся. Значит, ты никого не обидела нарочно. Когда мы вернемся, я не буду... Но попрошу тебя провериться, — вдруг заявляет она увереннее. — Все-таки полукровка. Моя семья не обрадуется такому положению, но если ты покажешь хороший уровень... И если все будет в порядке, я вообще никак докладывать не стану. Пойдем потом так же, вместе, будто ничего и не было. Я не проболтаюсь о твоей ошибке. И о твоём отце тоже никому не расскажу.

Это уже просто возмутительно! Шантаж и есть обаяние ее семьи, которым она себе дорогу обеспечивает?

— Ты думаешь, мне нужно защищаться от тебя и твоих доносов?! Я в силу своей семьи, хоть ее больше нет, верю больше, чем в ловкость всех твоих поколений!

Она открывает рот, словно рыба, ищущая спасительную воду, но закрывает — ей нечего сказать.

А вот мне есть:

— Пойми, Са-ц! Нет силы в том, чтобы просто куда-то не пойти, хотя в недеянии бывает мудрость. Сила в том, чтобы преодолеть слабость, если уж встретил ее. Не за мой счет тебе надо преодолевать свои слабости. Ты решила, что все преодолевать буду я. Но полагаться так безоглядно на другого — значит сделать слабой себя. Себя, усвой ты это уже наконец! Мир тебе хороший урок дал, такой, какой на Первом никто не придумает. Если у тебя самой что-то не получилось, то не надо цепляться за обвинения кого-то другого. Не надо орать: «Куда ты смотрела, Инэн? Как ты выбирала дорогу?..» Подумай сама, зачем ты оправдываешь себя и перекладываешь ответственность на меня? Так ли много ты умеешь на самом деле, как про себя думаешь?

— А все-таки глупость своих дел ты признаешь, раз говоришь, что в недеянии мудрость, — опять кривится Сатс. — Ты могла бы просто на тот осколок не ходить, не подставлять нас под опасность. Напомню, что у тебя не было задания провести меня по всем видам наборов и начать с пустого. Ты забыла? Мне не интересны и не нужны просто осколки. Мне нужно чудовище. А там кого было менять? Колючку эту идиотскую?

— Опять пустые амбиции!

Вдруг мне кажется, что от моего крика вздрагивает большое дерево за спиной.

Продолжаю тише, но с прежней злостью:

— Ты, конечно, считаешь, что ко всему, что тебе твоя семейка нарисовала, кто-то

другой должен тебя за руку подвести. Семья выложила уже, тебя на свет родила, а дальше тебя привели к Старшей. Старшая поставила тебя передо мной, а я должна довести тебя до какого-то чудовища. Желательно редкого, но простой таракан тоже сойдет. Ткнуть в него пальцем. Ты махнешь рукой — и чудо свершится, ты станешь самым молодым Мастером, исправившим искажение!.. Я не спорю, оно неплохо. Но, во-первых, все как-то забыли, что этот путь для тебя небезопасен, хотя все его таким рисуют. А во-вторых, подумай — тебе постарались оформить удобную и спокойную дорогу. А почему? Тебе сказали, что безопаснее — значит, быстрее, проще. Но это просто потому, что никто не поверил, будто сложную и опасную дорогу ты осилишь!

У нее очень красноречиво сжимаются губы в одну бледную линию, рот почти пропадает с грязного лица. Лишь хрусталь глаз сверкает так, что, будь в них источник света, она меня прожгла бы уже лучами ненависти.

— И еще все забыли о том, что мне-то тебя водить зачем? Если я верю в то, что я полезна для мира, что пытаюсь как-то его поддержать, то с такой верой я могу зубы сцепить, но идти дальше. А ты-то мне на кой сдалась?

— Я дам тебе еще один шанс, — шипит мне это чудо, — но последний.

— Ты мне что? — я готова засмеяться. — Ты мне что даешь? Последний шанс? Вот ведь навязали на мою голову... На что шанс?

— На правильный выбор.

Тут до меня доходит, что она совершенно не шутит. И ни словом здесь не шутила. И вообще не умеет говорить несерьезно.

Вот только мне ее слова не принять всерьез. Новая злость — на этот раз дурная и веселая, когда тянет хохотать в голос, — поднимается во мне тяжелой волной, целящейся рухнуть и раздавить.

— Шанс и выбор?.. В каком же уроке вас такой наглости учат? Или на Первом в воздух что-то впрыснули и теперь там принято ждать, когда тебе кто-то что-то подаст? Салфетку, осколок, чудовище?.. Ну уж нет! Я приведу тебя туда, куда мир сам укажет. Моя работа — слушать мир, а не потакать притязаниям твоей семейки.

Отворачиваюсь — надоело смотреть на нее. Раздраженно машу рукой, несколько темных капель с мокрого рукава с плеском падают в болото.

— Хотя, не поведу. Возись с тобой, на руках таскай. Беспомощная полнокровная будет мне еще о силе говорить.

И тут она бросается на меня.

Удар в грудь. Сильный. Падаю.

Удар в спину, в затылок. Плеск, уши заливают, мгновенно глохну. Над моим лицом смыкается густая вода.

Тут только отбиваться. И бить. Бить. Просто, без разума. В живое. В наглое и...

Процарапав себе путь обратно к воздуху, освобождаюсь чуть-чуть и бью еще раз, не глядя. С хватом бью, чтобы вонзиться и выдрать.

Кажется, попадаю ей по рту. Интересно, порвала?

Слышу — вскрикивает и стонет. Ее руки исчезают. Можно сесть, вздохнуть и протереть лицо...

Сатс стоит на четвереньках рядом. Плюется буро-красным, рот у нее разбит, но цел. Я ее сильно достала. Но, видать, мало, раз она сверкает своими хрустальными и со злым:

— Я докажу тебе, что не слаба, — бросается снова.

В лице ни капли рассудка — одна грязь. И глаза...

Ухожу кувыркком назад и в бок. Тут же вскакиваю, стараясь не поскользнуться. И не жалея ни сил, ни эту нахалку, бью ногой.

Ботинок, взметнувшись из грязной воды, носком влетает Сатс в живот. Она складывается пополам и плюхается обратно хорошеньким лицом в болото.

— Сначала себе что-нибудь докажи!

Она возится в грязи, пытаюсь подняться и достать меня.

Уже бесполезно. Надо было топить меня сразу, когда я растерялась от нападения. А сейчас уже что?

Хватаю ее за куртку сзади. Протащив до кочки, где, помню, чуть поглубже, останавливаюсь.

Швырнуть. Колено — на грудь. Потом навалиться. Вцепившись в воротник, можно контролировать, насколько она погружается.

Сначала по у-ушки.

— А теперь живо — громко и четко! Зачем тебе исключительная карьера? Ну!

Она шипит и выворачивается, но некуда — только шевельнет головой, на лицо лезет тина и гнилая дрянь. Я вдавливаю ее чуть ниже, она сучит ногами с перепугу. Боится. Но я ее держу так, чтобы вода доходила только до щек.

Перепуганная, Сатс хватается ртом воздух, веря, что через вдох я ей уже не дам дышать. Наверное, мне она бы не дала.

Чуть ни-иже.

Таращится с ужасом, лопочет что-то, но наконец выдает:

— Я не первая. У меня сестра есть, на нее надеялись... Она... она в переходе однажды... живая осталась, вытащили... наверное, как ты меня... но не ходит уже давно.

— Разрешили выйти? А почему?

— Она не ходит.

Дело не в пути!

— Совсем не двигается? — спрашиваю я и убираю руки, затем отступаю и сажусь на свою кочку рядом.

Сатс с опасливым неверием поднимается. С нее потоками ползет болотная жижа. Но сейчас эта девочка говорит о том, что вынуждает ее забыть себя и свое состояние:

— Руки у нее работают, голова тоже. Но сидеть может недолго, а ходить и вовсе... Нас двое всего у родителей. Ей теперь в учениках отказывают, опыта нет. И семью не создать, детей не будет. На меня надеются. Но нельзя, чтобы я много... в пути... тоже ведь может что...

Вытирает лоб, а я успеваю подумать — что она убирает? Грязь или испарину?

— И поэтому ты со мной ненадолго, — вздыхаю я. — Почему сразу не объяснили? Я бы не считала вашу семейную необходимость только твоим дурным тщеславием.

— Чтобы говорить о тщеславии, надо знать про тщеславие в себе, — вдруг выдает Сатс так же легко, как и все глупости до этого.

И снова она меня удивляет! Неужели это ее собственная мысль?

Вряд ли. Больше похоже на очередное заученное, вызубренное. А может, где-то случайно поймала в чужом разговоре. Она пока не понимает того, что говорит, но главное, что не весь еще разум покорила ее семейка, не все уголки заполнила своими желаниями.

Хочется подойти, приобнять ее за плечи и стать на равных. Ну их в пыль все эти законы

про старшинство! Она же живая, мыслящая. Хоть и глупая чужим умом. Не было бы у нее своего, орали бы в ней только амбиции, я бы глуха была ко всем ее словам, как та коряга...

Из меня начинает что-то идти само, опять та откровенность, за какую я уже ругала себя недавно.

— Да, пожалуй, не было особого смысла меня предупреждать, что тебе надо все поскорее. Я не повела бы и не поведу тебя удобными дорогами. Но лучше бы вы сказали заранее. Я бы сама от тебя отказалась. Во-первых, за место рядом с тобой при хороших рекомендациях и перспективах кто-нибудь и Мастера своего с охотой бы сменил. Во-вторых... гибель Крин не так сильно ослабила меня, чтобы я не справлялась с обычной работой, а за твою специально мелкую в ущерб той, которая меня ждет, я не хотела бы браться.

Она вытирает рот. Разбитая губа уже не кровит, но, когда я присматриваюсь, подсвечивается розовым.

— А на обычную тебя отпускать не собирались. Ала говорила моим, что тебя не хватит надолго, а сколько остается... ну... до какой-нибудь ошибки... Так что лучше... прежде чем... ну...

Холодеют и поджимаются пальцы на моих руках.

— Какой-нибудь ошибки?! Спасибо за откровенность... Вот уж не думала. Значит, они и выйти мне нормально не дали, потому что еще можно выжать, и долгого пути мне не видят, потому что выжать можно немного. Меня хватит на тебя — и это лучшее для всех!

Она дергается и вскидывается. В глазах горит какая-то идея — у юности все всегда хорошо видно. Никакой злости или страха в ее голосе нет, когда она предлагает очередной выход:

— Если хочешь, если ты уже устала, я попрошу за тебя, и совет выведет тебя с пути похорошему. И им не надо будет ничего дожидаться, и с тобой все обойдется. Надо только указать, что ты старалась и у меня нет к тебе претензий. Тогда тебя не станут отвергать. И думаю, тебе даже разрешат создать семью. А мне просто дадут другого Основателя.

Ее слова скачут и толкаются в моей голове — не поймашь, не поймашь.

Поднимаюсь. Дыхание у меня сбивается, три вдоха вместо одного.

И выдох:

— Что-о? Отвергать?.. Это что за новость?!

— Это не новость. Сейчас, если совет решит вывести с пути, он не только определяет место на Первом. Иногда назначают изоляцию. С сестрой не так, она без семьи, но она — наша. А кое-кого нынче...

Не верю ей. Совсем не верю. Ни единому слову!

— Подожди-ка, подожди с изоляцией... Как? Разрешат семью? Не «создам», а «разрешат»? Слова о крови теперь приняли форму разрешений?

Она воодушевляется, сквозь грязные потоки на лице проступает азартный румянец. Глаза блестят. Она чувствует себя выше, потому что знает больше.

Кажется, меня сейчас будут привлекать к каким-то модным единомышлениям.

— Да, приняли, довольно давно. И очень уверенно. Нам уже обещали, что через десять оборотов...

— Да подожди ты! Какие обороты и обещания?! Они что, теперь от кого-то просто ждут, когда те выдохнутся и сами погибнут, кого-то изолируют, а редким заслужившим кидают подачку в виде права на семью и места на Первом? Откуда это пошло?! И главное,

когда успело пойти?!

Ошалев, хватаюсь за голову (вот уж не водилось такого жеста, чтобы хотелось укрыться от мира) и чувствую, что волосы мои тоже грязные и спутавшиеся.

Снимаю с головы зацепившуюся ветку с молодыми листочками и смотрю на нее, будто она мне что-то скажет, отломанная. Ветка немного успокаивает меня своим молчанием.

Неужели я так редко появлялась на Первом? Неужели, кроме Крин, я уже давно ни с кем из наших не общалась? Да-а... Мы с ней долго ходили по окраинам, а там, говорят, время идет со сбивкой. Но все равно — с очень небольшой сбивкой. Не могло набежать много из-за разницы, не могло.

Сколько себя и в чем ни убеждай, одно уже понятно — я отстала. Это понятно не только мне. Однако Ала не поторопила, не заставила нагнать. То ли не сочла нужным, то ли забыла поделиться новостями. А то ли и сама не знает. Ей-то что — бессемейная, новых учеников не дают, значит, саму почти изолировали. И меня тоже вот считают уставшей. Свалюсь где — не огорчатся.

Напоследок обратились: пристроить вот эту, перспективную в свете новых традиций. Приправили рассказами о старых заслугах и подали...

— Это чистка, — вырывается у меня. — Надо же, «разрешат»! Вот только этого разделения нам всем не хватало!

У Сатс лишь недоумение, и на лице, и в голосе:

— Почему разделения? Наоборот, это объединит нас, создаст семьи, кланы, наладится порядок. Главное — мы сохраним нашу силу. Пусть она не будет такой, как раньше, но и меньше ей стать мы не позволим! Те, кто ввел и поддерживает разрешение семей, говорят именно о порядке — и он придет. Потому что иначе...

— Иначе они пророчат хаос! — заканчиваю я и принимаюсь ходить кругами по полянке. Мне надо успокоиться, а то дрожу.

Ноги разрезают болотную жижу. Неподалеку булькает лопнувший пузырь, ползет липкий смрад.

Я растеряна. Мне надо собрать разбегающиеся мысли.

— Нет, конечно, рано или поздно должны были договориться до чего-то совсем уже... вот такого. Хотя говорящего такие вещи про кровь можно понять. И слушающего тоже. Надо же на какой-то основе верить в свою силу, не на старых же байках о целом мире держаться. Мир ведь все никак не собирается, а умы бродят, умам нужны новые веры... И жертвы — конечно! Я не спорю, если мы опустим руки и перестанем работать, осколки вымрут все. Тараканы соберутся в итоге на одном, и там их пожрут крысы. А если каждый Основатель или Мастер будет рожать детей от слабых людей, мы растворимся в людях с осколков и развеем по разумной жизни всю силу, которая пока еще в нас сконцентрирована.

— Вот именно! Растворимся! — обрадованно восклицает Сатс. — А этого нельзя допустить!

Я разворачиваюсь и широко шагаю к ней:

— Многого нельзя допустить! Но у моей матери был свободный выбор, а сейчас обдумывают, как бы не позволить вам выбирать. Мне не хочется самой жить по этим разрешениям и не хочется представлять, как будут жить другие. Я тебя вижу второй поворот. Я тебя готова стряхнуть с себя за ненадобностью и бестолковостью. И все же даже тебе я не желаю жить не по собственной воле. Даже тебе я не желаю, чтобы кто-то за твоей спиной ждал, когда ты сдохнешь. Даже тебя... — выдыхаю и добавляю с нажимом: — Уж если

говорить о семьях, то я хотела бы видеть тебя с ребенком от того, кого ты полюбишь, а не от того, под кого ляжешь по указке.

Сатс таращится на меня с бескрайним удивлением, на которое способна только смесь неопытности и наивности.

— Лягу? — переспрашивает она с неверием, и я понимаю, что попала по чистому листу среди клякс в ее мозгах. — Я как-то не думала... А ты вот сейчас сказала...

— Смотрю, ты тут вообще впервые оказалась наедине со своими мыслями. Ты привыкла жить чужим умом и чужими речами. Понимаю, твои постарались ни вдоха тебе не давать на размышления. А тут вдруг — ох! сколько всего, и можно даже подумать своей головой!.. Вот и подумай! И нарисуй все, что я тебе сказала. В красках. Ты себе не представляешь, что можно надумать, если представить свою жизнь по своему собственному уму, а не по чужим заверениям.

Девочка обижается. Надулась, стоит, моргает. Видать, крепко я ее зацепила. Мнется, губы кусает. Потом ее руки задрожали, задвигались, словно ищут на теле места, где ее будет касаться разрешенный муж...

Как же мне обидно за нее и за ее будущую жизнь!

Разве можно сказать, что она злая или ее представления о жизни порождены ее жестоким разумом? Нет, просто слишком уступчивой оказалась эта девочка, никогда не думающая о своей уступчивости. Она, незлая, покорила семью и не усомнилась в ценностях, которые ей прививали. Покорила вся: отдала разум, чтобы его наполнили другие, авторитетные и сильные, отдала сердце, а подумать о нем уже не хватило разума. Когда-то я скорбела, что рано осталась без семьи, а сейчас мне кажется, что семья тем и опасна для раннего возраста, что, забирая сердце, лишает ума, а потом еще и воли. Шантаж — это не обязательно для сторонних, для своих тоже сгодится. Разве не им любящие родители добились от своей дочери послушания и отобрали умение слушаться не их, а саму себя?

Но разве можно сказать, что у нее самой не оказалось слабости, которой воспользовались ее сильные близкие? Нет, нашлась такая. Ее амбиции выросли на хорошем поливе, но ведь было чему расти. Они ее знали с рождения и не воспитывали иначе, даже когда старшая сестра была здорова. Значит, вне зависимости от судьбы сестры зашли со стороны понятных и очевидных слабостей — и сделали из младшей гордычку с самомнением. Пригодилось: вон, несется в претенциозную жизнь, не остановишь и рот не заткнешь.

Но разве же можно спокойно принять, что на Первом, где я сама училась и выросла, где мне самой прививали знания и ценности (другие! чтоб их в пыль всех!), теперь не ради сохранения силы трудятся, а на слабостях играют?!

— ...Как?! — забывшись, кричу я. — Как могло стать инструментом то, с чем каждый из нас в себе борется? А куда нас, такие инструменты, прикладывают? Что за аппараты воздвигаются, а? Ответишь? Почему или на свалку, или на селекцию?!

Сатс стоит ошалевшая, хлопает глазами. Но смотрит не на меня, а куда-то позади меня. Значит, там опасность сильнее, чем опасна я.

Прежде чем гневный шум в ушах немного утихает, начинаю медленно поворачиваться. Треск ветвей я слышу раньше, чем вижу, как дерево у нашей поляны поднимает часть своих корней, которые отчаянно цепляются за мокрую землю.

Дерево наклоняется к нам, неторопливо закрывает густой кроной свет звезды — и

замирает над спрятанной в тени болотной поляной.

— Надо уходить, — пищит Сатс, и я отступаю к ней.

Дерево замерло под опасным углом. Его сдерживают лианы, сцепившие его крону с соседними деревьями. Но надолго ли у них, гнилых старых и юрких молодых, хватит сил держать такую махину?

— Чего его дернуло, — шепчет Сатс с такой опаской, будто от ее голоса дерево рухнет. А сама тянет меня за рукав назад, к краю поляны.

Я хмыкаю, как могу более возмущенно. Злость во мне далеко не ушла.

Отбрасываю длинную ветку этого дерева, спустившуюся к самой голове, и поясняю:

— Тут болото. Земля размокла, под корнями только жижа осталась. Чего б ему не поплыть?..

— Как-то не вовремя. Почему именно тогда, когда мы здесь?

— Не бойся и не связывай все на свете со своей особой. Если бы оно упало раньше, мы ворвались бы во все его ветки, еще неизвестно что хуже, — продолжаю я, хлюпая по болоту.

— Но могло бы позже.

— А чего ему ждать?.. Встань слева. Слева! Чему вас только учили...

Она вздрагивает и послушно встает. Затем, косясь назад, в сторону поляны, тщательно убирает с себя все сопли лиан, вытаскивает листья из волос.

Правильно. Мы не должны случайно уносить живое с одного осколка на другой, иначе наборы изменятся. Мелочь и растительную грязь с нас и так в переходе сдует, а вот целый лист может остаться. Бывали случаи. Хорошим не заканчивалось.

— Инэн, — слышу я тихий осторожный голос, — выберите, пожалуйста, так, чтобы умыться было можно. И пить хочется.

Едва она это произносит, как мне тоже хочется свежей чистой воды.

Что-то нам с ней последние шаги не везет.

Шагаю к расступающемуся переходу, но Сатс снова хватает меня за рукав. Я готова услышать, как трещит и падает дерево позади нас, или жалобу на голод — Крин вечно ворчала, что я ее не кормлю.

Но она шепчет доверительно:

— О вас говорили хорошее... и разное. Я верю, что они заждались бы, пока... но все же... почему... почему не стало вашего Мастера?

Смотрю на нее: глазки распахнула, ротик раскрылся... Боится и мямлит. Недавно ничего не боялась. Меня чуть не утопила, несла какую-то ерунду.

— Плохо слушалась. И болтала много.

Мы входим. Мне кажется, что нас провожает шум падающего дерева. Звук такой... будто лопаются много-много лиан и сыпется уйма сухих листьев. Но, сделав от осколка несколько шагов, на одной из развилок я вдруг улавливаю новый пронзительный тон и говорю себе, что тот шум на самом деле — треск космического ветра. И еще сейчас молний больше. Они трещат и падают с подозрительной, удвоенной частотой.

Смотрю вниз и вижу на дальнем от Малой круге два неясных пятна, две размазанные кляксы, как чернильный след от разлохмаченных кистей. Двигутся черные в окружении синих и красных молний, которые слетелись голодными тварями на добычу...

Вот, оказывается, как мы выглядим со стороны! Никогда не видела.

Дзинь... нь...

Там же, внизу, трепещет неясная мелодия. Как приглашение. От нас ее трудно было бы

услышать, но я свои уши знаю. А вот для той пары громче. Они сейчас повернут, как раз перед ними хорошая развилка.

Черные лохматые тени скользят прямо и вниз, прочь от нас. Странно, они должны были услышать — там же мимо не пройдешь.

И снова — Дзин-нь.

Далековато, да и мы устали. Хотя работа там явно есть, но какая? И по этой ли неопытной окажется?

Если что, брошу все, и кто там... таракан, крыса... Сама убью. Скажу, что это умница Сатс его исправила. Что-то подсказывает мне, что она не будет бороться за честность. Знаю, так нельзя и мне не дано право убивать. Может, и возможность не дана. Но есть же на осколках те, кто убивают искаженных голыми руками или самодельным оружием.

Вот и я бы так смогла.

Этот осколок в трех шагах от нас. Звенит и поет.

Да, наверное, мир сам зовет. Раньше я не слышала такой настойчивости. Однако теперь со мной та, кого раньше не было.

Так, может, это ее мир и зовет? Может, ее и ждали?

Дурное предположение. Нет, это что-то другое. Может, не ее зовет, а кого-то из пары, промелькнувшей под нами.

Или мне вовсе мерещится? Все мы хотим слышать, как мир зовет нас туда, где мы ему нужны. Разве же можно считать ошибкой, что мы слышим его зов тогда, когда зова нет?

Но здесь нет иллюзий.

Дз-з...

Ну хорошо!

Мы вываливаемся на осколок — и с размаху плюхаемся снова в воду. Сатс оглушительно визжит и мгновенно прогоняет тонкий звон, который меня сюда привел. Я хочу крикнуть на нее, но не до того. Под ногами нет дна, и я барахтаюсь.

По счастью, берег рядом.

Что ж, выходить нам лучше с другого угла, иначе вода попадет в переход. В этот, пока мы влетали, натекло уже; хорошо, что немного — нас же быстро выкидывает.

Бестолково устроено: мелкое живое ветром сдувает, а от воды полдороги провиснет, хоть ложись там, а все не удержишься...

Сатс быстро учится и уже не нуждается в помощи. Она гребет к берегу, шумно отплевываясь.

Когда под ноги подныривает дно, я встаю и усмехаюсь:

— Ты просила попить и умыться.

— Ты издеваешься, — она снова сползает на «ты», учтивость враз исчезает. Что ж, это искренняя манера.

Над нами светит яркая Большая. Небо здесь кажется удивительно высоким.

Легкий ветерок касается моих ушей множеством голосов — значит, здесь есть люди. Можно было бы с ними поговорить, но я не помню, бывали ли мы на этом осколке уже или нет. Это Крин, хоть и спрашивала сама все время, вела учет. Она всегда лучше меня понимала, где есть смысл общаться с местными, а где лучше не показываться.

Сатс уже выцарапалась на берег. Стоя по колено в воде, я смотрю, как теперь ей там неудобно. Она пытается вылезти из прилипающей одежды.

Ползет странный запах. Я хотела бы думать, что это от нас тем прошлым болотом

пахнет. Но это другой запах. Если бы я чуюла не ушами, а носом, то сказала бы — вот так воняют неприятности.

— Штаны совсем прилипли. Какая гадость! Как их теперь...

— Тихо, Сатс! Тихо... Я слышу полонку.

Здесь внешнее «дзин-нь» сильно растянуто. Оно идет фоном к ветру, к плеску воды, текущей по самому краю осколка. Оно тянется, размазанное — подложка...

Оно в воде. Значит, не таракан.

Наклоняюсь, трогаю прозрачную рябь, и она ловко очерчивает мои пальцы.

Вода полна искажением, но это и не крыса. Они так не заполняют собой пространство, у них все сжато.

Выпрямляюсь и с досадой бросаю:

— С чем я там у тебя не справилась? Уникальное чудовище тебе не привела? Ну, вот кое-кто здесь водится. Подойдет тебе невиданное? А, мастер... Са-ц!

У нее так загораются глаза, что затмевают свет Большой над нашими головами. А мне тут же хочется уйти. Поискать простенького таракана или, еще лучше, поймать нормальную крысу перед самым переходом, чтобы она еще не успела никуда шмыгнуть. Потом отчитаться — вот мол, предупредили, предотвратили... Зачтите ей за минимальные, а меня выведите, хватит.

— Подойдет! — выдыхает Сатс восторженно и забывает про свои штаны. — А кто это?

Шаг задумчивый

Когда-то я верила только в силу: в свою, в силу Старших на Первом, в силу моего Мастера.

Сейчас я вижу, что без знаний даже суммарная сила неважна.

Знаний у меня нет. У меня сейчас вообще ничего нет, кроме полупустой сумки и хныкающего молодого Мастера.

Мы сидим на этом осколке один поворот. Мы не только не сделали работы, но даже не приступили к ней. И все потому, что я не знаю, с чем мы имеем дело. Может, не так уж и неправа Сатс, обвинявшая меня в глупости и, сдаётся мне, с этой мыслью не распрощавшаяся. «В недеянии — мудрость», говорила я тогда. Сейчас недеяние из-за незнания, а значит, нет никакой мудрости.

Это не крыса. И не таракан. И даже не что-то, мутировавшее из растительного, хотя я подумала было, что это — какой-нибудь гриб или мох. Зацепился когда-то за подошвы одного из наших, упал и пророс где-нибудь здесь. Но нет. Отравлено, но эта отравка не растительная. Растения — это жизнь, даже когда яд. А здесь что-то другое, мертвое. И я пытаюсь поймать, что же это такое, вот уже целый поворот.

Сатс ноет. Она устала и хочет есть. И ещё она не может спать — на земле жестко, без одеяла холодно. А потом опять ноет, и опять про еду, но уже громче.

Предлагаю ей попить воды из реки, но она отказывается. Предыдущие разы соглашалась, пила. А я внимательно смотрела — что с ней происходит? где, как и что на ней подсветится? в чем она изменится?

Ничего.

Давит. Это — звук, который мы слышали снаружи. Он сохранялся первое время, но потом отступил, и сейчас я его почти не слышу, хотя осознаю его присутствие. Он остался где-то на плечах. И давит. Так гнетет дурное предчувствие неизбежных неприятностей. Словно ты попал в тесные объятия того, кто очень рад тебя видеть, но ты его терпеть не можешь, а впереди у вас ещё уйма времени вместе...

Сатс ноет. Заодно на повышенных тонах винит меня, что я о ней не то что плохо забочусь (об этом она ныла недавно), а уже не забочусь о ней совершенно.

Наверное, если я ещё полежу на этом берегу и посмотрю, как над нами ползет пирамида 206-го, она начнет орать, что я ее убить хочу. Заманила вот сюда, пусть и не на периферийный... кстати, а этот какой?

— Сатс, назови мне номер этого осколка.

— 5115-ый!

— Хм... Интересно, что этот двухсотенный здесь делает? Ему тут не место. Будет неприятно, если орбиты начнут меняться. Вроде поговаривали, что Малая уже не может держаться, слабеет... Как думаешь?

— Я думаю, что сама скоро на ногах не смогу держаться, если ты не добудешь какой-нибудь еды! Неужели ты ничего с собой не взяла? Не может быть, чтобы Ала отправила нас просто так.

— Не можешь стоять — сядь. Или ляг. Хватит пожирать глазами мою сумку, там для твоего рта ничего не найдется. Лучше посмотри наверх... правда странно. А вот тот... Это

249-ый, я его хорошо помню. Дважды заходили. Но все равно он потом закрылся.

— Давай хотя бы рыбы поймаем.

— В этой реке ее нет.

— Почему?

— Просто нет.

— Инэн!

— Не кричи, мастер Са-ц! — получается умоляюще, хотя надо повелительно; а ведь я даже цокнула на ее имени.

Переворачиваюсь на живот, чтобы показалось, будто это у меня голос дрогнул, когда я подвинулась. Ложусь и смотрю уже только на этот, 5115-ый. На саму его суть, его землю. Она влажная, черная, из нее много растений тянут свои стебли к небу. Земля тихая, неподвижная — как мне нравится. Я бы не отказалась вот так, в окружении тишины и неподвижности, провести как можно больше времени. И пусть бы меня несла чужая сила — например, такая же, какая запустила по своим кругам наши осколки. Им ведь самим ничего не приходится делать, чтобы летать вокруг Малой звезды.

Большая, объявившая новый день, греет мне спину. Ленивые речные волны вяло пытаются добраться до моих вытянутых ног. У них не получается, но их плеск приятен слуху.

Перед лицом качается колосок, вышедший из земли, — временное и ранимое из прочно расколотого. Растопырил свою метелочку, полон зернышек. Таких колосков на этом склоне с полсотни будет. Я посчитала, даже не приглядываясь. Давно умею многое на слух.

Смотрю на колосок, чуть прищурившись. Он подсвечивается мягким желтым. Очень приятное сияние, приятней, чем свет от Большой звезды, которым сейчас залит осколок. Ее свет весьма холодного оттенка.

Колосок съедобный. Не знаю, как местные его называют. На Первом его не выращивают: в теплицах давно уже другие культуры.

Я срываю его и, приподнявшись на локте, протягиваю Сатс:

— Держи. Вот наш обед. Или ужин. Мне все равно, за какую заботу о себе ты это считаешь.

Берет. Сопит. Слышу, как стебелек перекачивается у нее между указательным и большим пальцем.

— И что мне с этим делать? Жевать, что ли?

— Да. Сначала преобразить, потом съесть. Учили?

Ее длинные волосы шуршат по куртке — кивает. Но не торопится. Она крутит этот несчастный колосок в руках так напряженно и неуверенно, что мне уже не понять, кого из них больше жалко. Но если она не изменит колосок, то не изменится сама.

Такое преобразование — аварийный случай. Ничего хорошего, почти всегда лишь обманка, да еще и невкусно. Но позволяет не умереть до нормальной пищи. По собственному опыту скажу, что лучше улитку съесть, чем что-то преобразенное. Да и преобразается далеко не все. Меня когда-то учили искать подходящее. Мне казалось, что я все нашла быстро и удачно. Не знаю, смеялся ли тогда про себя мой Мастер, когда показывал, что и как преобразается из мною натасканного. Я сейчас не смеюсь. Я жду решения поставленной задачи.

Сатс отошла на несколько шагов. То ли боится опозориться под самым боком и хочет потом тихонько взять еще один колосок, то ли...

Хлопок! — и меня окатывает волной жара.

Значит, замахнулась не только, чтобы изменить, но и тепловую обработку попробовала задать сразу. Интересно будет посмотреть, что у нее...

— А есть еще?

Я поворачиваюсь к ней затылком и снова укладываюсь:

— Вокруг растет еще много. Сорви, не поленись.

На вершине нашего холма выстроились несколько узкоплечих пеньков. Торчат там, словно наблюдают. Еще несколько пеньков стоят слева, поодаль.

Кто-то все срубил, даже такие тонкие деревца. При этом не построил тут ни причальника, ни скамейки. Значит, срубил и унес. А на что? На стройку или ради тепла?

Трогаю рукой траву у лица, прислушиваясь — что она мне скажет о своей цикличной судьбе?.. Нет, не бывает на этом осколке суровых зим, чтобы ей отмирать и возрождаться по весне. Не очень сильно они тут мерзнут, выходит. Но деревья же срубили.

Высунуться, что ли, за холм, посмотреть пенькам через плечи, что и кто там есть?

Интересно, кстати, а в изоляцию — это куда?..

И тут бухает так, что меня аж на бок переворачивает. В лицо бросается новая волна жара и дыма, едва глаза успеваю прикрыть.

Быстро стихает. Когда дым рассеивается, на склоне нашего холма вижу милейшую картину: сидит это чудо, из волос торчит сено, щеки перемазаны черным, а в хрустальных глазах застыл вопрос «Как же так? Ну как же так?!» Ноги ее вытянуты и широко раскинуты. Между ними дымится подозрительная кучка чего-то, похожего на комок глины, если бы кто-то додумался смешать ее с пучком травы.

На боку мне лежать тоже хорошо.

Подпираю голову рукой и внимательно наблюдаю за Сатс. Ох, не завидую я ей сейчас! Дело даже не в том, что я могла бы ее высмеять уже тем, что просто улыбнулась бы. Я не улыбаюсь.

Молчу. Когда самоуверенность разбивается, она это делает с таким грохотом, что сторонние голоса не слышны. Она переорет сама себя: разбитая — целую.

— Что ты мне дала? — верещит моя молодежь. — Если была бы пшеница, я получила бы хорошую булку. Температуру я повысила.

Она с преувеличенно деловым видом принимается вытаскивать из волос траву, попавшую в ее повышенную температуру.

— А это я даже не знаю, что за растение. Что тут преобразовать? Ты нарочно подсунула какую-то гадость!

— Это овес, — говорю я спокойно.

Сатс кашляет застрявшими в горле запланированными возмущениями и выдает сбивчиво:

— Овес? Вот это — овес? Но... я знаю, я помню, что мы... учили... да, овес... Но я не знаю...

Она с силой дергает себя за волосы, и еще раз, и еще. Вдруг падает на бок.

— Я не знаю! Я не знаю ничего про этот овес! Почему они говорили, что я лучшая, если я ничего не знаю?

Хороший вопрос, не ожидала от нее такого столь быстро. Девочка не перестает меня удивлять. Но, возможно, такие прыжки по крайностям — признак юности, а не ума.

Медленно встаю и подхожу к дымящейся куче. Поднимаю ее — твердую, горячую, с уныло торчащими в стороны стеблями травинок. Вид, конечно... крыса гадит красивее. Но

если принюхаться... Да, девочка замахнулась на хлеб, хотя достаточно было просто увеличить в размере, потом черпнуть воды из реки — и вот сюда уже повесить температуру. Перебились бы подобием каши.

Отламываю хрустящий кусок со стороны, где черным пачкается поменьше.

Сатс дергается, всхлипывает несколько раз и таращится на меня снизу вверх сквозь растопыренные пальцы. В глазах ее — ужас, смешанный с восторгом: я что? я это собираюсь класть в рот?!

Кладу и жую.

Кажется, с этим чудом случится обморок. Лицо ее под ладонями зеленеет, раздается низкий короткий звук. И прежде чем желудок ее начнет высказывать свое презрительное мнение, я говорю:

— Рот закрой и носом дыши.

— Ты... ты... это...

— Ничего страшного, хотя дрянь, конечно, редкостная. Это надо было постараться.

— Я... я старалась.

— Верю.

Откусываю еще кусочек: сырая и липкая масса, с горелой в уголь коркой. Вместо соли на зубах хрустит песок.

У меня есть много вариантов из того, что я могу ей сейчас сказать. Но, выбирая, вовсе не обязательно идти на поводу у слабости. Вот я и не иду. Жую молча.

Наверное, Сатс мне благодарна за молчание и даже, в ее глазах, героический поступок. Она садится, подтягивает ноги. И уткнувшись грязным лбом в колени, бубнит:

— Я совсем глупая, да?

Потом, не дожидаясь ответа, говорит громче и злее:

— Никогда и никто не давал мне понять, что я не умная и не сильная. И ничто не позволяло даже усомниться, понимаешь?

Киваю, но она на меня не смотрит.

— У кого? У кого так получилось сделать, что, оказывается, я ничего не знаю?

«Про себя никогда ничего не знаешь наверняка», — думаю я, а вслух спрашиваю:

— На пшенице учились и только?

— Да, — буркает она тихо.

Я прислушиваюсь к осколку:

— Странно, что здесь нет пшеницы. И рыбы в реке нет. Деревья вырубил, унесли...

Протягиваю «хлеб» его создательнице и внимательно смотрю на пеньки.

— Если совсем худо, съешь немного. Не отравишься. Траву только выплевывай... Мы сегодня пройдемся, посмотрим, что тут вообще творится. Может, нащупаю я это таинственное чудовище. С местными придется поговорить. Искаженное обычно агрессивно — значит, наверняка были жертвы. Но это потом...

Слышу, как она сплывает и принюхивается к своей выпечке. Но, видать, заражается от меня тем, что сама посчитала смелостью. Зажмурившись, кусает.

— Хорошо бы еще, чтобы кто-нибудь из наших сюда раньше заходил, а местные бы это помнили. Тогда разговаривать с ними будет удобнее.

— Мым-му? — отзывается Сатс с набитым ртом, и я улавливаю благодарность за то, что я не привлекаю внимания к ее трапезе.

— Если местные о нас помнят, то ведут себя спокойно. Знают, что нам лучше не

мешать. Если они о нас забыли или надумали что-то свое, то могут падать перед нами на колени в благоговении. Но это значит, что их выдумки сильнее знаний и памяти, а это уже признак неразумности. Ну а если мы для них в новинку, то им со стороны сложно понять, что мы делаем, и тут реакция непредсказуемая.

— Да, я слышала, что однажды пару убили вместе с тараканом. Решили, будто наши с чудовищем заодно.

— Всегда можно уйти. Выставить защиту, не подпустить, потом рвануть — и уйти. Так что «убили» — это всего лишь слух.

— Но я его знаю, — упрямо шепчет Сатс, пытаясь показать мне, что хоть что-то в ее голове есть.

— Я тоже знаю этот слух. Он появился недавно. Но кто-нибудь знает номер того осколка, где наших якобы взяли и убили?

Сатс молча смотрит на меня, ждет ответа.

— Понятно, что слух не рождается просто так. Он зачем-то нужен. Скорее всего, его пустили, чтобы мы были осторожны, не отвлекались от работы, но смотрели по сторонам... Так вот нам с тобой надо именно по сторонам. Вставай, прогуляемся.

— Неужели отсюда не услышишь?

Вздыхаю... Ну почему, когда у человека что-то отбирают, как у Сатс часть ее самоуверенности, на этом месте вырастет все равно что-то подобное?

— Ты, мастер Са-ц, все время ждешь от кого-то, что он будет тебе помогать. Это объяснимо: ты молода и наивна, имела дело только со своими. Но опыт состоит не только в осколках и чудовищах. Тебе предстоит избавиться от мысли, будто мир должен тебе содействовать. Он не будет. Зато подножку... Я не знаю, по какому принципу он выбирает свое вмешательство, однако помощи не жди, а к преградам будь готова.

— Ты говорила, он звал нас. Другая пара не услышала, но...

— Но вместе с тем он теперь мешает мне слышать нарушение. Он почти ничего не дает о себе узнать. Здесь стоит странный шум, какой-то гвалт... — я потираю ноющие виски. — Мне удалось его отодвинуть, но все равно ничего определенного не пробивается. Из-за своего неведения я понимаю, что случиться может что угодно, и тебе не следует думать иначе. Будь настороже.

— Мне говорили на одном уроке: «Если сама чего-то не знаешь, лучше спроси».

— А мы пойдем и послушаем пока без расспросов...

Сначала мы идем вверх по течению вдоль берега, оставляя холм с пеньками позади и справа. Сатс хотела ломануться сразу прочь от реки, но я ее удержала. Не знаю почему.

Идем долго. Постепенно исчезает трава, берег становится отвесным, потом переходит в обрыв, выложенный круглыми камнями. Оказывается, наша приграничная речка — это выкопанный канал для отведения воды.

Мы берем левее от воды и поднимаемся на следующий холм. За ним открывается живописнейший вид! Из-под наших ног убегает вниз зеленое полотно, согретое и живое. Спускаясь, этот длинный холм сужается, как нос у проворной рыбы, и разрезает воды местной реки на две части. Наш канал течет слева, справа раскинулась лента основного русла. Через него от небольшого мыска у подножья остроносого холма на другой берег идет выгнутый мостик.

Ниже по течению реки залитая ярким светом равнина противоположного берега застроена так, что не увидишь даже клочка зеленой травы. Огромное сплошное пятно

деревянных, каменных, глиняных домов с крышами самых разных форм. У кого-то крыша как соломенная шляпа — широкая и круглая; такие домики в основном низенькие, сдавленные небом, в один этаж, и все жмутся к реке. Напротив них прибрежные воды утыканы длинными пристанями, но ни одной лодки нигде не видно. Там много людей, они двигаются размеренно, никуда не спешат. Поодиночке заходят на узкие пристани, забрасывают ведра на веревках как можно дальше к центру потока, потом вытаскивают их, тяжелые, и медленно, переваливаясь, идут к берегу, чтобы скрыться со своей добычей за рядом простеньких глиняных домов.

За чертой домов с соломенными крышами жилища выглядят покрепче. Они построены плотнее друг к другу — их плоские крыши теснятся. Пожалуй, по ним можно пробежаться, перепрыгивая. Надолго бы меня не хватило, а вот Сатс, интересно, думает сейчас о том же?

— А в центре что за башня?

— Если ты оттуда начала, значит, там главное место, — говорю я и отворачиваюсь к реке выше по течению.

Сейчас меня не очень волнует город. Он довольно тих, что странно. Обычно селения на осколках кричат на все голоса — и людские, и звериные. Или вовсе в них шумит только пыль. А с этого холма звук, который на меня давит, стал еще громче, но он исходит не от города с каменной башней в три этажа.

Орут и галдят выше по течению — от мостика левее, где река полноводная и еще нет отводящего канала. Там изгибается небольшая заводь. На ее берегу натканы ограждения, заборчики, много мелких навесов на шестах. Ветер треплет их полотнища, будто примеряясь — если дунуть чуть сильнее, сорвутся или удержатся?

В заводи бурлит суэта, и шумно так, будто собрались все рты и глотки этого осколка. Люди торопятся, словно и они сами опаздывают, и их кто-то подгоняет. Они бегают к воде и обратно на плоский холм по вкопанным в землю деревянным ступеням; снуют туда-сюда, кричат и толкаются друг с другом. На холме все загромождено телегами и тележками.

И у всех в руках опять ведра.

— Инэн, а что они делают?

Она задает этот вопрос тихо, но лучше бы промолчала. Потому что я не имею ни малейшего представления, зачем большая часть населения (а это я могу прикинуть, хотя орут они у меня в ушах, словно бы сюда набежали все) очень воодушевленно добывает... воду.

Пожар? Нет, не слышно.

Мое внимание привлекает большой серый камень, лежащий в заводи. Еще несколько вдохов ожидания и наблюдения — и я понимаю, что он-то и есть средоточие суеты. К нему с берега проложено несколько узких мостков, и возле каждого на берегу вьется очередь. За очередью строго следят: десяток человек с набитыми сумками и еще три десятка людей с дубинками и копьями стоят у кромки воды. К камню подпускают не всех, а только тех, кому разрешают подходить люди с сумками. Некоторые норовят проскочить и опустить свое ведро в воду, но их тут же выгоняют дубинками.

Воду черпают возле этого камня.

— Я, между прочим, тебе вопрос задала, — фыркает моя молодежь.

— Я пока не знаю на него ответа.

— Пойдем уже спросим. Вон сколько местных!

— Нет, мы никуда не пойдем.

— А, ну конечно, — фыркает еще раз, совсем как запылившаяся кошка, — я позабыла,

«В недеянии — мудрость». А в неведении, значит...

— В нашем случае за знанием пока нет необходимости куда-то бежать.

Показательно сажусь на траву и протягиваю руку к реке:

— Посмотри на воду. Видишь что-нибудь?

— Указываешь мне? — удивляется Сатс. — Мне надо преобразить воду?

— Нет же... просто посмотри. Садись рядом и глянь сама, у тебя же тоже есть глаза.

Она сначала топчется, приминая траву, потом нехотя опускается возле меня. Теперь надо посидеть молча. Пусть проникнется, хоть немножко. Если в ней есть то, что я подозреваю, она сумеет нащупать...

Дожидаюсь момента, когда с первым же моим словом она не будет спорить, и говорю:

— Вода здесь мутная, видишь? Она белесая, в заводи дна не видно даже у берегов. Ниже по течению все не так густо, но тоже — муть плывет по центру потока. Туда забрасывают ведра с тех длинных пристаней. В канале, куда мы вошли, — указываю налево себе за спину, — вода прозрачная, мути почти нет, сносит буквально крупички. И совсем чистая вода выше, до заводи.

Сатс поначалу сосредоточенно дышит, и я чувствую, как она старается отыскать что-то такое, чего я не сказала. Ведь она думает, что я перечислила все, что вижу, и поэтому если она добавит что-то еще, получится так, словно я этого не увидела, а вот она не упустила.

— Мутнее всего возле того камня! — с радостью открывает мне она великую тайну.

— Да, молодец, что заметила.

Она готова сама себя по голове погладить — так светится гордостью!

От реки дует порыв легкого ветерка. Запах горьковатый, неприятный, что-то путается в нем, и оно заставляет меня заговорить:

— Я думаю, случилось вот что... Какая-то... ну, если не крыса, то мышь... пролезла сюда, но исказилась и очень увеличилась. Крупные искаженные долго не протягивают, им надо есть много. Да и эти местные не выглядят беззащитными. Или оно само издохло, или они его убили. В любом случае оно под этим камнем, мертвое. Поэтому я не слышу здесь чудовища. Но оно разлагается и отравляет реку. Местные не в силах добраться до тела, да и что бы они сделали... Не знаю... но они вычерпывают яд из реки почти всем населением, дружно. И канал тот выкопали, чтобы хоть немного чистой воды оставалось — муть-то к тому берегу жмет... Правда, все здесь так или иначе отравлено — и именно этот яд я слышу четче всего, именно он мне мешает настроиться. И местные галдят не только голосами... в них тоже звучит эта отравка.

Сатс долго молчит, а потом вдруг выдает:

— Раз оно мертвое, то нам незачем тут оставаться. Надо идти дальше, искать то, что можно исправить. Хотя... ты ведь говоришь, что оно мертвое, но не веришь.

Я готова ойкнуть от удивления — ничего себе чутье на суть вещей! И ведь каждый раз, когда она резко выдает что-то, попадающее точно в цель, мне кажется, что на большее она не будет способна.

Успокаиваюсь, а голосу придаю безразличие:

— Местные выглядят довольно разумными, город у них построен качественно, телеги, охрана — все систематизировано. Значит, должны были додуматься до лучшего способа очистки воды, чем просто вычерпывать муть. Еще они ее куда-то отвозят... Видишь телеги?

— Да. И еще я видела, что они там не все время стоят. Часть груженных уехала за холм. Приехало две пустых. Отсюда мы не увидим места, куда уезжают телеги. Надо на тот берег

идти.

— Тебя слишком откровенно тянет в город.

— Есть хочется, — тихо сознается Сатс. — Я так не привыкла. Уже понимаю, что голод — это мучительно. Не нужно давать мне понять, насколько мучительно, если мы не едим только ради моего понимания.

— Нет. Мы не пойдем к местным до той поры, пока вместе не поймем то, что поймем, наблюдая отсюда. Едва мы к ним спустимся, наш взгляд сразу поменяется, и мы поймем уже что-то другое.

— Если надо будет оказаться повыше, заберемся в центральную башню.

— Я не о высоте... — и чтобы она не спросила меня, о каком взгляде я говорю, продолжаю: — Ну, допустим, они вычерпывают воду, отравленную мертвым искаженным. Потом они ее переливают в бочки и куда-то отвозят. Возможно, выпаривают... Верю, умеют. У них не один вид домов, значит, умеют немало.

— Но тебе что-то очень сильно мешает принять это «допустим», — ворчит Сатс, и одновременно у нее урчит в животе.

Я поворачиваюсь к ней. Она тут же краснеет, но непонятно — от смущения или от гнева на меня. Не отвожу взгляда и смотрю на то, как ветерок колышет ее длинные серые волосы. Кажется, будто кто-то зачерпнул горсть пепла и сейчас дует на нее, но чуть сильнее будет порыв — и разлетится серая пыль по местному воздуху...

Что, если эта девочка и есть — та самая сильная, которую мир ждет? которая может сделать его обратно целым? В ней сейчас откровенно пробивает себе дорогу невозможное для Мастера умение смотреть в основание. А где оно скрывалось раньше? Вернее, говорят, что Мастер так может смотреть перед своей смертью. Крин спрашивала меня именно перед гибелью о том, о чем никогда не говорила прежде. Но Сатс ничего не угрожает, ее смерти не видно и причин для нее нет.

— Нет, я думаю неправильно... — вздыхаю я и отворачиваюсь обратно к реке и к заводи. — Если бы местные выпаривали эту воду, в воздухе было бы больше яда.

В заводи кое-что изменилось. Часть людей из одной длинной очереди бросили свое ожидание и спустились к воде, но никто не черпает из реки. Их лиц, обращенных в сторону нашего холма, я не вижу, но удивление, любопытство и даже страх чувствую на расстоянии. Сквозь постоянный шум, глубоко вдохнув, настраиваюсь на самого крикливого из них и ловлю отрывистое:

— ...сидят, а чего... на берег кто ходит... не вернутся... излечился, так сам бы... стал сидеть...

Несколько людей с копьями его внимательно слушают.

Мне не надо дожидаться, прежде чем они сделают хоть один шаг к выгнутому мостику.

— Сатс, поднимайся, — велю я и тяну ее за рукав. — Нас заметили.

— Но мы могли бы...

— Не сейчас. Если не можешь запомнить, что у меня сильное чутье, то вспомни правило, по которому Мастер должен строго повиноваться своему Основателю. Поэтому — встала и быстро вниз!

Мы спускаемся с холма обратно и возвращаемся к обрывистому каналу. Сатс первым делом бросается туда, где мы провели предыдущий поворот. Оно и понятно — к углу, к выходу, хотя он и с водой, но это она по неопытности. Я иду за ней, но замедляюсь раньше, чем сама это понимаю. Мне путает ноги и задерживает шаг дурной вопрос — почему

местные считают, что берег искусственного канала для тех, кто не возвращается?

И я останавливаюсь. А потом говорю своему Мастеру в спину:

— Не спеши. Мы остаемся.

— Зачем это еще? — удивляется Сатс.

— Ты вроде есть хотела... Не помешает подкрепиться.

Сатс прищуривается, точь-в-точь как Основатель, смотрящий на слабые места:

— А если не врать?

Вздыхаю:

— Ничего не поделаешь, нельзя уходить. Даже если думается, что чудовище мертво, искажение, отравившее осколок, надо распознать.

Сатс с нескрываемой грустью смотрит на угол осколка, а потом с нескрываемым раздражением — на меня. Молодость — это всегда очень много напоказ, но странно, что одной из лучших на Первом не привили воспитания, умеющего все скрывать.

— Нам надо спуститься по каналу. Думаю, на реке не главный город, а поселок для тех, кто пытается воду очистить. Прочие жители должны обитать там, где вода совсем хорошая.

— А по карте мы не можем сориентироваться?

— Мастер Са-ц! — говорю я строго. — Если ты не помнишь карту этого 5115-го наизусть, то подумай головой. Своей. Сама. И поищи ответ на вопрос: почему мы не знаем, куда точно ведет рукотворный канал, выкопанный, чтобы отвести воду от мертвого искаженного?

Молчит.

— Ответ очевиден: никто из наших этим искаженным не занимался, потому что сюда не заходил, а стало быть, в голограммы на Первый новую карту не передал!

— Не кричи, пожалуйста, — она краснеет и прячет глаза.

Потом первая разворачивается и плетется с видом самой обиженной оскорбленности по зеленой траве вдоль канала. Остается только вздохнуть ей в спину — ну не пробить мне ее на соблюдение главного правила. Ну не Основатель должен ходить за своим Мастером!

Идем мы молча. Путь наш оказывается более долгим, чем нам думалось в его начале. Не знаю как Сатс, но я себе представляла, что уже через два прибрежных холма нам откроется вид на большой город с каменными домами и мощеными улицами. Местные, судя по их виду, находятся на неплохо организованном уровне. Однако представления мои не подтверждаются ни через два холма, ни через три. Нам не попадаются никакие строения, поселения или хотя бы заброшенная ферма, пусть даже от нее остался бы только забор.

Я уже давно бросила считать, на какой холм мы взбираемся. Мы идем — а вокруг все одно и то же. По-прежнему несет свои прозрачные воды канал справа, по-прежнему слева от нас раскинулись зеленые холмы, теряющиеся в далекой голубоватой дымке, где-то вдалеке между ними ползет мутная река.

Всех перемен — Большая звезда сползла к краю осколка позади нас, а Малая показалась холодной точкой над лугами, на полсотни вдохов высунулась и скрылась, но ее черед занимать небо еще наступит.

Всех событий — один раз Сатс наклонилась и сорвала колосок:

— Опять овес.

А правда, почему такие прекрасные луга, сочные, светлые, никто не превратил в засеянные поля? Или в пастбище для животных, дающих молоко? Зерно и молоко — самое лучшее для тех, кто еще не живет в пещерах. Это пища, требующая ума, труда и опытных рук.

Здесь много людей, но осколок заселен неравномерно — это я слышу, хотя очень галдят, с трудом удалось приглушить. Труд людей мы видели на реке — он организован. Их ум, думаю, оценим, когда доберемся до города. Но чем дальше вниз по течению канала мы уходим, чем ниже за нашими спинами опускается Большая, тем меньше остается во мне уверенности, что впереди нас ждет большой город, который, я считала, должен быть возле чистой воды.

Мы ступаем по своим вытянутым теням. Местность дичает. Из травы полностью исчез овес. Это обнаружила Сатс, когда ее в очередной раз скрутило от голода и она согласилась повторить свои опыты с овсом, но уже сделать нормальную кашу. Земля становится мягче, в низинах она при наших шагах коварно, хоть и малоощутимо, идет ленивой волной.

Канал совсем расползся. У края осколка его вода плещется по прозрачной грани. Земляной берег разжижается, попадают лужи, которые приходится обходить.

Вскоре мы понимаем, что начали петлять. И совсем становится ясно, что не видать нам города, когда мы идем друг за другом, след в след, потому что парой идти уже не хватает места между лужами, поблескивающими в сумерках черными кляксами.

А потом Сатс провалилась.

Неглубоко, только ботинок притопила в жидкой земле. Но испугалась, протянула ко мне руки. Когда справилась сама и выдернула ногу, перестала испуганно тарашиться на меня, а уставилась на дыру в траве.

В дыре чернеет вода.

— Опять болото, — кривится Сатс.

Наверное, она будет не любить болота так же, как я не люблю улиток.

Осматриваюсь, чтобы выбрать новую дорогу. Возвращаться по своим следам не хочу. И уже совсем точно не хочу говорить Сатс, что по сравнению с началом канала здесь отравы в воде, пропитавшей землю, еще больше. Не намного, но я улавливаю разницу.

И еще чувствую, что мне здесь плохо, хуже, чем когда я смотрела на ядовитую реку. Там было отравленное, а здесь много неживого. Да — трава зеленая, прошлепала лягушка, Сатс успела поймать у себя над ботинком пиявку... Но... странно, я не могу уловить ничего, кроме того, что эти живые словно мертвы.

Поняв, я пытаюсь выбросить эти глупые слова — они дурнее любого неведения. Но у меня не хватает сил прогнать чувство, которое сильнее слов.

Опускаюсь на колени. Холодная вода пропитывает мои штаны. Вода отвратительная, я это сразу понимаю, но мне приходится наклониться и опустить руку в ямку, оставшуюся от ботинка моего Мастера.

В воде нет жизни.

Я вынимаю руку, стряхиваю с указательного пальца нахального клопа. Мне нечего сказать Сатс, которая смотрит на меня, не пряча ожидания.

Она не будет скрывать очередное недовольство мной. А зачем мне оно от нее, если я сама собой недовольна?

Когда поднимаю голову, то вижу, как идущая на закат Большая трогает вдалеке от нас густые заросли, выделяет их, подкрашивает желтоватыми бликами. Среди полотнища зелени и черноты лежит на верхушках отблеск, спасительный свет для заблудившегося.

— Прогуляемся туда, — я указываю Сатс на разливающуюся желтизну впереди. — Это, конечно, не город. Его тут, похоже, не будет, раз кругом болото. Но там живут, я это слышу.

— Придется мне доверять тому, что ты слышишь, нежели слушать то, что ты

думаешь, — ворчит она в ответ.

Опускаю взгляд. Нет, видать, никогда не договориться нам с этой девочкой, хотя она чем-то настойчиво располагает к себе. Знать бы точно, что во мне отвечает за это расположение, выкорчевала бы и выбросила на съедение вечно голодным и суетливым ветрам в ближайшем переходе. Всем было бы хорошо: им сытнее, мне проще.

— Прогуляемся, — тихо говорю я и поднимаюсь. — Паука с макушки сними, рот закрой. Залетит еще кто-нибудь... И иди за мной след в след.

Та-ак, надо будет запомнить про паука: это оказался действенный способ напугать до белизны мою молодежь. А вот самой думать о том, что тут болото, а комаров нет, не надо. Могу напугаться не меньше.

Шагов за сто до зарослей мы останавливаемся обе, не стовариваясь. Высокие плотные кусты стоят стеной, как стражи, которые настолько добрые, что попросят доказать, что ты имеешь право пройти, а не станут убивать тебя сразу, как приблизишься. Но доброта эта прежде всего для тех, кого охраняют стражи, а это не про нас.

— Жуткое место, — шепчет Сатс, и плечи ее поднимаются.

— Ты про какое? Которое осталось позади, лежит перед нами или вокруг?

— Ты ведь давно почувствовала, что тут что-то не так, — сутулится она, — еще когда мне про деревья говорила и на пеньки указывала.

— Не слишком ли ты внимательно смотришь, Мастер?

Мы бы перебросились еще несколькими фразами и все-таки пошли бы к кустам, но вдруг сбоку из прохода в зарослях выходит женщина. Длинное платье, спутанные волосы, связанные лохматым узлом на макушке, в руках — корзина с большими дырами между прутьев, то ли так задумано, то ли от нехватки гибких веток.

Она увидела нас не сразу, а как увидела — застыла, словно ее в камень обратили.

Вслед за ней из прохода выкатывается нечто. Я не сразу признаю, что это человек. Ростом он женщине по пояс, в сером балахоне, похожем на мешок, у которого вырезыв-то всего два: для крупной головы и для семенящих кривых ступней. Он тарашится на нас, распахнув столь большой рот, будто его разорвали при появлении на свет.

Сатс тихо и коротко пищит. Я вижу краем глаза, как у нее подгибаются ноги.

Человечек в мешке очухивается первым из всех нас.

— Хо-тя-си! Ты ила у хо-тя-си! — верещит он и принимается возиться в своем мешке, будто что-то ищет в нем и не может нащупать.

— Что он лопочет? — шепчет осевшая на траву Сатс.

— Не знаю. Но если... сложно... это не искаженная речь, но это не...

— Ты ила у хо-тя-си! — надывается человечек, и я слышу в его голосе неподдельный восторг.

— Перевести сможешь?

— «Ты говорила...» Нет, дальше не понимаю. На некоторых осколках люди уже не владеют Общей Речью. Или вообще разговаривают на своей, и их уже не понимаем мы.

Женщина отбрасывает корзину и с размаха бухается на землю лицом вниз, лишь колени успела согнуть и потому не угодила прямо в одну из черных луж. Голова ее мечется, узел на затылке прыгает от уха до уха. Женщина воет в землю, затем, приподнявшись, тянет к нам грязные руки, будто присыпанные пеплом, и воет на одном тоне что-то, в чем не распознать слов.

Человечек в ответ на ее завывание начинает прыгать еще радостнее:

— Хо-тя-си!

— Они нас явно узнали, — тихо говорит ошалевшая Сатс, закрывает глаза и на два шага отползает назад. — При этом падают на колени...

Благоразумно отодвинувшись за меня, она оттуда смотрит на этих людей более внимательно. Я стою неподвижно и не шевелюсь, даже когда женщина ползет на коленях к нам через черную лужу.

— У него нет рук... — сдавленно выдает Сатс, не отводя взгляда от человечка в мешковатом балахоне, и добавляет вдруг увереннее: — Но я смогу его исправить.

— Нет, не сможешь. Это не то искажение, с которым Мастер вроде тебя имеет дело. Он таким не стал. Он таким родился.

— А более опытный Мастер?

— Тоже нет. Это очень крепкое. Не изменить.

Сказав это, я прикрываю глаза. Смесь из жгучего отчаяния и липкой брезгливости не дает мне со спокойным лицом стоять перед покалеченным ребенком и валяющейся в болотной грязи женщине. Проще не смотреть — и я не смотрю.

Я не понимаю, что с ними и почему они тут живут. Если ты в страшном месте и можешь ходить — уходи, смени место. Но они живут здесь, в конце канала, забирающего из реки чистую воду.

— Точно здесь не город, — бросаю я и разворачиваюсь.

Едва не наступаю на Сатс, сидящую на корточках у моих ног.

— Пойдем отсюда. Нам надо найти хотя бы один колос овса. Я, к твоему сведению, тоже голодна.

— Но, может быть, у них... — Сатс с тоской смотрит на коротышку, семенящего к зарослям. Наверное, он хочет еще кого-то позвать, чтобы те тоже упали перед «хо-тя-си».

— Ты будешь есть то же, что эти люди?

Мой Мастер тут же вскакивает и обгоняет меня.

Мы удаляемся, забирая через болото направо. Безнадежный вой странной женщины постепенно начинает звучать как назойливая, но далекая песня. Потом тягучая мелодия стихает.

В загустевающих сумерках звук растворяется, путаясь в холмах, словно бы он был обращен только к нам, но потерял нас. Если это был старый ритуал перед парой наших, то это или неправильный ритуал встречи, или наоборот, верный ритуал отпугивания. В любом случае, когда крик лохматой женщины увязает в болотной тишине, а обрывки восторга безрукого мальчика пропадают из воздуха, мне легче. Даже не так давит со стороны реки.

Под ногами становится суше и тверже. Я еще не вижу реку, но уже знаю, что мы недалеко.

Сатс часто оглядывается. Это понятно — я бы тоже не хотела оставлять за спиной непонятное и подозрительное, если бы была моложе и неопытнее. Но я уже привыкла, что развернуться и оставить что-то позади иногда бывает спасительным.

Надо восстановить силы. Надо поесть и уйти с этого осколка. Надо вернуться на Первый, отчитаться и попросить или совета, или другого Мастера...

Шаг сбивается.

Бестолковая я! Рассуждаю о работе так, словно ко мне не поменяли отношения. Я ведь уже почти изолированная! Кто будет меня слушать, едва я только заикнусь о... да и о чем я заикнусь? О том, что мне неясно, какую опасность для населенного осколка представляет

собой мертвое искаженное? Ну, разложится оно скоро. Ну, выкопают они еще несколько каналов для водоотведения. А таких безруких мальчиков или женщину, лишённую разумной речи, никто не исправит.

Рядом плетется мой пропуск обратно.

Наступившая темнота пугает ее, к тому же, похоже, девочка скверно ориентируется без света. Хотя это я наверняка не знаю — как учат Мастеров не на общих занятиях, мне в подробностях не известно. Сейчас она держится поближе ко мне. Несколько раз я замечала, что она прижимается к моему плечу своим, как велено делать в переходе и как необходимо вставать в опасности.

Наконец мы видим городок, находящийся на другом берегу. На длинных причалах, уходящих в реку от домиков с соломенными крышами, ярко горят факелы. По этим причалам люди, как и днем, неспешно ходят вперед и назад, вычерпывая воду, словно бы для них не имеет значения цвет неба, словно бы их работа не знает смены времен. Интересно, это те же люди или они трудятся посменно?.. Хотя нет, неинтересно.

Выше по течению, в заводи, наоборот, тихо и безлюдно. Цепочка столбов с факелами освещает тропу от города к холму заводи, на холме нет телег, но горит несколько костров. Я тянусь наскоро и улавливаю там с десятков местных, в основном спящих.

Мы устраиваемся на том же холме, где нас заметили днем. Сатс долго рыщет в траве, срывает и собирает в темноте все подряд, но кое-что даже по ее неопытному мнению совсем не походит на овес. А я указывать ей еще раз не буду.

Сажусь на траву и смотрю на другой берег.

Она приближается, протягивает мне букетик:

— Проверь, точно из этого преобразать?

Беру букетик, киваю молча. И незаметно выбрасываю несколько стеблей хвоща — как она его найти-то ухитрилась?

— Вот эти три колоска особенно хороши, — говорю я, отдавая обратно ее добычу. — Только сначала зерна из них вытащи, чтобы без травы больше...

Фыркает недовольно, но когда отворачивается, сбоку от нее падают на землю стебли.

Пока она будет возиться с подобием нашего ужина, у меня есть время посидеть и подумать. В первую очередь над тем, куда мне дальше идти, и связано ли это с тем, куда мне вести мою молодежь.

Она — мой пропуск, но она мне и груз. Если ей обещали легкость получения ее нового статуса «Самый молодой Мастер чего-то там», то мне тяжесть объяснять не надо. Уникальное чудовище есть, но его уже нет. Поэтому Сатс осколку уже не нужна.

Однако он сюда нас звал, я не глухая.

Он весь отравлен, ему явно нужна помощь. На нем срублены деревья, мертвы болота и много фонового шума. На нем ловят яд множеством упорных и трудолюбивых рук. На нем рождаются искаженными.

Если я попробую разобраться с этим осколком, мне это в заслугу не зачтется, потому что заслугу ждут только от Сатс. Если я брошу его как он есть и пойду искать для Сатс новое уникальное чудовище, то вне зависимости от того, найду я его еще раз или не найду, думать я всю оставшуюся жизнь буду только о том, что я опять бросила какой-то осколок и оставила на нем кого-то умирать.

Итого — там меня не простят, тут я себя не прощу...

Что же мне, пылью все развейся, делать-то?!

Никогда не бывала в положении, откуда не увидела бы выход. Всегда видела все — в том суть Основателей. Тут как бы тоже... Но в какую сторону?..

И тут я понимаю, что взгляд мой слишком долго топчется на хилом выгнутом мостике. Понимаю — и закрываю глаза.

Никуда от сути не денешься. Она сама все найдет и сама тебя за ручку подведет не хуже, чем я тут Сатс таскаю.

В этот же миг, когда я смирилась с тем, куда мне идти, чтобы выйти, сбоку пыхает огнем и жаром. Я едва не заваливаюсь на бок. Быстро перевожу взгляд — но не на Сатс, которая упрямо не хочет сделать простое подобие каши, а все мучается с хлебом, а на противоположный берег.

Люди на причалах, трудящиеся в ночи при свете факелов, не видели нас, пока мы сидели на этом холме в темноте. Но после вспышки от Сатс они все опустили свои ведра и собрались в концах причальчиков. Всмотриваются. Тянутся. Что-то кричат тем, кто стоит на берегу и тоже интересуется.

«Разметай меня сквозняк!» — как метко говорят те из наших, которые постарше. Только этого не хватало.

— Давай сюда, что у тебя там получилось, — говорю сердито. — Уходим, но с другого угла. От канала нельзя, вода, провиснем. Поэтому через реку, там свернем налево и уйдем к соседнему углу. Только надо проскочить быстро и тихо. Видишь — на нас уже пялятся.

— Тут темно. Они нас не могут разглядеть, — предсказуемо спорит она. — Я бы сначала поела, а потом можно и уйти, раз ты закончила смотреть и слушать.

— Не закончила. Я мало что понимаю с этим осколком, но это не значит, что тут нечего понимать. Помнится, ты называла это слабостью, но я скажу тебе, что думать, будто нет того, чего ты не видел или не знаешь, неправильно, ошибочно и очень опасно. Оно может само тебя найти.

Пока мы разговаривали, люди на причалах немного успокоились. Даже шумно отругали кого-то одного. Кажется, того, кто первым указал на нашу вспышку. Его прогнали с берега за линию глиняных домов — пинали и несколько раз ударили мокрыми, блестящими в свете факелов ведрами.

— Укуси своего хлеба, чтобы в животе не урчало, и давай его уже сюда, — говорю я строго и поднимаюсь на ноги. — Нам надо тихо пройти между этими причалами с факелами и теми кострами. Видишь на холме точки?

Сатс кивает. И быстро жует. Морщится — значит, опять у нее не получилось.

Люди на причалах все-таки бросили свою работу, собрались у первого причала, о чем-то спорят. Я не слышу их голосов, не особо надо, но тянусь и настраиваюсь просто ради спокойствия. Они нас не заметили, они обсуждают, что вспыхнуло на холме, но не говорят, что кого-то видели. Значит, не видели. Значит, и не увидят. Не хочу к ним, не нравится мне, как они звучат.

Мостик длинный и узкий, с пятью подпорками. Зайти на него мы зашли. Прокрались по скрипучим доскам... Когда достигаем края моста на другом берегу, я едва ставлю ногу на твердую землю — и в ушах как застучит, как застонет!

Не пускает.

— Сатс. Остановись.

— Что? Идем назад?

— Остановись.

— Не весь еще осколок обежали? — в ее голос возвращается высокомерие.

— Просто стой, где стоишь, и не двигайся.

Я возвращаюсь по мостику на несколько шагов. Мост низкий, воду можно потрогать рукой, если лечь на живот и дотянуться через редкие столбики перил.

Ложусь и опускаю руку.

Кончики пальцев погружаются в жуткий холод, и больно бьет сильное искажение, словно бы десяток крыс бросаются отгрызать мою руку наперегонки друг с другом.

Дергаюсь, перекатываюсь на спину. Рука сжимается в кулак и прячется на груди, будто возле сердца — самое безопасное место.

Больно. Очень больно.

Ничего, это пройдет, это скоро пройдет. Просто много хлебнула...

Пока я лежу, рассеивая боль осколка, пропущенную через себя, и выдыхаю эту боль в воздух, Сатс топчется на берегу.

Мне остается сообщить ей, что у нас есть с чем работать. Но как сильно я хочу, чтобы на ее месте сейчас оказался любой другой, лишь бы опытный Мастер!

Когда-то было установлено, что выжить в переходах могут только тараканы и крысы. Сейчас я точно не знаю, что за животное лежит в заводи, но понимаю, что оно прошло через сильнейшее искажение...

Боль моя развеялась. Встаю и иду по мосту. Уже пускает, уже могу с него сойти.

Прохожу мимо Сатс и говорю:

— Оно не мертвое под камнем. Идем.

Она плетется сзади и ворчит. К этому я привыкла. Только один раз велела ворчать тише.

Мы идем по берегу заводи у самой кромки почти неподвижной воды. Выше на холме расположились несколько сонных местных. Они нас не видят, но лучше не привлекать к себе их внимания.

А эта брюзжит с каждым шагом все громче!

— ...тоже не стальное. Меня не готовили к тому, что ты мне тут устраиваешь без остановки. Если ты немедленно не объяснишь, зачем мы сначала наворачивали круги и натыкались невесть знает на каких уродцев и сумасшедших, а теперь тебе вздумалось на мостах валяться и в судорогах биться, то я брошу все как есть и вернусь на Первый одна. Но тебе тогда любая дорога будет закрыта, а выбора...

Мы останавливаемся напротив большого камня; в ночи он кажется скалой, брошенной в воду, полную звезд.

— Здесь твое редкое чудовище, — шепотом говорю я. — Здесь. Живое.

— Что? Живое?!

В ушах снова хлещет, шумит, а я слишком устала, чтобы справиться, чтобы отодвинуть, заглушить.

— Сатс, соберись. Мне трудно в слова... Я не понимаю, что именно в нем изменилось... Вижу то, что есть сейчас. Это не камень. Оно выделяет много жидкости. Яд. Этого яда в один поворот оно выбрасывает в воду равно собственному весу. Само не большое, но очень плотное. Странно, как его сдавило, что оно?.. Нет, не знаю.

— Прислушайся лучше.

— Рот закрой! Я не слышу ничего в этом проклятом...

И тут пронзило, словно на небе, где правит Большая, показалась Малая, поддержала, родная, бросила лучик своего света.

— Это свинья! Это бывшая свинья!

— Что? Как свинья?

— А вот так. Ох, как же ее искорежило...

Круглый камень в заводи очень-очень медленно приподнимается, распуская вокруг себя ленивые круги. Потом шумно и длинно фыркает, пускает крупные пузыри и укладывается обратно, но уже на один мой шаг ближе к берегу.

Начинаю прикидывать вслух:

— Ее сначала разнесло, но переход сам сдавил... большая плотность, сжатие прошло выше допустимого раз в восемь... ничего, если расширить, быстро развеется лишнее, не удержится, само оторвется... Вот сюда-а... А здесь можно сразу заправить обратно... и по позвоночнику, если метку поставить, — спохватываюсь: — Ах ты ж! Какие тебе метки, ты же не...

— Я смогу!

Во мне сталкиваются желание сделать дело и сомнение, что оно сделается хорошо. Нехорошее сражение, не люблю такие.

Осматриваюсь и указываю ей на изгиб заводи:

— Ты новичок. Для тебя здесь слишком неровный участок. Даже если ты запустишь вихри только возле свиньи, все равно мало места: половина ее тела под водой. Тут нужна сноровка, иначе вихри вырвутся, воду расплещешь, еще дно зацепишь... В итоге ты не разделишь, где первоначальное, где искажение, где вода, а где муть и песок.

— Тогда я только сверху разверну.

— Если заранее дашь пошире, чтобы воды не касаться, — видишь? — тебе берег будет мешать. Вихри начнут спотыкаться о мостки, о лестницу, волочиться и путаться в подъеме на холм. Часть изъятого искажения останется в траве, в почве, в их обитателях.

— Не страшно. Это лишь часть, осадок.

— Да, не страшно, но повредится общий набор. Я никогда не видела тебя в деле и не смогу предположить, что именно ты оставишь в каком червячке и чем это обернется.

— Я сдвинусь к центру реки, чтобы берег не тронуть. Я смогу, не сомневайся! — ее глаза горят не меньше, чем точки причальных факелов у нее за спиной, руки подрагивают от нетерпения. — На уроках у меня получалось и на в два раза меньших участках.

— Но у тебя не было в восемь раз большего чудовища.

— Я смогу! — шипит она.

Я взглядом указываю на холм, где местные:

— У тебя очень мало времени. Нас заметят.

— Я поставлю защиту по берегу. Этого хватит. Лодок у них нет, от города не приблизятся.

Соображает. Загорелась, запылала. И не сдаётся:

— Мне не надо объяснять. Сама понимаю, что все, что я могу — это сейчас смочь.

Я молча смотрю на ее длинные суетливые пальцы, готовые по первому сигналу молниеносно сложиться в замысловатые фигуры, которые только Мастерам доступны, — любой Основатель себе все пальцы по локоть вывернет и сломает, но не изобразит даже самой простенькой. Смотрю на ее дергающийся рот, из которого, четко вижу, рвется горячая просьба: «Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне, мне, мне...», и лишь бешеное усилие молодой воли не позволяет заговорить. Взгляд отчаянный и умоляющий. Куда опять высокомерие спряталось? Так и будет нахальный взгляд цапли бегать наперегонки с

просящим взглядом щенка?

А что молчать? Не такой уж у меня богатый выбор...

— Ну, раз тебе ничего не надо и ты все сможешь, тогда разворачивайся, Мастер... Сатс.

Шаг напряженный

— Вон там еще попробуй.

— Где?

— Да под боком у нее.

— Ишь, под боком! Сам лезь, дурак. А ну как опять пыхнет!

Их голоса полны страха. Этот страх — первое, что я улавливаю, очнувшись. Смысл доходит позже.

— Когда-то слышал я, будто Ходящие бывали у нас.

— Э-э, да ты задним делом все слышал, все знаешь! Нет бы тебе их сразу распознать. Куда весь твой ум подевался? Это ведь ты их увидел на том...

— Вот именно, увидел! И сразу вам сказал — подозрительные они.

— Да не задирайся, Эрк. Все их видели на том берегу. Но никто не смекнул, что они вообще... эти... Ходящие.

— Чтобы про такое смекнуть, надо пожить, как Старый Фич. Уж вернее решить, что на том излечиваться начали, чем о каких-то Ходящих. Кто они вообще такие?

— Они от начала мира, дурак. Ишь, молодежь несведущая, а про еще мой ум твердит!

На эти слова я открываю глаза. Хочется увидеть того, кто стоит надо мной и нахально разделяет мои недавние мысли насчет молодежи.

А где, кстати, моя молодежь?

Сажусь и осматриваюсь. Я на берегу, в кольце из белых хлопьев и порошка, осевших на траве, словно кто-то кое-как накрошил извести, а потом обошел меня по кругу, горстями рассыпая это крошево. В середине круга чисто, но трава вырвана, земля взрыта.

Сатс нет.

Наклоняюсь и осторожно протягиваю руку к белой горке справа. Хотя ведь знаю уже, что последует...

Сильный укол — отдергиваю руку.

Эту белую дрянь от меня прогоняли. А как я этой дряни набралась?

Ах, да-а... Неудачно получилось.

Раз теперь я сижу чистая посреди грязного, значит, Сатс убрала эту гадость у меня из одежды и из-под одежды. Расстояние до грязного равняется строго длине моей руки... Ох, Сатс, дотошная исполнительница учебных предписаний! Но умница. Сейчас я не чувствую боли нигде, даже в стопах (а в ботинки непременно залилось). Она выгнала эту дрянь до самой пылинки и разметала по склону. Моя стража собрала эти хлопья, но рядом со мной это кольцо оставила. Похоже, побоялись ко мне приближаться вплотную. А почему побоялись?

— Эй, девка. Ты же из Ходящих?

Молчу.

Их трое. Обвожу их медленным взглядом: копья, холщовые сумки, недовольные лица, бегающие глаза с заклинившимся угрюмым выражением. Все трое разного возраста, разного роста. Одно общее — бороды густые. У одного длинная, по грудь; он-то и спрашивает меня. По голосу это тот самый, который всех дураками считает, и он же знает про Ходящих. Интересно, сейчас он уточняет или не верит? Хотя нет, неинтересно.

Поднимаюсь.

Ох, все тело болит! Словно меня не спасали от боли, а причиняли ее.

Три копья бросаются навстречу и повисают у моей груди. Не страшно, не нападут. Раз до сих пор не убили, беспамятную, то и сейчас не тронут.

Отворачиваюсь и перебираюсь на несколько шагов выше по холму. Снова сажусь на траву. Здесь изрядно топтались, но никто травы из земли не выдергивал и белым не посыпал.

Мои охранники цепко следят за мной, но не двигаются. Я усаживаюсь поудобнее, машу им рукой — чего стоим? собирайте ваше белое.

Они мнутя, косятся друг на друга. Но уже через два вдоха кладут копья на траву, перекидывают сумки вперед — и кто на корточках, кто наклонившись, сгребают руками все вперемешку: хлопья, землю, вывернутую траву. Жадно сгребают. Так жадно, что невольно закрадывается мысль — опасное собирали бы иначе. А так — напряженными пальцами, торопливо — гребут ценное. К себе, к себе, мое...

Разошлись, раззадорились. Один так увлекся, что ко мне подобрался, наверное, ему почудилось, что у меня под вытянутой ногой что-то есть. Он хватает меня за ботинок, чтобы подвинуть — и замирает так, осознав. А я смотрю на него молча и терпеливо: дергаться и пинать не хочется, он сам напуган.

Охранник осторожно разжимает пальцы, отпуская мой ботинок, и отползает. На его лице напряженное удивление — он явно ждал, что я его накажу.

Один, посветлее остальных и с самой короткой бородой, отворачивается от товарищей и быстро-быстро облизывает пальцы. Они у него в белом, в земле, травинки под ногти забились — он слизывает это все и поспешно утирает испачканный рот рукавом. В развороте бросает взгляд на меня, потом на остальных — заметили ли?

— Шустрый какой!

Заметили.

Бородач уграмбовывает свою добычу в сумке, хитро улыбается:

— Так! На Эрка не делим! Ловкач! На два дня вперед налопался.

— Как это не делим! — вопит обиженный Эрк. — Я с вами тут вместе торчал над этой... Что подобрали, то делим поровну!

— Да в какой корм пойдет такому дураку...

Я ложусь на спину.

Земля ровная, небо чистое, ветерок неспешно катается по склону к реке.

Рядом ругаются. Их шутки и колкости быстро переходят в ссору, потом в злость. Уже припомнили каких-то зажавшихся с «сушки», которые сволочи и дураки, а среди их охранной группы подлости отродясь не водилось. Эрк возмущенно твердит, что его семья воздухом питаться не может, а они — жадные мерзавцы, вот он сейчас, пусть и дурак, а треснет кое-кому, если...

Закрываю глаза, а в уши лезет, лезет... И снова про «сушку», и опять про поровну, и уже все-все на свете дураки.

И я тоже. Бестолковая... Упустила своего Мастера.

Глубоко вдыхаю и переношу внимание на дальний слух. Тянусь, тянусь — ага, есть! Сатс не близко, она в том городе, с башней в центре. Вокруг нее шумно, сама она что-то громко и быстро говорит. Много активности, очень много. Но сильной злости не слышно. Те, кто рядом со мной перешли от разговоров к действиям и уже принялись толкаться друг с другом, гораздо агрессивнее. Они кричат и отпихивают соседа рьяно и зло. А в городе пока

мирно.

Конечно, я волнуюсь. Но мне становится чуть спокойнее от того, что я узнала: мой Мастер цела, жива, в относительном порядке.

Мне тоже не повредит навести в себе порядок, собрать все вместе. Голова болит и есть хочется, но сейчас ни боль, ни голод не главное. А главное — то, что у нас есть.

Ближе всего к нам тот угол, к которому мы направлялись. К нему — дорога по земле, и там нет воды.

Можно проложить путь, задержать дыхание, перестать видеть-слышать, а потом коротким тяжелым броском — и никто бы не догнал. Одной? Нет. Так не делается. Вдвоем? Сначала надо стать этим «вдвоем». До Сатс я броском не доберусь — не знаю в точности, где она. Да и потом, она среди местных, а если вот так резко и напролом, я насмерть их смету. Не зная конкретного места, еще и подавлю всех, пока метаться буду.

Поэтому — вдох, выдох.

Думай.

Наших тут знают и называют Ходящими или «хо-тя-си», если верить безрукому мальчику с болот. Жители болот нам обрадовались, хотя и показали себя неразумными, а жителям города и берега мы явно внушаем опасения, хотя они наших помнят. Впрочем, их память не помешала им напасть на нас.

А моя память что говорит?

Как заорали с холма, когда Сатс развернулась в заводи, помню. Как налетели с факелами и меня столкнули в мутную воду, помню. Что там от меня такое пыхнуло, они говорили?.. Похоже, это Сатс выставила надо мной защиту, какую смогла, когда ее саму уводили. Хорошая девочка, предусмотрительная. Но молодая еще, не поняла, что надо было сразу сделать купол на двоих. Купол не стена, так, временная замена полной защите. Но тогда нас бы не разделили.

Сбоку раздается утробное хрюканье. Кто-то роет землю.

Открываю один глаз.

Свинья как свинья, большая только. Щетина слипшаяся, бока обвислые, но обычная свинья. Таких на...

Точно! Это ж она со старых ферм 370183-го пролезла! Там разумных не осталось, какой-то мор их скосил быстрее, чем мы его обнаружили. Но живность еще имеется. Живности там мно-о-ого...

Помнится, оттуда же кто-то притащил птиц на 15-ый. А я-то все в толк взять не могла, откуда разведение кур на 15-ом и зачем они приумножают насекомых в наборе!

Интересно, а кто и зачем переводит кур? Переселяет на 15-ый? Тогда почему кур туда, а не людей оттуда?.. Хотя нет, об этом не сейчас. Интересно, но просто не до кур.

Наверно, кто-то переводил тех птиц... или переносил... А как он это делал? В сумке?

Ладно, оставим. Переводил. И случайно протиснулась вот эта, любопытная... Допустим, проскочила следом, а потом сорвалась с дороги, снесло ее на какую-нибудь тропку, покидало немного и — выбросило сюда.

«Но не слишком ли два конечных осколка (куда пролезла свинья и куда доставили птиц) далеко друг от друга? — спрашиваю я себя. — Ее должно было так кидать, что восемь раз убило бы, а не восемь раз раздувало и сдавливало».

И только начинаю сомневаться в правильности всех своих размышлений, как замечаю опять плывущий над этим пятитысячным 206-ой, которому тут как бы не место.

Вот ведь! Я все еще не могу принять и выучить возникшее смещение, опираюсь на старые карты, а кто-то уже научился пользоваться всем новым!

Свинья рядом переминается на испачканных толстых ногах. «Зачем ты куда-то полезла?» — мысленно спрашиваю я.

Протягиваю руку и тыкаю пальцем в любопытный влажный и грязный пяточок. Живность фыркает, но потом явно решает, что чем плюнуть в меня, лучше лечь рядом. Суета вокруг нее прекратилась, свет Большой ласково греет берег. Свинка подставляет ее лучам свою щетинистую спину, затем медленно переворачивается на бок.

Спор в моей страже сменил тему. Теперь они грызутся о другой дележке.

Закинув руки за голову, я слушаю попеременно то их вблизи, то шум вокруг Сатс вдалеке. Так быстро переключаться для слуха нехорошо, утомительно, но я за нее серьезно волнуюсь.

— ...и так моей семье меньше всех вас выдают, а сейчас еще изо рта тащите!

— Уймись, дурак! Чего разорался? Ты копые против этой девки держи, а не у моей бороды.

— Верно, Эрк! Не нарывайся. Скоро или старики скажут, или сами в трактире порешаем.

— Много ты в трактире собрался решать? А с каких таких долей сидеть там будешь?

— Как с каких? Он у меня всегда сыром брал.

— Всегда-то всегда. А как нынче менять будем? Много у тебя того сыра?

— Да уж на пару бочонков хватит.

— Ишь, на пару бочонков! Дурак! Кормилицу-то нашу погубили! Кто по старой мене с тобой говорить-то станет?! Он-то, поди, уже знает все. Ты со своим сыром у него и кружки пива не выменяешь. Кто уже не у него, тот скоро прибежит горе заливать.

— Какое горе-то?

— Да голодное!.. Ну дура-ак!

— Что... А-а-а! Уберите ее! Уберите! Она мои штаны... мои штаны!

На этот жуткий вопль я поднимаю голову. Занятная картина: исправленная свинья подобралась к страже и принялась жевать штанину задиристого Эрка. А тот не сразу заметил. Бородач хохочет, наблюдая, как Эрк прыгает на одной ноге и выдергивает свои штаны из цепкой и любопытной пасти.

Мне бы самой впору улыбнуться — уж больно забавное зрелище представляют эти вояки с их пожеванными штанами, с сыром, с отброшенными в сторону копыями. Но я не улыбаюсь. Да и их страх перед сменой цен, когда источник пищи исчез и все условия натурального обмена изменились, не назовешь поводом для забав.

Пока они заняты, тянусь к городу снова — и удивляюсь, обнаружив, что вокруг Сатс тихо. Это настораживает.

Поднимаюсь. Хоть и тянет вскочить и бегом броситься вперед, все равно стараюсь не делать резких движений. Я все-таки в плену.

Двух шагов не успеваю сделать по холму наверх, как навстречу мне скатывается подросток — в серой рубахе, явно с плеча кого-то из старших в семье, босой и запыхавшийся. В последний миг он отпрыгивает от меня в сторону и плюхается на траву. Его суетливый взгляд мечется между мной, подчищенным кругом белого налета и замершими кто как охранниками.

— Меня послали за второй, — выдыхает парнишка.

Свинья наконец оставила в покое штаны Эрка и теперь лениво жует ляжку его холщовой сумки, валяющейся на траве. Парнишка пялится на свинью, но не забывает про задание.

— Старики сказали, не может та ничего. Сказали, вот эта главная, — он машет на меня рукой, испачканной в земле и в белом.

— А с чего они так решили? — спрашиваю я.

Четыре пары глаз сходятся на мне. Неуютно. Можно подумать, будто я деревом была и вдруг пошла на корнях. Хорошо еще хоть свинья не так удивлена.

— Сказали, что так призналась та... ну... ее увели, которую, — бормочет подросток.

— Ну, тогда веди меня, главную, к тому, кто у вас тут решает, — говорю я и добавляю требовательно: — И вы, доблестная охрана, не стойте кустами. Вам меня стеречь положено. Так что собирайтесь и следуйте... Эрк, отбери свою сумку, пока ваша кормилица весь твой сбор в себя обратно не скормила.

Послушались. И словно бы даже успокоились. Наверное, от строгого голоса.

Мы взбираемся по холму мимо упавших и покосившихся навесов. Несколько сорванных полотнищ устало лежат на земле, никто их не крепит обратно — некому, холм пуст.

Парнишка, когда набирается храбрости ко мне обратиться, спрашивает негромко:

— А кто вы такая?

— Вот дурак! — раздается сзади. — Про Ходящих не знает.

— Да не дразни ты его, а растолкуй.

— Послать бы тебя к Старому Фичу, пусть он растолковывает.

Я решаю не вмешиваться, а наоборот, послушать. Мне вспоминается комната Алы и учебная голограмма, которая расскажет, как устроен мир. Но самым бойким образом в воспоминание прорываются фрукты в вазе. Очень хочется есть.

— Когда-то мир был большим, — бородач тычет пальцем в небо, где как раз уходит за видимый край золотая пирамида 206-го, — и вот такие, как эти девки, миром владели. А потом его поделили на куски.

— Кто поделил?

— Кому надо было, тот и поделил. А эти ходят и думают, как бы все вернуть.

— Так это же здорово — большой мир! — восклицает пацан. — Он же огромный!

— Ну вот дурак, благо, молодой. У нас свой кусок есть, и никто нас тут не трогает. И мы сами им владеем. Разве только вот такие приходят и думают. А когда большой, когда все куски вместе, то и напасть могут с разных сторон. Куда тогда денешься?

— Такие вот не только думают, — бросает третий. — Лишь бы прийти на наш кусок да оттяпать.

Именно он схватил меня за ботинок и не получил наказания. Интересно, если бы я тогда в него плюнула, он сейчас бы не дерзил?

Он волочет на растрепанной веревке «их кормилицу». Свинья бредет неохотно. Ей гораздо интересней все, что попадает под ногами, чем вынужденная прогулка куда-то мимо возможно вкусных растений.

Я кошусь на нее и прищуриваюсь. В ней почти ничего не светится розовым. Сильное животное получилось — молодец Сатс, не просто исправила, а что-то еще сумела заложить. Если останется время после того, как я вытащу своего Мастера, можно будет изучить, что и за счет чего умеет это свинка.

Почему я уверена, что вытащу Сатс? Да потому, что иного мне не остается. Когда под ногами только один путь, а в целях — только одно дело, тогда вера сама встает рядом с

тобой, плечом к плечу, как двое в переходе. А может, это не вера, а осознание безвыходности, и я просто их путаю, как часто смешиваются два противоположных понятия...

Сначала мы спускаемся с холма у заводи и идем вдоль берега. Потом сворачиваем в низину с высокой, мне почти по колено, травой. Под ногами сыро, но не топко. Тропинки здесь нет. От города до заводи местные пользуются дорогой, которая идет дальше от реки и выше по холму, через плоскую вершину. В ее конце возле заводи вчера стояли телеги.

Я иду не спеша — не хочу споткнуться в траве и упасть. Пацан в серой рубаше суетится и дергается. Для него я плетусь непозволительно медленно. Непозволительно для него. Его послали привести меня поскорее, он объяснимо боится провалить поручение.

Наша прогулка выходит короткая. И сотни вдохов не сделано, как низина выгибается вверх. Еще чуть-чуть — и из-за небольшого холма нам показываются соломенные крыши, берег мутной реки и опустевшие причальчики.

Вот и окраина города; мы идем мимо тихих домиков со стенами, обмазанными глиной и засохшей грязью. Нам начинают встречаться люди. Кто-то топчется на порогах своих домов и не знает, куда им бежать и что делать. Кто-то обнимает понурых женщин — родных или соседских? А кто-то бросается к нашей процессии, но ему навстречу Эрк или бородач скидывают острые копья. И все смотрят. Сначала — на меня, чужачку. Потом — на свинью, которую тащат на веревке, на суть их существования, на искаженное чудовище, кормившее их своими выделениями.

Чем больше встречается людей, тем через более густое отчаяние мы идем. Появляется ропот, звучат вскрики, причитания, невдалеке кто-то рыдает взахлеб.

А где-то впереди маячит злость, и еще я чувствую местных, обладающих властью. У них не будет слез или потерянных взглядов. У них голос строгий, у них приговор весомый, у них рука карающая. И у них — мой Мастер.

А потом придет ярость. Мне надо успеть обратиться до нее.

Нам обратиться — что это я!

Настраиваю слух, погромче — и улавливаю, что заманившего меня сюда тонкого звона больше нет на этом осколке. Значит, набору пошло на пользу. А разумные выкарабкаются. Ведь на то им разум и дан, чтобы искали и находили выход из трудностей.

Но вместе с громкостью в уши пробиваются лохмотья волнений и страхов. Много оборванных фраз, много отдельных слов. Часто охают и задают вопрос «Как мы теперь?». Странно, что ни разу я не услышала хотя бы попытку ответа — даже простого «Как-нибудь».

Когда-то я решила, что повидала столько всего, что ничему больше не удивлюсь. Сейчас я ловлю себя на том, что удивляюсь. Смятые разговоры местных подсказывают мне: даже если нас всех снова собрать вместе, мы назовемся «целым», но никогда целым не станем — слишком глубокие трещины пролегли между нами. Когда-то народы, покорившие звезду, расселились по разные стороны сферы. Потом мир взорвался, и всех разметало. За несчетное множество поворотов пирамиды ничем не дали понять, что в них есть кто-то живой, а разбитая поверхность ослабила свой народ, изменила до неузнаваемости. А мы, случайные остатки, готовы ли к тому, что скоро время окончательно сотрет из крови и из разумов то, что есть у нас общего с людьми?

Люди. Их заботит то, о чем ни Основатель, ни Мастер позаботиться не способны в принципе.

Возможно, среди Старших есть умы, осознающие, что собрать мир — это далеко не

последнее дело, которое от нас требуется. Пусть говорят, что мир ждет того, кто его соединит. Но надо помнить, что ему нужен тот, кто о нем позаботится. О каждом осколке, ставшем гранью. О каждой пирамиде, вставшей на свое место. О каждом наборе и о соединении наборов. И о конфликтах, вроде того, какой назревает сейчас.

У этих людей опасного оружия нет, но взгляды, которыми они целятся в меня, можно сравнить с поднятыми луками и с заряженными пистолетами. Осколков с пистолетами уже не найдешь, луков на этом я не видела ни одного, только копья...

Нет оружия, нет. Но я волнуюсь.

Мы поломали привычную систему жизни этих людей, хотя вернули на осколок порядок, исправили чудовище. Оно, по их поверхностному и недальновидному мнению, ничем не угрожало, наоборот, кормило чудесным молоком, из которого, как я поняла, они делали все — от пьянящих напитков до сыра. Черпали из заводи те, у кого был пропуск поближе к густой раздаче. Черпали из потока с причалов те, кто победнее и пожиже. Над заводью собирали в телеги, отвозили куда-то. Что-то мелькало про «выпаренное» и «сушку»...

Точно. Деревья! Они все повывели их на дрова!

Я пристальней всматриваюсь в дома, в небольшие дворики, раскинувшиеся от условных изгородей из тонких палок и веревок до глиняных стен. В некоторых двориках попадаются чахлые кустики. Не знаю, для каких целей их сюда посадили. Ягод нет, листья не отличаются красотой или яркой сочностью. По большей части дворики набиты плетеными корзинами самых разных размеров — и пустые, сваленные в беспорядке, и полные, аккуратно составленные.

Впереди показывается часть города, где дома стоят каменные, а свободной земли почти совсем нет.

Во дворе последнего глиняного домика за веревочной изгородью застыла молодая женщина. Она смотрит на нашу процессию с ужасом, взгляд мечется, руки вцепились в корзину. Из корзины свисает серое тряпье, покрытое белым налетом, кое-где прилипшим комками.

Проворный Эрк, топающий слева от меня, взмахивает своим копьем и цепляет это тряпье. Ткань взлетает вверх, из нее сыплются белые крупы.

Я бросаюсь вправо, но несколько крошек падают мне на голову. Больно! И стряхивать больно, руки сразу как длинными иглами пронзают.

Стараюсь не подать вида, что мне это навредило, но никто на меня не смотрит.

У женщины, ограбленной на измазанную тряпку, ужас вмиг слетает с лица. Она отшвыривает корзину и с воплем: «Отдай!», кидается на Эрка. Тот сначала дразнит ее, водя из стороны в сторону копьем, на котором, как флаг, реет серо-белая ткань. Но, получив тычок в спину и окрик: «Совсем дурак?», опускает свою добычу.

Дальше, между теснящихся каменных домов, я иду с тяжелыми мыслями и стараюсь больше не смотреть на местных. А их становится все больше, воздух заполнен гулом, где-то дерутся... Давит... Вот бы их не слышать совсем!

Мы пересекаем большую, выложенную круглыми камнями площадь и встаем перед той самой башней, которую недавно Сатс определила как главное место.

Почерневшие створки ворот, сделанные из толстых досок (ага! значит, деревья здесь были!). Двое стражников без проблеска ума в лицах. Дальше — коридор, освещаемый сверху фонарем. И вот я — в квадратном помещении с несколькими узкими окнами на одной стене и с двумя дверями друг напротив друга. Через один вход меня привели, второй закрыт, возле

него уперлись в земляной пол еще двое стражников в такой же холщовой одежде, такие же копья и сумки через плечо, как и у тех, кто привел меня с берега, как и у тех, кто встретил меня у башни. Разница только в том, что на этих двоих, охраняющих что-то за запертыми дверями, надеты еще кожаные доспехи. Судя по виду, эти доспехи со времен входной двери — жилеты потертые, кожа наручей потрескалась. У одного стражника в руке круглый щит, на щите снизу кожа оборвана, а дыра прикрыта холщовым треугольником. Неужели не нашлось куска кожи на починку? Похоже, у них тут проблемы не только с большими деревьями, но и с крупными животными.

Меня уже ждут.

Пятеро мужчин. Все — с седыми или пестрыми от седины волосами, с бородами разной густоты, но одинаково длинными. Все пятеро сидят на одной скамье вдоль стены без окон. Над ними нет отметок, помогающих понять, кто в каком ранге и положении. Выходит, они все равны.

Но один выделяется. Все старики вроде бы шепчутся между собой, но чаще всего их лица обращены к нему. Он расположился посередине длинной скамьи, третий, с какой стороны не считай. Крутит тонкой, неестественно длинной шеей, иногда кивая. Узловатые руки его лежат спокойно на коленях.

Больше по привычке, чем по надобности, прищуриваюсь, глядя на него. Отчетливо подсвечены розовым живот и колени: поражены внутренности, и ходит он плохо. Но это не из-за старости, он разваливается уже давно. Вылечить его от вреда, годами наносимого отравой искаженной свиньи, сложно. Но я вижу, что можно. В отличие от безрукого мальчика на болоте, этот родился без необратимого искажения.

Никто со мной не спешит заговаривать, хотя все от меня явно чего-то ждут.

Ладно, постою с гордым и независимым видом — особенно на уроках пригодились, когда не знала ответа. Но разговоры — не моя сильная сторона. Сюда бы кого из Старших, подчиняющих себе одним ведением носа. Ала бы только поправила локон, упавший от огорчения, и все смотрели бы ей в рот и ловили каждый жест.

Когда старики нашептались между собой вдоволь, этот третий-главный кивает несколько раз направо и налево, показывая, что он услышал все мнения. Потом недовольно постукивает ногой в мягкой туфле, сшитой из кожаных кусочков — таких маленьких, что каждый будет с фалангу моего пальца. Наконец задирает бороду к потолку и заявляет с высокомерным осуждением:

— Мы не ждали Ходящих!

— Мы никогда не сообщаем о своем приходе.

— Вам не надо было приходить. Вам нечего здесь делать, вы здесь не нужны. Если бы мы знали, что вы придете, встретили бы вас и остановили.

— Вы говорите так, словно сами можете понимать суть не хуже Основателя, а работать не хуже Мастера, — отвечаю я откровенной дерзостью, — но в вас нет силы ни того, ни другого. Ваше мнение о том, что нужно вашему осколку, не имеет основания.

— Это наш осколок! — восклицает он.

— А чудовище тоже ваше? Или все-таки оно пришло со стороны?

Он открывает рот, но ни слова не произносит. Остальные молчат, видать, потому что молчит их старший.

Тогда делаю выпад в его сторону:

— Когда только это чудовище появилось на вашем осколке, как вы додумались, что от

него будет польза? Пришло что-то, большое, страшное, искало себе место и еду. Явно подозрительное. Потом оказалось, что ему хватает только воды. Что вами двигало, когда вы стали свой народ кормить выделениями этого чудовища? Лень? Нажива?

«Инэн... как грубо», — вздохнула бы Ала. А ворчливая Крин, наверное, закатила бы глаза. Что сделала бы Сатс, я не знаю. Но сама спрошу, едва только заполучу ее обратно.

Мое нападение сработало. Длинношейей старик заметно приуныл:

— Это существо пришло к нам давно, еще меня на свете не было. Тогда наши предки селились по всем холмам, но позже мы смогли объединиться у этой реки. Мы с этим существом все время жили в достатке.

— Раньше вас было больше и вы занимали весь осколок?

— Да.

— А теперь ютитесь кучкой с угла?.. Прогресс очевиден! — тут я нарочно делаю лицо покислее и попрезрительней. — Вам что, ваша жизнь не нужна вообще? Еще несколько поколений, и все оставшиеся переселились бы на тот берег. И стали бы рождаться не только без рук, но и без ног, а то и без головы.

— Без головы не проживешь, — замечает старик, сидящий с левого края скамьи. — В ней все держать надо, все помнить надо.

Собравшиеся гулко забормотали, соглашаясь.

— Вы же помните нас, Ходящих. А мы сюда приходили точно раньше чудовища, — говорю я. — Держите ли вы в головах то, как вы жили до него?

Старик слева хмурится и медленно отвечает:

— Когда-то у нас было не одно животное на всех, а одно на каждый дом. И тоже много еды начиналось с молока.

Спрашивать, что случилось с теми животными, мне не нужно. Чтобы их содержать, приходилось трудиться, а искаженное вытеснило тот труд, принеся более легкую жизнь.

— Вы вспомните, как жить без кормилицы, и возродите образ жизни, — говорю я. — У вас растет овес, есть место для полей. Вы многого не помните, но и без старых знаний выживают: находят новые знания или возвращают старые. А вот без разума не проживешь. Вам, похоже, именно его стало не хватать.

— Мы жили хорошо со своим разумом! — гнет свою линию старик с длинной шеей.

Я обращаюсь к нему:

— Ваш разум довел вас до того, что часть людей искалечена и выброшена из общества. И вы все деревья повывели на осколке. И комаров у вас нет. А вы будто не знаете, что они вымерли из-за того, что ваша, как вы ее называете, кормилица, воду отравила. Всю. Еще и так, что на болоте жизнь почти закончилась. Жалкая пара лягушек и три пиявки уже на следующем повороте помрут. И бактерий там почти не осталось. Откуда воздух брать будете? Может, когда задыхаться начнете, тогда о своем разуме что-нибудь сообразите?

Переглядываются.

— А может, мы, Ходящие, чего-то не знаем? Может, у вас нельзя ничего исправлять, потому что вы тут все нарочно портите?.. Так не делается, почтенные. Это губительно для вашего народа и губительно для вас самих.

— То, что вы сделали, губительно для вас, — грозит третий-главный старик.

Кажется, из всей моей речи он понял только последние слова.

И тут за стенами раздается шум, грохот, крики. Мне тянуться наружу не надо, чтобы понять: там начали ругаться люди, следовавшие к башне за мной и моими

сопровождающими.

— Слышишь? — старик воодушевляется и тычет пальцем в стену позади себя. — Это за вашими жизнями пришли. Вы наши испортили, так...

— Сомневаюсь, — во мне начинает говорить злая храбрость, хочется отвечать дерзко, пугающе. — Они пришли за вами. Требовать ответов, как жить дальше. Требовать справедливости и порядка.

— А мы отдадим им тебя. И помощницу твою.

— Не отдадите. Остаток разума не позволит. Вы помните про Ходящих. Значит, помните, что бывает с теми, кто их тронул.

Вру. Нагло. И плохо. Ала бы сразу раскусила, да и Крин не оставила бы такое без ответа. Хорошо, что их здесь нет.

Никто не помнит, что бывает с теми, кто причинил нам вред. Если наши погибают, то или сразу парой, или уцелевший возвращается и рассказывает, как второму не повезло перед чудовищем. Но здесь веру в то, что нас трогать запрещено, поддержать будет только на пользу.

Этот старик слаб. Он здесь не самый главный и сам это знает. Это гнетет его и точит его силы вернее, чем время. И он агрессивен. Я вижу, как дрожит его нос, как жмутся губы.

Мне надо стать главнее.

— Начните уже думать, как жить дальше! — командую я, обращаясь к другим старикам на скамье. — Вы перестали питаться ядом, убивающим ваш народ. У вас не будут рождаться безрукие дети и иные калеки. А нам надо уходить: нас ждут в других местах. Приведите мою помощницу и дайте нам уйти.

Старик с левого края встает, кряхтя и явно напоказ увеличивая свою старческую немощь. Глаза у него блестят.

— Мой старший сын недавно женился на твоей дочери, почтенный Тар, — говорит он, обращаясь к сидящему в центре скамьи, — и ты знаешь, что болтают о ее здоровье.

— Моя дочь в доме твоего сына. Он плохо о ней заботится, раз болтают, — огрызается тот.

— Покуда мы живы, мы заботимся о своих детях, в каких бы домах они ни жили. Мы уважаем тебя, почтенный Тар. Твоя дочь выросла здесь, а не на том берегу.

— Почтенный Борк, ты поднялся, чтобы напомнить мне о печалях моей семьи? Если да, то опусти свой зад обратно на скамью и не выпускай воздух ни через какое отверстие своего тела.

По скамье ползет хмыканье.

— Не надо пытаться быть похожим на Старого Фича, почтенный Тар. У тебя дурно выходит, — улыбается лукавый Борк, но тут же становится серьезным. — Печали твоей семьи — печали и моей. И радости у нас тоже общие. Твоя дочь слаба здоровьем. Возможно, тому виной яд, про который нам говорит эта женщина, — он указывает на меня. — Но сейчас все изменилось. Да, мой сын, как и другие, боится, что нечего будет есть его семье. Но если все правда, то дочь твоя выздоровеет. Перестанут болтать, что ее ребенок, когда родится, останется в тот же день без матери. Если все правда, ты больше по ночам не будешь звать к нашей звезде, не будешь просить ее за своего неродившегося внука. И все про...

— Не твоего ума дело, к кому я зываю! — вспыхивает почтенный Тар и взвивается со своего места.

— И не моего тоже, уважаемый Борк, — говорю я громко. — Но вы правы. Едва вы

перейдете на другую пищу, проникшее в ваши тела искажение уменьшится.

— Да, надо дать людям такую надежду. Но где взять эту другую пищу? — замечает Борк.

На меня нацеливаются взгляды почтенного собрания. Старики, а смотрят как дети, будто я сейчас чудо сотворю. И они намерены меняться. Вернее, они считают это обменом, хотя это не больше, чем лихая жадность: сначала взяли то, что было мое, а теперь требуют еще что-то отдать, что-то сделать, вымогатели.

Сложное чувство, очень сильное и сложное — нелюбовь к людям, забравшим у меня моего Мастера. Мы защищаем разум, поддерживаем его и его носителей. Но сейчас эта нелюбовь поселяется во мне как нечто, способное потеснить все принципы и задвинуть их так далеко, где начинается чистый гнев.

Чтобы мой гнев, рвущийся наружу, не обрушился на людей, которых я же должна беречь, я прикрываю глаза, втягиваю носом воздух — и на медленном выдохе говорю:

— Все идеи я изложу только тому, кто будет из них выбирать.

А снаружи новая волна криков бьется о каменный утес башни. Кто-то визжит.

Старики заозирались. Может, они и убедили бы друг друга, что нас надо отпустить и самим заняться своими делами, навести порядок. Но тут в стену как бухнет! Словно бросили камень роста в два, не меньше. Как не снесли только?

Почтенный Тар, перепугавшись, падает на скамью, переваливается через нее к стене, цепляется за сиденье кривыми пальцами. Из-за спин бледных, но неподвижных трех старейшин доносится его визг:

— Стража! Запереть двери. Эту — прочь. Запереть все!

— Прочь не доведем, — гудит один из охранников и косится на дверь, куда уже опускают увесистую перекладину. — Какое прочь? Порвут.

— Ко второй, в подвал! — выдает сообразительный Борк и поворачивается к почтенным. — Несите трубы, пойду говорить. Надо унять, не то нам шеи свернут... Тар, поднимись уже!

Тот боязливо встает. Даже среди галдежа и шума я слышу, как скрипят у него дрожащие колени.

— Чего? — растерянно спрашивает он у Борка.

— Поднимись, говорю!

— Ну, я...

— Да не на ноги! — раздраженно орет Борк и тычет пальцем в потолок. — Зови, чего уж!

Тар спохватывается, оставляет возле скамьи свою мимолетную растерянность и с проворством молодого, спешащего на свидание, бросается к дальним дверям. Их едва успевают перед ним открыть, иначе бы снес, наверное.

Один стражник, у которого неестественно узкие плечи, слушаясь жеста почтенного Борка, медлит немного и выводит меня в те же двери. Слышу шум, который производит Тар, метнувшийся по лестнице наверх, но мне копьем указывают вниз. Иду неспешно.

Через один виток спиральной лестницы становится ощутимо холодней. Потом отодвигается шум поверхности, только эхом далекого грома звучат удары по стенам.

Еще виток. Воздух сырой и душный одновременно. Грубые занозистые балки держат земляные стены, под прогибающимися деревянными ступенями шуршат мелкие камешки. Свет льется из тусклых ламп: не то стекло, не то плотный пузырь, внутри дрожит огонек —

и так на каждом круге. Чуть подсказывает мне, что здесь свет не поддерживают постоянно, а зажигают по надобности. Похоже, когда сюда вели Сатс, тогда светильники и зажгли.

Спуск заканчивается в маленьком помещении с низким потолком из деревянных балок — еще одни сверстники башенных ворот. Слева — решетка из толстых прутьев. Справа — неглубокая ниша. В ней — простой стол с одинокой свечой и несколькими мисками. Сидящий за столом человек подслеповато таращится на меня. Не ждал и не рад.

Я втягиваю в легкие сырой воздух подземелья. Улавливается присутствие двух невидимых: обычная настороженная крыса над потолочной балкой и приунывший Мастер слева от меня.

Немного успокаиваюсь. Лишь немного. На самом деле меня трясет. От холода сырой земли, от пустоты в голове и в животе, от злости на глупцов, дерущихся за кусок опасной пищи из вчерашнего дня вместо того, чтобы миролюбиво найти кусок для дня завтрашнего...

Стражник делает пару шагов вперед и наклоняется к часто моргающему тюремщику. Что-то шепчет ему.

— Инэн, — раздается осторожное из-за решетки.

— Думала сбежать от меня, Мастер Са-ц?

— Что ты? — охает она громче и живее.

Иногда приятно, когда на шутку реагируют серьезно. Я приближаюсь и останавливаюсь перед прутьями. За ними темно.

— Бросила меня на берегу. Без сознания, без помощи.

Ее лицо приблизилось, мелькнуло на краю света маленькой свечи. Вроде бледнее обычного. Наверное, это у нее от собственного страха, а не от местной полутьмы.

Протягиваю руку и сжимаю один из прутьев. Чуть покачать, проверяя — нет, крепко вкопано в земляной пол и прочно вбито в деревянный потолок. Эти прутья служат еще и подпорками, если выбить, завалит... Слабых мест у этой решетки нет, иначе я бы их нашла. А Сатс бы вышибла.

— ...и не балуй их тут, — звучит голос стражника.

Я оборачиваюсь.

Узкоплечий стражник взял со стола пузатый котелок и вываливает из него густое белое варево в глиняную миску.

— Да ты сдурел, что ли? — возмущается сторож и слабо пытается его остановить. — С какой стати мне зарешетников голодом морить?

— А с такой!

— Что случилось-то?

— То случилось! — орет ему в лицо стражник, забирает себе полную миску еды и уходит по лестнице вверх.

Мы все дожидаемся, пока стук его торопливых шагов стихнет.

— Что это с ним? — пожимает плечами сторож.

— Запасы делает, — отвечаю и киваю на решетку. — Открывай.

Хорошо бы сейчас подхватить Сатс и рвануть наверх.

И едва только у меня дергается идея дождаться, когда хилый сторож закончит возиться с заевшим засовом, а потом отбросить его куда-нибудь в нишу, как сверху раздаются крики — и к нам кубарем скатывается стражник. Тот самый, который ограбил сторожа на небольшой запас прежней еды. Миски у него в руках уже нет, лишь большой палец измазан белым. На лице темнеет длинная царапина и застыло выражение детской обиды.

Он упирается в пол руками и неуклюже встает. Руки у него явно болят, сильно досталось левой. Ругается он на всех так откровенно и с чувством, как ругаются на воздух, что нет ветра; в обоих случаях известно, что ругающегося не услышат.

Издали доносятся неясные звуки. Мне хватает немного протянуться и понять, что там опять бьют по стенам снаружи. И кричат, кричат...

— Я тут пока посижу, — кричит стражник и примастивается на низенькую скамеечку, где раньше сидел сторож.

— Что ж так? — спрашивает тот.

Он наконец одолел засов, и я могу пройти к Сатс. Именно так и поступлю, нечего нам пока наверху делать. Я действовала бы смелее, но моя осторожность — следствие знаний, где-то своих, где-то выученных. А знания мои говорят: если можешь промолчать на злость одного, промолчи, если можешь не приближаться к злости толпы, не приближайся. Сейчас у них кто-нибудь кого-нибудь переорет, а мы потом отсюда выберемся и спокойно уйдем.

Стражник потирает левую руку, размазывает по лицу немного крови из царапины. Я тем временем боком захожу за решетку и делаю Сатс короткий жест «Подожди».

— Да там... — бубнит стражник. — Из-за этих... Расшумелись. Хотели старики народ утомить, но не выходит. Оно и понятно. Как языками подвигать, так они сладко поют, всеми глотками, еще и наперебой. А тут надо жестко. Беда, а никто на слово не решится. А что? Пошли звать. Просить будут, виниться.

— Что стряслось-то, чтобы аж звать?

Стражник отмахивается:

— Э-эх, ты ж и не знаешь ничего. Сидишь тут, спокойно тебе. А мне сегодня...

Это нытье, понимаю, можно слушать долго. А сторож наш заволновался, пальцы его дрожат.

— Ты мне прямо скажи, Тэви, что там наверху у вас случилось? Я сижу тут, но сестра-то моя...

— А сестра твоя теперь, как и сестры всех остальных, как и матери, как и жены... Все как есть одинаково.

Я не выдерживаю этого ниочемного потока и обращаюсь к сторожу:

— Вашей кормилицы больше нет в том виде, в каком вы привыкли ее видеть.

— А молоко?! — он дергается ко мне, и я вижу, как дрожат его близорукие глаза.

— То, что вы называете молоком, на самом деле яд. Река от него тоже постепенно очищается.

Вдруг этот хлипкий человечек взвизгивает пронзительно и ударяет узкой ладонью по одному из прутьев решетки, близко-близко от моего лица. Сатс за моей спиной приглушенно пищит.

— Ах ты ж! — выплевывает он мне. — Убили! Убили!

И в один прыжок оказывается на лестнице. Наш стражник с воплем «Да жива! Не убили!» бросается вслед за ним.

Мы остаемся одни. Без присмотра, но запертые. На засов, который сами можем открыть.

— Много негативных эмоций, много глупости, резкости и сиюминутности — и так в каждом, — говорю я медленно. — Лишь одного толкового и почти спокойного встречала. Он еще пытался что-то делать. Но, вообще, очень мало разумной оценки, очень... Они тратят много сил и времени, чтобы выплескивать свое недовольство. Очень впечатлительны, словно

бы все видят в первый раз. Возможно, у них проблемы с памятью... Ничего не выращивают, не собирают. В основе еды — молоко этой свиньи. Собранное, выпаренное...

Только начинаю Сатс рассказывать все, что сама узнала, как неожиданно она меня перебивает:

— Да-а, те, на болотах!.. Они, значит, самые конченные. Помнишь, в заводи кричали про... ну, что с того берега не вылечиваются.

— Ты молодец, все сама понимаешь.

И я поддаюсь порыву. Так, конечно, нельзя. Вернее, так у нас не принято. Но я подхожу к ней и, приобняв, тянусь — она изрядно выше меня! — погладить ее по голове. В словах найдется меньше смысла, чем в таком древнем жесте. Он сейчас нужен нам обоим, но ей больше.

Чувствую руками, как ее покидает застоявшееся напряжение.

— Мы поможем им? — тихо-тихо спрашивает Сатс, и мне настраиваться не надо, чтобы уловить в ее голосе неприкрытую жалость.

— Уже помогли. Наша задача — сохранять жизнь и уже через нее поддерживать разум. Именно это мы уже сделали.

— Я боюсь, что они сами свою жизнь не поддержат. Мне они тоже показались не очень хорошо думающими. Я им втолковываю, кто мы такие, а они словно не понимают. Слышала, что они кого-то звать пошли? Кажется, он за них все решает. Но откуда мы знаем, что этот кто-то решит удачно? Если мы их просто бросим теперь, не выйдет ли, что совсем погубим?

— Если бы такая проблема перед нами стояла, Старшие бы уже позаботились, чтобы на каждом осколке было кому наблюдать, распределили бы глаза и уши. Но Старшие не сделали даже вызовов. Да и не надо нам наблюдать. Разве мы ходим по трое, так, чтобы один смотрел бы еще и назад?

Сатс обиженно сопит, топчется, что-то прикидывая. Крутит белобрысой головой, рассматривая нору-темницу, словно она подскажет ей что-то. А затем слышу, шепчет примирительно:

— Нет, хотя... все-таки мне бы хотелось...

— Что?

— Да так... все же мы не можем просто так взять и уйти. Я думала, если выставить защиту сейчас, то... но не получится. Мы бы эту защиту сначала тут не развернули, она бы в потолке увязла. А потом вверх по лестнице не протиснули, там узко... Глупо лезть на свободу и застрять в еще более прочной тюрьме.

Да чтоб все разметалось! Я даже не подумала над этим, готовая еще немного поворчать на нее ради порядка, а потом, дождавшись, когда наверху неглупый Борк утихомирит первую бурю страха, все-таки встать и броском пробить. Но что я собиралась пробивать? Прутья эти? Их-то мы бы вынесли вдвоем с толчка, а вот такую толщу земли не преодолели, не подняли бы, даже если Сатс и вправду так сильна, как я ее подозреваю. Нет бы темнице быть выше к поверхности, но кто ж знал!

Эх, Инэн, бестолковая ты... Может, вместе с местными ты разум потеряла?

А Сатс вдруг садится на земляной пол и приваливается боком к прутьям:

— Ну все... Нам не выбраться. Придется сидеть тут... Я говорила с ними, когда еще было более-менее спокойно. Тебя привели — так ты сама видела, сколько злости в них разбушевалось. Дальше будет больше. Мирно мы не выйдем, а напролом не пойдём. Так что не выйдем мы вообще.

Она всхлипывает и опускает голову:

— А все я. Это из-за меня. Мне бы защиту с берега пошире поставить, а то когда они с холма посыпались, я не удержала. Все боялась, что на исправление не хватит, и не распределила... Они мимо меня промчались, кто по деревянной дорожке, кто прямо в воду плюхнулся. И кричали, факелами махали... Растерялась... ничего не удержала толком. Двоих потоком зацепило, но на торможении. Один полысел.

— Из воды меня вытащила ты или кто из местных?

— Я. Было очень страшно, — шепотом признается она. — Они носятся и орут. Тебя сбили — и ты как неживая стала. Трогаю — холодная и будто камень. Я от испуга, наверное, без указки поняла, куда именно что приложить. И прогнала от тебя эту дрянь.

— Ты молодец, Мастер Сатс. Есть повод гордиться, а ты сидишь, носом тянешь.

— Чем гордиться-то? — вскидывается она. — Ты ж сама сказала, что я тебя там бросила. Да и я понимаю, что серьезно виновата. Мало того, что сначала защиту не удержала, так еще и потом хоть какую не возвела. И даже отпихнуть никого не отпихнула.

— В одиночку от толпы отбивалась и не победила? Еще и со мной обморочной на руках?

— А ты и в обмороке мне бы помогла, — вдруг заявляет это чудо. — Они меня сцапали, а тебя побоялись. Знаешь, почему?

— Ну?

— Я пару вихрей развернула, прогнала — меня тут же окружили, теснить стали. Тут над тобой один склонился, факелом повел, чтобы рассмотреть, как ты в круге этом белом лежишь. Так от тебя такая волна бросилась, что...

Она широко замахала руками, показывая, как много от меня что-то бросилось в стороны.

— То ли в тебе моя очистка задержалась, то ли ты ее от себя так повторила — уж не знаю, тебе виднее. Но и без сознания кинула ты в них чем-то очень впечатляющим. Короче, дура я. Именно тогда мне и надо было ставить нормальную стену. Не рассматривали бы мы сейчас земляную нору.

Пробую вспомнить, но ничего я ни в кого не кидала, да и нечего мне.

— Очень похоже на то, что это не я, а ты разбросалась всем, чем могла, — говорю я. — По неопытности. Это не от меня что-то пошло. Просто какой-то поток ты сама недовернула — вот и хлестнуло им. Так что обсуждать тут нечего, сокрушаться тоже нет причин. Ты все сделала правильно. А вот мне нужно было хотя бы подальше от воды встать. Или увернуться половчее. Тогда меня бы не столкнули, ты бы не отвлеклась. Никого бы не сцапали.

— Инэн, неужели мы с тобой соревнуемся, кто больше виноват? — с тихим смешком интересуется моя молодежь.

Мне бы рассердиться, но наоборот, даже веселее стало от ее заявления.

Не угадала я. Ничего я в Сатс не угадала!

Мы состоим из осколков, они соединены, пока мы живы. Но откуда-то они взялись, как-то стали осколками. Будто бы мы были взорваны, разрушены, а потом нашелся кто-то величественный, такой, до кого дотягивается лишь вера, и сумел нас собрать. И вот теперь у нас свои множественные грани, кусочки. Мы движемся в жизни, ходим, крутимся... Каждый из наших кусочков оказывается важным в свой момент, нужным в своей нужде, решающим в своей внутренней силе. И каждый наш кусочек каждый миг влияет на нас и на наше движение по жизни.

И, в конце концов, мой Мастер — это тоже кусочек меня. Именно меня, а не кого-то другого. Потому что привела ее жизнь именно ко мне.

Я подхожу к ней. Хочется сказать вот это все. Никому не говорила, но верю, что именно Сатс и именно сейчас выслушала бы меня.

Стою, думаю, как начать.

Но вдруг она разбивает все мои намерения вопросом:

— А как там свинья? Что с ней стало? Я и не видела толком, что из нее получилось.

— У тебя получилось очень хорошо. Свинья замечательная... Последний раз, когда я ее видела, она пыталась жевать глиняный горшок. Могла, кстати, и съесть. Подозреваю, что она из отравителя станет фильтром, и ей будут скармливать то, что раньше выбрасывали. Хотелось бы это проверить, но... Сама понимаешь. Как только, так мы быстро.

— Может быть, это не одна свинка? И такую уже кто-то встречал?

— Не думаю, хотя... — Подтягиваю растрепавшиеся волосы в хвост, и, прикинув кое-что, продолжаю: — Ты говорила, на Первом переменили отношение к тем, кто желает выйти с пути. А число желающих выйти не изменилось?

— Насколько я знаю, не изменилось. И уходят только те, кто растратился силой.

— Ну, значит, такую свинку еще никто не встречал. Иначе бы нашлись те, кто не захотел бы продолжать работать с нестабильной системой, выдающей подобные сюрпризы. Хорошо, что никто эту свинку не встречал. Все бы уже сбежали.

Я подсаживаюсь к Сатс:

— Этот осколок тебя звал потому, что только ты ждала свое исключительное чудовище и только ты не отступила бы перед его искажением. Нужно быть очень сильным, чтобы искать, ведь можно не найти. А ты не думала, что можешь не найти — и нашла, и справилась! Ты теперь честно и заслуженно самый молодой Мастер, одолевший самое удивительное чудовище. Ты знала, что тебе нужно, верила в то, что получишь это — и получила.

Вот кто бы мне сейчас объяснил, с каких страхов я ее так утешаю! Со своих, что ли? Этого еще не хватало!

Чего-то я очень боюсь... В углу сознания противно пищит мысль, что все идет не туда и говорю я все не то. Однако слова льются сами. Мне хочется объяснить Сатс, как хорошо я понимаю ее в том, что мне самой не дается, чего я лишена:

— Ты скоро вернешься на Первый и осядешь там. Это хорошая участь. Да, ты могла бы ходить со мной в паре еще долго, и сделали бы мы немало. Но я не новичок, в моем опыте уже есть яд из разочарования и неверия. Потому у тебя была бы вера одна на двоих, а затем и она бы израсходовалась. Может, и про тебя бы потом Старшие решили, как про меня...

— Так, может, не надо мне на Первый? — спрашивает она и смотрит исподлобья, отчего я сразу настораживаюсь: словно беда материализовалась, белобрысая, и присматривается ко мне зачем-то. — Может, мы тут еще не закончили? Не получили результат?

— Результат топчется наверху и больше не опасен.

— Это не то, теперь я это понимаю, — заявляет Сатс уверенней. — Ты хвалишь меня, а ведь все слишком примитивно получается: вот я пришла, вот ты мне пальцем указала, вот я руки подняла. И вот то, что мы считаем результатом. И мы не знаем другого результата.

— Ну? — Меня начинает волновать, к чему она клонит.

— Очень трудно делать что-то, в чем ты не надеешься на результат, даже если хорошо знаешь, как этот результат выглядит. Это я видела в своей сестре. Ее долго лечили, но она

так и не встала на ноги, хотя знала, как ходить, и говорили, что уже умеет. Она потеряла свою надежду. Тогда понадеялись на меня. Но еще труднее тем, кто не знает, на какой результат стоит надеяться. У таких нет ничего: ни знаний, ни надежд. Им неоткуда взять свои силы. И вот эти люди... Как долго они питались только молоком из реки? Если на болота ссылали тех, кто искаженными родился, а мы видели мальчика уже не младенцем, то у них такой порядок давно. А другого порядка они не представляют.

— Представляют. Они помнят про содержание домашних животных.

— Да? — Сатс прищуривается с сомнением, но тут же снова бросается в спор: — Но у них нет этих животных. И нет знания, как им жить дальше и чем кормиться.

— Я уже сказала им, что можно засеять поля овсом.

— А помогать им ты будешь? Торопить овес мне укажешь?

— Здесь не бывает холодов, он вырастет быстро, — отмахиваюсь я от разговора, напомнившего о моем голоде.

— Ни овес, ни что другое не вырастет так быстро, как им сейчас надо! — восклицает Сатс. — Они не придут ни к какому результату. Они вымрут тут в ожидании или перебьют друг друга за остатки еды. И тогда ни к какому результату не придем мы!

— Не бойся, что они не умеют, — говорю я строго. — Бойся, что они не научатся. Если разум не выкарабкается, это будет плохо, но выйдет, что незачем было его и беречь. Это покажет только время. Да, им стоит поторопиться, но и у нас времени не вечность. У этих людей пока еще есть запасы еды, это дает отсрочку. Но только им.

— Я не падаю в обморок от этого белого и смогу есть еду из него.

— Зря думаешь, что они с тобой поделятся хоть крошкой. А мне что? Прикажешь питаться твоими экспериментами с горелой травой? Как долго я на них протяну?

Молчит. В полутьме возмущенно горят ее хрустальные глаза.

Я продолжаю:

— Нам надо выбираться. Скоро за нами придут, так что ты...

— Ты их слышишь? — вздрагивает она и вмиг превращается в напуганную. — Уже идут?

— Нет, не слышу. Но они пошли просить совета и вряд ли советчика приведут сюда. Скорее, поведут нас к советчику.

— Я никуда не пойду! — выдает мое чудо. — Пусть волоком тащат, если захотят.

— Я прикажу. И им, и тебе. Пойдешь или потащат, — говорю, а от ее упрямства у меня челюсти сводит.

— Все равно не пойду. Я знаю, что ты задумала. Считаешь, по тебе не видно, что ты и не собираешься дальше ничего решать?

— С каких это пор ты видишь лучше меня?

— Тебе этих людей совсем не жалко. Ты же как машина существуешь!

Она вскакивает. Я поднимаюсь следом, чувствуя, как нарастает в груди и ползет по плечам горячая злость.

— Сделала свою работу, а дальше — хоть что случись, тебя не тревожит. А если случится и ты об этом узнаешь, поставишь «Угасание» и уйдешь, не обернешься. Но я так не могу!

— Такому нетрудно научиться.

— Не хочу я такому учиться! Я вышла на путь, но не желаю, чтобы он проходил по живым!

— Что ты несешь?!

— Мы в центре города. Окраины брошены, все собрались у этой башни. Все боятся и ждут, что им скажут делать и как жить. Ты считаешь, что эти люди скоро разойдутся по домам и примутся думать, какое зерно в какую землю кинуть. Ты и меня в этом убеждаешь. Но сама-то веришь?.. Нет. Вернее, тебе неважно. Как только мы из земли высунемся, тут же рванешь к углу. Не посмотришь, будут рядом люди или нет. Рванешь прямо по этим же людям. Разве нет? Скажи, разве ты спокойна не потому, что составила себе такой план и теперь только ждешь, когда небо покажется?.. Скажи!

Молчу.

— Они напуганы из-за нас. Они станут умирать с голода из-за нас. И когда сами по себе они ничего не придумают и не сделают, это тоже будет из-за нас. А ты их хочешь не просто бросить, но еще и растоптать. Ты же через их жизни будешь себе прокладывать...

И я ей врезала.

Пусть простят меня все те, кто учил, что надо своему Мастеру указывать место, куда он должен приложить свою силу, но нельзя указывать силой место самого Мастера. Я помню, что нельзя, запрещено, недопустимо. Что она — мой пропуск, шанс и обещание миновать неведомую страшную изоляцию. Что за ней стоит мощная и влиятельная семья, которая за один только упавший волосок с головы дочери сделает так, что изоляцию я сочту за счастье. Все-все помню.

Но все-таки я врезала со всей силы.

Шаг решительный

Когда-то меня предупреждали, что в нашей работе крупные неприятности исходят не только от тараканов, крыс или людей, потерявших разум.

Сейчас увидеть бы выдававших такие предупреждения. Расспросить бы их подробней — а что, если неприятности вовсе не от того, чему ты учился и с чем имел дело?

Или не у них спрашивать? Может, задать пару вопросов отлетевшей к земляной стене Сатс? Или самой у себя спросить — что это я творю?

Что? Мне? Делать?

Я — в тесном подземелье. Сюда меня завела моя же уверенность, будто я знаю, куда иду. За спиной — толстые прутья. В руке звенит. Невдалеке — мой Мастер.

Хоть бы она хныкала!

— Сатс.

Молчит.

Я прищуриваюсь и вижу — она сидит на полу, прижимает к левой щеке обе ладони, от возмущения ее глаза сверкают. Хоть бы она вскочила сейчас и ударила меня.

Ну! Не дави в себе обиду! Ответь! Так будет честнее, чем мне пробовать извиниться.

Сверху стучат шаги, все громче и громче. Сатс на них не реагирует, по-прежнему сопит, молчит и сияет взглядом.

Зрение мое расслабляется. Снова темно. В руке больше не звенит.

— Ты! — бросает мне в спину пришедший стражник. — Пошевеливайся.

Поворачиваюсь. Это — тот, у которого щит залатан холстом.

Больших трудов стоит разлепить губы:

— Нас двое.

— Вождь сказал, только одну, главную. Тебя. Поторопись, он в большом гневе.

«Вождь, значит».

— Да, я на его месте тоже бы расстроилась, — выдавливаю я, заставляю себя разжать челюсти и говорю громче и четче: — Сатс, слышишь меня?

Молчит.

— Я скоро сама вернусь или добьюсь, чтобы тебя привели наверх.

— Ладно, — доносится тихое.

Жду, когда она начнет: «Но я все равно не пойду...». Однако она не продолжает. Видать, я врезала ей изрядно и что-то у нее в голове сместилось. Значит, потом она, если не станет мне помогать, хотя бы не будет мешать...

Мы поднимаемся. В редких светильниках трепещут огни, вокруг прыгают тени, и кажется, что стены дрожат. Воздух понемногу свежеет, но я этой свежести не радуюсь: не на праздник иду, не одарят и отдохнуть не дадут.

Двери, ведущие в зал, где меня недавно допрашивали старики, мы проходим не останавливаясь. Нам выше. Вскоре ступеньки начинают подло шататься под ногами, хотя я меньше и легче всех виденных здесь стражников. Этот, со щитом, топает следом. Ругается неразборчиво, оступается через раз. Мне приходится его ждать, пока он на цыпочках пролезет по балке у стены — да, дыра! неожиданно?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Последние два десятка ступеней даже я еле тащусь. На каждом шагу можно свалиться с непрочной лестницы в черноту. На самом верху лестницы двух ступеней нет вообще — рыхлый провал пересекает хлипкая досточка. Я перехожу по ней и останавливаюсь перед высокими притворенными дверями. За спиной стража моя гулко бубнит что-то насчет «покрепче» и крадучись спускается обратно.

Они тут что, ничего не чинят? Или в верхнюю часть башни так редко кто-то заходит, что не видят смысла поддерживать в рабочем состоянии лестницу?

Толкаю неподатливую дверь, переступаю порог — и передо мной комната столь скверного вида, что вспоминается далекое неживое болото и думается, что изнутри оно выглядит так же.

Стены и потолок облеплены не то тряпками, не то мочалами — серо-зеленые лохмотья повсюду. Только черный пол, отполированный до вида монолитной каменной плиты, свободен от этой отвратительной заразы. Из четырех крепких подставок, высотой мне по плечо, торчат пучки небольших факелов. Не дымят, но чем-то веет от них, я бы сказала, нездоровым.

Вдыхаю носом воздух — ничего себе! это лишайник! все лишайник! развели зачем-то по стенам, еще и жгут.

А тянет, а пахнет...

Сладковато и гниловато. На редкость неприятно, к воображению даже не подпустишь, не то что к носу. Нигде такого запаха пока не чуяла. А ведь наверняка не зря здесь все собрано именно так — поросль, источающая запах неясного мне назначения, и вождь местных, управляющий с высоты этой башни...

Вождь. Рядом с ним теряются все остальные собравшиеся. Кого мне рассматривать? Почтенных Тара и Борка? Они неинтересны даже плясками, которые они наверняка исполнили, пока перебирались над провалом по досточке. Двух стражников, лениво закрывших двери за моей спиной? Ничего отличительного ни в одном.

Зато во-ождь...

Он выглядит совершенно неуместно, а по отношению к осколку — даже неправильно. Здесь давно не летают птицы, от которых взяты яркие красные с зеленым перья для его огромного полукруглого головного украшения. Здесь уже не топчет землю зверь, отдавший свой мех, который теперь от длинношерстного воротника бежит тонкими рыжими полосками по огромному черному плащу и исчезает в больших складках тяжелой ткани. Полы плаща у ног вождя, как холмы у подножья горы. А здесь нет гор — все холмы, равнины, несколько длинных озер и неширокие реки.

Все в нем не к месту. Или место не к нему.

Чудится, будто человек, сидящий в кресле с высокой резной спинкой, всего лишь голограмма. Но вместе с этим щемит острое чувство — желание, чтобы голограмма ожила и посмотрела на меня. Он словно бы требует воплощения, и мне горячо хочется исполнить это требование.

Но его подведенные белым и черным глаза мешают принимать мое чувство всерьез. Они вообще все мешают принимать всерьез!

Из-за этих глаз, обрисованных широким, причудливым и что-то значащим узором, мне вспоминается, как когда-то, уже на старшем обучении, кто-то пошутил и добросил сотню крыс в одну из практических голограмм Мастеров. У меня, как и у прочих Основателей, хватило умения отличить одно изображение от другого, и потому нам было весело. А с

Мастерами творилось невообразимое!

И сейчас эти узоры и глаза!

Еще чуть-чуть, и я начну жмуриться. Напрягаются губы, дрожит в груди, и тащит что-то, тащит меня к радости...

Ну как тут удержаться и не поддаться?

Очнись, Инэн! Что с тобой? Ведь это — людской вождь с 5115-го. Это — тот сильный, кто здесь и сейчас решает и твою судьбу тоже.

Соберись. Приготовься договариваться. Вспомни про Сатс в подземелье! Она говорила тяжелые, но верные вещи. Твоя глупая легкость и шальное веселье не соответствуют положению...

Может, попросить его умыться? Интересно, какое у него лицо под этими рисунками? А волосы какого цвета под громоздким украшением?

Не успеваю я подумать обо всем этом или прищуриться-присмотреться, как он встает со своего кресла — и радость мою словно ветром сметает. Кто видел, как плывет в черной пустоте наша огненная Малая, с каким упрямством и мощью она держит подле себя все осколки старого мира со всеми его забытыми системами, проходами и защитами, тот сказал бы, что этот человек двигается так же.

Он очень высокий, гораздо выше всех, кого я здесь видела.

Яркая гора с красно-зеленым рассветным веером на вершине делает ко мне несколько медленных шагов. С каждым шагом черные холмы его плаща с рыжими меховыми прожилками шевелятся, натягиваются, пытаюсь не отстать. Я смотрю только на них. Со стороны должно казаться, что я не смею поднять взгляда.

Холмы плаща разглаживаются и натягиваются, и вождь останавливается так, словно плащ прибит к полу у высокого кресла и удерживает хозяина. Вцепился. Держит.

Я упрямо смотрю на подножье трона, и выпрыгивает дурная мысль: у него головное украшение из перьев шире дверного проема, а с учетом его роста — и выше. Интересно, как он выходит? Боком? А выходит ли вообще?

И все-таки, какого цвета у него волосы под украшением?

Вот ведь... бестолковая я!..

Поднимаю взгляд, чтобы взглянуть ему в лицо.

Он единственный, у кого не опущена борода — почему я сразу этого не увидела? Также, смотрящая в основание, называется...

Тогда по-другому. Вокруг его бровей змеятся черно-белые линии, но сами брови не закрашены. Он брюнет, темнее меня.

— Значит, ты старшая у Ходящих? — спрашивает вождь. Голос неторопливый, низкий, властный; так мог бы звучать сам осколок, обратись он ко мне из механической глубины золотой пирамиды.

Но я не так слаба, чтобы растеряться перед этой мощью. Слов найду, моргать не буду.

— Я старшая в паре. Но и надо мной есть старшие.

Один его косой взгляд на почтенных Тара и Борка, сидящих на низкой скамье, — и все понятно. Не разобрались, не уточнили, пришли с не-истиной.

Накажет?

Промолчал. А старики сжались и стали похожи на кур под дождем.

— Меня не должны были тревожить, — продолжает вождь, нарушив тишину. — Сейчас идет время почтенных. До моего времени еще много дней и ночей. Но пришла ты, и они с

тобой не справились. Расскажи, почему и зачем ты пришла.

— Значит, вы правите по очереди? — уточняю я. — А кто был у власти, когда появилось чудовище? Кто решил, что его надо не убить, а подстроить под него всю жизнь?

Мне в ответ — тишина. Понятно, у них не принято задавать вопросы вождю. А я тут лезу. Но мне никто копьём под колени не ударил, чтобы упала и впредь не дерзила. Значит, ещё поговорим.

Прищуриваюсь, чтобы узнать непроизносимое.

У вождя ничего, кроме его раскраски на лице, не подсвечено. Да и он сам не мог тогда быть у власти: по возрасту не подходит. Но — ага! — краем глаза замечаю, как почтенный Тар, до этого потиравший свои утомленные бегом колени, вдруг застыл без движения... Интересно, он сам тогда правил или просто знает, кто? Хотя нет, неинтересно.

Вождь не сводит с меня тяжелого взгляда. Он озвучил повеление, теперь ждет, пока я покопощусь со своими умствованиями и начну отвечать. Не думаю, что он поверит моим словам больше, чем тому, что ему уже сообщили старики. Но...

Сначала я вкратце рассказываю, что нас с моим Мастером из перехода позвал сам осколок. Вернее, я говорю: «Ваша земля притянула нас». Им так должно быть понятней, а меня это избавляет от разьяснения про переходы. Потом упоминаю, как один поворот мы просидели на берегу канала, потому что «Ваша земля оглушила меня — таким сильным было ее отравление». Вскользь о поселенцах болот — и вот тут надо ловко вывернуть на ядовитую свинью, заодно рассыпать обвинения, что некоторые довели свой народ...

Вождь смотрит сверху вниз, давит. Горло мое под его взглядом подло перехватывает, и я сбиваюсь. Разговоры и без того не моя сильная сторона, а тут еще... Он смотрит так, словно бы не слушает. Хотела пристыдить тех, кто наворотил бед, а почему-то стыдно самой. Не с радости же у меня щеки греются.

Еще что-то бормочу, кажется, про деревья, а сама чувствую себя хуже, чем перед своей Старшей, когда она мне напоминает что-нибудь о моих родителях. На всякий случай кашляю пару раз — может, подумают, что это я не растерялась вовсе.

Очевидно, увидев мое бедственное положение, вождь наклоняет голову к правому плечу. Огромный веер его головного убора скрывает от меня сидящих поодаль стариков.

Или это он хочет закрыть меня от них?

— Твое имя?

— Инэн, — тихо говорю я и снова покашливаю, будто и себя пытаюсь убедить, что дело всего лишь в пересохшем горле; пить мне здесь тоже давно не приходилось.

— Хэнэн? — переспрашивает вождь с придыханием.

Я поправляю его более четким голосом, заодно перевожу взгляд на зевнувшего стражника в углу.

И лишь сейчас замечаю еще одного человека — он сидит на маленькой скамейке у стены за высоким креслом. Похож на мешок. Скрючился, свернулся. Кажется, дремлет.

— Дело, по которому меня позвали, непростое... Инэн, — говорит вождь, чем заставляет меня сосредоточиться. — Мой народ защищал свое благополучие. Пришла ты и заявляешь, что мы лишь вредили себе. Ты, Ходящая, тоже защищаешь благополучие. Но сейчас мы заявляем, что ты нам навредила. Я спрашиваю с тебя за свой народ. Что ты ответишь?

Н-да. Просто уйти нам не дадут, нечего и заикаться.

— Едва только родится первый полностью здоровый ребенок, вы поймете, что мы

никому не навредили. Едва только вам станет тесно жить в этой деревушке и вы начнете возвращаться в брошенные поселения, вы поймете, что на самом деле для вас благополучие.

— Едва только наступит завтра, тебя и твою помощницу поднимут на копья те, кого вы сегодня оставили без еды и будущего.

— Разве не ты и твои почтенные должны обеспечить им новое будущее?

— А кто обеспечит тебе будущее без копий?

Тупик. Кажется, это понимает даже дремлющий у стены.

— Слушай меня, — тяжело произносит вождь после общего молчания. — Ты, старшая Инэн, помогаешь нам в беде, тобой же созданной.

— А если не помогаю?

— Тогда мы разбираемся сами. Без тебя и твоей помощницы.

Сказано это так, что я уже вижу голову Сатс, насаженную на копье. Хрустальные глаза не блестят, пепельные волосы слиплись от крови в бурые сосульки, ветер не в силах ими пошевелить. А что потом сотворит на этом осколке семья моего Мастера, когда узнает, где и кто...

Живот подводит — то ли от голода, то ли от страха. И тут же выпрыгивает спасительное: «Нет-нет! Ходящих не тронут! Никогда нигде не трогали и здесь эти угрожают только на словах и ради выгодного торга! Я без сознания лежала — побоялись приблизиться. Сатс увели — пошумели, но не прикоснулись. Нет, не тронут!»

Но почему так сухо в горле?

Сглатываю, немного прокашливаюсь — и тихо начинаю:

— Я не накормлю всех. Но могу помочь вырастить еду. Вернее, могу привести то, что вы будете выращивать.

— Откуда привести? — спрашивает Тар с оживленным интересом.

— Из того места, откуда к вам пришло... это... ваша кормилица.

— Ты приведешь таких же, как она? С таким же молоком?

— Нет. Наоборот, мы проследим, чтобы они не изменились по дороге. Изначально это хорошие животные — вот их-то мы и приведем. Ради мяса, ради шкуры. Посмотрите на свинью сейчас — она неприхотлива в еде, мясиста, не требует особого внимания... Где вы, кстати, ее оставили?

— Я приказал закрыть ее у стражи, — угрюмо отвечает Борк и глядит на вождя. — Про неприхотливость — правда. Она там съела два щита.

Вождь медленно отступает, не сводя с меня взгляда. Среди узоров мелькает в его глазах что-то, похожее на удовлетворение. Он опускается в высокое кресло, складки большого плаща занимают свое величественное положение.

— Значит, ты можешь привести животных, которые дадут нам мясо, — говорит он.

— Мы. Мы можем привести. Я и моя помощница.

— Как сильно она тебе нужна?

Как бы им ответить, чтобы не разжевывать?..

— Если в дороге животное не защитить с обеих сторон, оно сгорит до костей, и кости сгорят. С двух сторон защищают двое. Одна из нас и себя не сохранит, и свиней не приведет. Ни с чем останетесь.

Тут вскакивает почтенный Тар:

— Не верьте ей! Никого она не приведет. Что это за глупость про место, где полно животных из мяса? Как так? Разве там никто не живет?

— Я знаю, что там нет людей, — успеваю вставить я.

— Врет все! Живут там, где хорошо. Вот как мы живем здесь, а не где-то, где не было...

Вождь молча приподнимает руку, и старик замолкает.

— Там никто не живет, но животные есть... И с нами Ходящие, защитят с двух сторон... — прикидывает вслух Борк. — Ты можешь привести нас в те земли?

— Одна — точно нет. С помощницей...

Соврать?.. Рискну!

— С помощницей могу. По одному человеку. Но мы не будем отвечать за ваши жизни.

— Видите! Видите! — кричит Тар и тычет пальцем то в меня, то в лохматые стены, словно бы и их призывает посмотреть на меня с осуждением. — Она сама хочет уйти. И вторую свою увести. И не отвечать. А мы тут...

Хорошо, что, поскользнувшись на вранье, я могу кое на что опереться.

— В том месте, — продолжаю я, — когда-то случился мор среди людей. Животных он не тронул. Возможно, болезнь там еще осталась. Приведя оттуда животное сюда, мы прогоним болезнь по дороге. Но приведя отсюда людей туда, мы обречем их на эту болезнь. Такое не будет помощью.

— Болезнь точно осталась? — не сдается Борк.

— Точно неизвестно. Это можно узнать, только туда сходяв. На разведку. Для этого мне снова нужна моя помощница. Ходящие — всегда пара, мы защищаем друг друга.

Тар едва не захлебывается от негодования, готовясь обрушиться на меня. Он раскраснелся, даже, казалось, раздулся — и вот-вот взлетит над скамейкой.

Не глядя на него, вождь ведет пальцами, да и Борк дергает Тара вниз. Почтенный плюхается, выдыхает и принимается гладить свои колени, словно удерживаясь от того, чтобы меня хотя бы пнуть.

— Я понимаю ваше недоверие ко мне. На вашем месте я бы тоже не рисковала.

— Пусть кто-нибудь пойдет в те земли с Ходящими. На разведку. Вернется, сам нам расскажет, — говорит Борк и смотрит на вождя. Видно, что он очень хочет сказать решающее слово.

— Так опасности еще больше, — замечаю я торопливо. — Если болезнь еще там, то ваш «кто-нибудь» ее немедленно подхватит. Куда его девать? Там оставлять, чтобы он умер, или сюда возвращать, чтобы все заразились? Мы, помнится, решаем, как вас спасти, а не убить.

Но Борк не сдается:

— Ты сказала, что выгонишь болезнь из животного. Выгонишь ее из нашего человека?

— С людьми сложнее. Но если вы станете настаивать... Мы можем прогнать болезнь, но только потом за здоровье и жизнь вашего человека с нас не спрашивайте, — я показательно развожу руками.

Борк скалится:

— А из нашей земли болезнь выгонишь без сложностей?

— Нет. Если бы мы это могли, то очистили бы ваши земли до последнего комка грязи на болотах.

Почтенный Борк усталым движением гладит себя по макушке. Кажется, от долгих раздумий у него заболела голова. Но его еще хватает на вопрос:

— Тебе нужна твоя помощница, чтобы очистить нашу землю?

— Даже если таких, как я и моя помощница, будет сотня, мы не прогоним заразу с земли, — отвечая я, невольно проникаясь его усталостью.

— Мы живем на своей земле и ничего не знаем о тех землях, по которым ты ходишь, Инэн, — задумчиво произносит вождь. — И сейчас ты сама не все знаешь о земле, про которую берешься что-то решать.

Двусмысленность его слов мне понятна. И я говорю:

— Поэтому надо разведать. Мы с моей помощницей сходим туда и все разузнаем. Если там точно не будет для твоего народа опасности, мы переведем туда хотя бы часть людей.

— Она бросит переселенцев в болезни, а нас тут в голоде! — вскрикивает Тар.

Но его снова останавливает короткий властный жест:

— Почтенный Тар, я не делю мой народ. Даже на болота выгоняли не в мое время. Но раз уж вы меня сейчас позвали, то решать мне, а вам — только советовать... Каким будет твой совет, почтенный Борк?

Старик посопел, пожевал губами, пошевелил бородой. На этом запас мыслительных приемов у него заканчивается, и он, приуныв, произносит:

— Я сам помню, как жили не только у этой заводи. И понимаю, людям плохо, хуже... Многие лишь увидят небо, как сразу клади их в землю. Уже есть и такие, которые появляются без жизни... Все отравлено так, что притянуло Ходящих... Не они о нас заботятся, а сама наша земля. Она умирает, но просит нас... Хотя и они тоже о благополучии... — Он скорбно опускает голову и говорит: — Мой совет: Ходящие должны увести всех нас в земли, где будет еда и не будет болезней. И если им надо разведать...

— Нельзя! Отпустим их — не получим ничего. А то еще эти приведут других! И перебьют нас, — шипит Тар и взвизгивает на ноги. — Мой совет: не отпускать их никуда и никуда не ходить с этими...

— Я спросил твоего совета, почтенный Тар? — с тихой угрозой перебивает его вождь, и из-под черно-белых узоров на старика бросается суровая строгость. Даже Ала так не умеет указать другому его место.

Тар, которому, по видимости, предыдущие выкрики прощались, на этот раз побледнел и медленно опустился на свое место. Даже колени с испуга не скрипнули.

— Зря вы так сопротивляетесь. Иной помощи, кроме той, что предлагаю я, вам ждать неоткуда, — говорю я решительно, стремясь поставить свою точку в споре. — Или вам помогаю я, или вы сами по себе, а мы уходим!

«Стой, Инэн. Стой столбом. Стой шпилем с Первого, тогда не сдвинут...»

Вождь хмурится, задумавшись. Узоры вокруг его глаз соединяются в сложный рисунок.

И вдруг мешок за треном шевелится. Раздается приглушенное, низкое и упрямо протяжное «пр-р-р».

Еще воздух не наполнился тем, от чего хочется отвернуть нос вне зависимости, человек ты или нет, а я уже понимаю, что вся серьезность и опасность положения разлетаются в пыль. На застывших лицах открыто читается, как навалившиеся на этих людей беды решают, развеяться ли перед атакой непристойного запаха или попробовать еще помучить умы.

Пожалуй, только с моим лицом ничего не происходит, хотя возвращается желание, недавно плясавшее и спугнутое надвигающимся страхом за себя и за своего Мастера — желание улыбнуться и засмеяться.

Что с рисунками вождя, я не улавливаю — он отвернулся.

— Ах ты ж! Полопаться же можно! — вскакивает Тар и поднимает кулаки. — Старый ты...

— ...Фич, — продолжает за него Борк и расслабленно тянет в улыбке свой рот,

прячущийся под клокастыми седыми усами. — Старый он Фич.

Мешок у стены шевелится активнее, словно не только услышал возмущение Тара, но и чувствует, что сейчас все взгляды собравшихся направлены на него. Из тяжелых складок высовывается длинный сероватый нос, напомнивший мне, какими бывают крысы до искажения. Нос любопытно принюхивается, будто определяет, до нужной ли концентрации доведен воздух вокруг, сбежал ли запах дурманящего лишайника, встретив врага повонючей.

Потом наружу вылезает и вся голова — маленькая, лысая, если не считать редких волос на затылке. Тонкий рот с провалившимися губами кривится и выдает с покашливанием:

— Вот я тут сижу, никто не видит. Чего скажу, никто не слышит. Пить захочу, никто не нальет. А стоит мне...

— Есть ли совет от старейшего? — прерывает его насмешливое бормотание вождь невозмутимым и серьезным голосом.

— Да какой от меня совет, когда я вон... совсем... — кряхтит Фич и возится под своей накидкой. — Вы вон тут о еде... То молоко у вас в животе, то мясо на уме. А мне, что ни съешь, все на выходе одно... Что умею, того не жалею.

В доказательство он выдает новое «пф-ф», явно провокационное.

Вождь не реагирует, даже не отворачивается от старика:

— Я хочу услышать и твое слово тоже.

Старый Фич откровенно тянет время, посверкивая глазками поверх крысиного носа. Потом все-таки говорит:

— Раньше я пукал громко и бесстрашно, с наслаждением. А теперь все больше опасаюсь, теперь я стар и пукаю себе тихонько. Что еще делать, когда ты стар? Только тихо выпускать из себя воздух, побряхтывать и более ничем не тревожить мир. Пусть вон, — он дрожащей головой указывает на меня, — молодые им занимаются.

Его слова так смешны, что мне хочется даже поспорить, кто тут еще по чьим меркам молодой.

Но пропадает, тает напряжение...

А слово свое он сказал! И всем очевидно, что слово это не менее весомое, чем будет объявлено итоговое слово вождя.

Вождь ведет головой, оглядывая притихших на скамейке почтенных. На сером лице Фича блестит торжество, словно бы в тысячный раз он выиграл в одной и той же игре и всякий раз наслаждается победой, удовольствие от которой ему не приелось.

Да-а, кто еще тут старейший...

Старый Фич. Я что-то слышала про него еще в заводи, от своих охранников, бородатых и дураков. Он смотрит на меня. Его не интересует, как прислушиваются стражники к снова зазвучавшим крикам за стенами, как Борк осторожно косится на небольшое окно, желая узнать, что за ним творится, как Тар подвигается по скамейке ближе к дверям, хотя они сейчас заперты. Он сосредоточен только на мне. Он не спал и слышал все мои слова. И он продолжает:

— Наш пугливый и осторожный Тар...

Услышав свое имя, почтенный Тар застывает в скрюченной позе, застигнутый на самом краю скамейки.

— ...боится того, на что можно понадеяться, — скрипит Фич с покашливанием, в котором мне слышится хихиканье. — А совет мой... Ходящих всегда двое, и мы не хотим отпускать вон этих. Но про сотню таких, как они, не я сказал. Эти не могут всех нас увести

туда, где мясо. Тогда пусть придут сюда те, которые смогут. Пусть вон эти приведут сотню других.

Чего несут, бестолковые! Одни думают, что я приведу наших, чтобы местных перебить. Другие считают, что я приведу наших, чтобы местным помогать. А кто-нибудь, кроме меня, понимает, что я не приведу никого?

— До сколько вы умеете считать? — спрашиваю я, а в груди клокочет, рвется наружу злость и обида.

Молчат.

— Знаете ли вы, сколь много под звездами земель, подобных вашей, и сколь мало тех, кто занимается этими землями? Я не могу их изъять с их путей и привести к вам, к вашему народу, к вашим проблемам.

— Тогда сама ищи решение проблемы, если тебе так хорошо известно, чего именно ты не можешь! — обрушивается на меня вождь.

А старики послушно кивают, взмахами бород показывая, как они искренне согласны с громким суровым решением.

Взяли власть, но ума хватает, только, чтобы себя убивать. Загнали, заперли. И себя и меня... дураки...

В ногах вяло, и есть хочется сильнее, чем десяток вдохов назад. И еще жгучее напрашивается, лишь сил не хватает — топнуть, рывкнуть, чтобы встряхнулись, чтоб перестали торговаться, меняя глупость на обреченность!

Зрение у меня меняется — само, я не контролирую. Перед глазами плывут блеклые лица почтенных и грозят смазаться в одно пятно. Стражник с кривой медлительностью почесывает подмышкой, одинокой искоркой горит хитрый глаз коварного старого вонючки.

Встряхнуть. Всех. Встряхнуть, да так, чтоб...

Вдруг сокрушительно бухает в основание башни, но до третьего этажа докатывается только гулким эхом по полу и стенам. Снаружи нарастают крики. Внизу кто-то тоненько визжит.

Зрение возвращается, выравнивается.

Почтенные испугались и совершенно непочтенно цепляются за скамейку каждый со своего конца. Чешущийся стражник замирает.

Я не особо удивляюсь — что случилось-то? опять буйные главное здание приступом берут? плохо Тар их с балкона успокоил?

Но не Сатс ли это там визжала?!

Прежде чем успеваю настроиться и потянуться к ней, узнать, вождь, сведя хмуро рисунки своих глаз, встает с трона:

— Почтенные, вы все сказали, я услышал ваши советы, — говорит он, и голос его с высоты давит на всех, уменьшившихся от испуга, и на меня, низкорослую, заодно. — Стража, спуститесь на площадь. Велите разойтись по домам. Передайте, ночью надо спать, а не кричать на своих почтенных... Ходящая остается.

В ушах моих шумит, словно здесь не душный воздух запертой комнаты, а лихой ветер перехода. Я прикрываю глаза — мне надо успокоиться, сделать вдохи более редкими. Немножко потянуться и — да! — услышать Сатс.

«— ...бы этому Тэви сам отдал?

— Я привык. Но сестра у меня....»

Хорошо, это хорошо. Значит, в темницу вернулся подслеповатый сторож, и у моей

молодежи есть компания. Еще лучше, что Сатс с ним общается. Всем на пользу, ведь она в разговорах посильнее меня. Она вообще во многом сильнее меня...

Открываю глаза и на остатке тягучего взгляда и слуха подмечаю, что на третьем этаже башни не осталось ни стражников, ни советников. Только мы с вождем. Даже Старый Фич куда-то упукал. Ох, да что ж это я? Никогда так не думала. Хотя тут многие стараются копировать этого вонючку... На этом отравленном осколке, пожалуй, мне придется подражание Старому Фичу считать верным признаком потери разума.

— Нам с тобой, вождь, надо поговорить самым откровенным образом и понять друг друга, — заявляю я в тишине.

Молчит. По колыханию перьев его головного убора улавливаю, что он чуть кивает.

— Как тебя зовут, вождь?

— Т.

— Т? Тебя зовут Т?!

Примеряю это имя ему так же, как когда-то примеряла имена Малой звезде.

— Емко, что тут скажешь. И тебе идет... Но твое имя нельзя прокричать. Как тебя позвать? Как сделать, чтобы ты услышал из своей башни?

— Я вождь. Мое имя — обращение. Незачем кричать то, что положено говорить с придыханием.

— Т, — повторяю я, а губы мои просят улыбки: теперь понятно, почему я для него была «Хэнэн». — С придыханием.

— Не своди все к тому, что меня боятся, — говорит вождь смягчившимся тоном.

Но его взгляд тверд и ярок. Он бьет, как порыв ветра в переходе. А рядом — никого, никакого плеча. Я одна в этом космосе. Все, что ударило в меня волной его взгляда. Все, что осталось во мне от этой волны. Все, что отозвалось по самой моей природе...

Точно, природа! Такая сила не берется ниоткуда. Как-то должна была достаться!

— Твой отец тоже был вождем? — спрашиваю я, забыв, что непочтительна.

— Нет, — спокойно говорит он. — У нас передают детям только кровь и дом.

— Тогда как ты обрел власть? Какой силой доказал, что можешь править?

Он делает от трона ко мне длинный шаг и смотрит сверху вниз — словно бы мальчишка заглядывает в колодец, про который говорят, что там живет чудовище, ворующее детей, и вот он пришел его победить. Потом ведет головой в странном движении: медленно крутит надо мной носом, как бы принюхиваясь, но не слышно, чтобы он втягивал воздух. Наверное, это просто привычный жест уставшей шеи, постоянно держащей вес тяжелого головного украшения.

Наконец он чуть прикрывает свои подведенные глаза и в тихой задумчивости произносит:

— Кто, как не Ходящие, может спросить с меня о моей силе и потребовать доказательств? Перед кем, как не перед Ходящими, мне держать свой ответ?

Да чтоб рассыпалось!.. Я ведь так толком и не знаю, что именно на этом осколке известно о нас! Кому только в голову пришло про меня сказать, что я из лучших, когда я по глупости через шаг иду вслепую?

И вдруг:

— Улыбнись!

Вздрагиваю и рассыпаю свое раздражение, теряю, не понимаю...

Что? Что он хочет?

— Улыбнись же, — давит вождь, нависая надо мной, становясь шире, и даже стены будто бы сжимаются, а жуткий плащ из вымерших животных сейчас оживет и бросится на меня, наверняка у него где-нибудь когти!

— Я... я не улыбаюсь... Мое лицо... Я не считаю себя красивой, когда улыбаюсь. И смех мой мне не нравится. Он громкий. А я не люблю громких звуков.

Он расслабляется, отодвигаясь на пару ладоней — и я уже могу дышать ровнее. Все становится на свои места, стены держат мягкие границы, плащ прирученным зверем обнимает хозяина. Ко мне возвращается спокойствие и собранность.

— Я ценю твою откровенность, Инэн из Ходящих. Я отвечу тебе и тоже буду с тобой откровенен, — начинает он тихо, а потом переходит почти на тайный шепот. — Мне всегда было тесно. Я сначала ждал свободы, потом искал ее. Видел свободу в удовольствии, в наслаждении, в умении жить... Много чем разжился сам, не дал разжиться другим...

Его голос становится тягучим, как смола, но смола с примесью искусственных загустителей. Пожалуй, я сама иногда говорю так же, выбирая каждый звук, понимая, что многое наигранно.

— Потом надоело, искал уединения, видел в нем что-то важное. Много бродил, был в опустевших поселениях. Далеко отсюда есть огромное озеро... жил я и там, на краю земли.

— Ты видел именно край?

— Там загибается и не пускает... Я проверял... Едва выплыл... Думал, конец земли — и мне конец... Однажды понял, что ждать мне нечего, а искать то, что искал, больше не хочу, потому что все оно — бегство и на самом деле слабость. Верну-улся...

Гипнотический, низкий, плавный... оборачивается вокруг меня плотными змеиными кольцами. Сжимает. Доверившись мне из-за веры в нашу силу или по иным причинам, все же остерегается. Стремится пленить меня, заточить, срastить с удушающим лишайником на стенах...

Прикусываю губу изнутри, чтобы сбросить наваждение.

Помогает.

— Вернувшись, ты сразу понял, что с твоим народом что-то происходит?

— Мне было что понимать?.. Я сам другой жизни здесь не знал. Не знал, что мы можем выращивать еду, а для себя прежде ловил рыбу, в заброшенных поселениях ел что росло... Не знал, как назвать, но откуда-то догадывался, что можно есть. Наверное, слышал когда-то... О пище не из воды и о Ходящих мы сохранили память. Только память...

«В обоих случаях сомнительная».

— ...кружила все чаще вокруг того, что видели здесь мои собственные глаза. Позже я все-таки разглядел кое-что. И горячо захотел защитить людей от болезней, которые их истощали при сытости, от смертей, поджидающих даже младенцев... Когда понял, что хочу их уберечь, я ощутил в себе огромную силу... Другие тоже ее ощутили, что сделало меня еще сильнее.

Тело мое против воли дергается вперед, а с языка едва не слетает: «Я тоже! Тоже ее ощутила!» Но я замираю, переношу вес обратно на пятки и плотно сжимаю рот. Не обо мне сейчас.

— Меня выбрал Старый Фич. Тогда он был вождем.

Я кошусь туда, где недавно сидел за тронем старик:

— А сам он на тот момент уже осознал, что оставляет в наследство преемнику?

— Что знал Старый Фич, не скажет даже он сам, — говорит вождь, и мне слышится в

его медленном гулком голосе трещинка доброй иронии. — Он передал мне не кровь и не дом, но много большее. Ни в одно из его времен не было вражды или голода. От меня требовалось немного — я продолжил, сохраняя его правила, удерживая его манеру, не ссорясь с почтенными... Но постепенно стала давить... неизменность. Вернее... Меня чуть с башни не сбросили, едва я спросил, почему наша кормилица не стареет, когда у всех, кто возле нее по заводи мальчишками бегал, уже туман на головы прилег.

Не сразу, но до меня доходит, что это он о седине — одном из маркеров жизни на осколках.

Одна-ако. Не слишком ли?.. Он — единственный из людей, кто пришел к мысли, что искаженные не стареют. Среди наших сотню оборотов потратили, чтобы только начать присматриваться и фиксировать наблюдения!

— Не сбросили тебя, значит, — замечаю я. — А сейчас и вовсе подрагивают, стоит тебе косо взглянуть... Из твоего правления выходит, что ты народу свою силу особенно не показывал. Однако они ее чувят и подчиняются.

— Что ты хочешь сказать?

— Принял что было, а было в порядке. Порядок поддерживал по правилам, правила не ломались.

Молчит и хмурится. Злится? Ох, эти рисунки!

— Ты ощущаешь в себе силу, но еще никак ее не проявлял. Твой народ ее тоже не видел. Значит, ты и твой народ доверяете тому, чего не знаете, — продолжаю я вкрадчиво, но стараюсь сделать голос таким, чтобы в нем не было и намека на лесть и искусственные подсластители. — У Ходящих свои силы, и нам тоже не обязательно размахивать тем, чем мы сильны. Может, вы доверитесь нам в том, чего вы не знаете?

— Разве я и мой народ то же самое, что вы и ваши силы? — с непониманием спрашивает Т. — Разве вы подобны нам?

— Не то чтобы... да, разница немалая, — заминаюсь я, признавшись себе, что то, о чем он спрашивает, вовсе не то, к чему мне бы хотелось его подвести.

— Объяснись, старшая Инэн.

— Это ты объяснись, вождь Т! — кажется, от смущения и заминок я наглею. — Ты спрашиваешь с меня, но сам же держишь передо мной ответ. Память на этом берегу сохранила уважение к Ходящим, но некоторые из почтенных готовы в меня плюнуть. Посыльный из башни вообще не знал, кто такие Ходящие, но на мертвых болотах нас встретили так, словно мы — спасение. Я миролюбиво слушаю ваши препирательства, но вдруг я могу жестко приказывать?

Вождь наклоняет голову набок.

— Можешь, — говорит он, делает несколько шагов к узкому окну, обрамленному лохмотьями пятнистых мочалок, вслушивается в возмущенные крики собравшихся на площади, а потом добавляет с нескрываемой усталостью: — Приказывать ты можешь.

«Но не рассчитывай, что приказ отпустить вас исполнят», — мысленно продолжаю я и с досады поджимаю губы.

— Очень порывистый и эмоциональный у тебя народ. И очень противоречивый. Одни в ноги нам падают, другие хотят уронить наши головы к своим ногам. Разум потеряли, сами заблуждаются и других вынуждают заблуждаться... Трудно такими управлять?

— Они не понимают своего положения, — отвечает он тихо, наблюдая за чем-то снаружи. — Они грозят вам, но делают хуже себе. Они потрясают копьями, на которые

насажены их собственные головы.

— Тогда обезоружь их, — предлагаю я на остатках решительной наглости. — Твои старики трусливы. Твои люди разозлены. Никто ничего не соображает, а если сорвется, потом первый же начнет сожалеть. Сейчас даже Фич, бормочущий о своей дряхлости, умом бодр и смел. Будь самым мудрым. Прислушайся к его совету. Доверься нам и наберись терпения.

— Довериться вам и набраться терпения...

Он повернулся, молчит и смотрит на меня безотрывно. Ужасно неуютно под этим взглядом, и мне не остановиться:

— Я понимаю свое положение. Почтенные не доверяют нам, забываясь и теряя мужество перед лицом беды. Люди жаждут наказать нас, немедленно, хотя знают, что они не вправе нас тронуть. Но если сейчас все поддадутся своему нетерпению, то придут еще Ходящие. Придут, готовые к расправе. Что вы им ответите, когда с вас спросят про нашу пару?

— Ты испортила нам жизнь, а теперь угрожаешь? — спрашивает вождь. Он невозмутим, как шпиль на Первом — и того, и другого можно уговаривать дать пройти с одинаковым результатом.

— Да, мы тоже виноваты... — оправдываюсь я, что добавляет растерянности и тут же нового раздражения, нового желания доказать: — Но ведь мы пришли на зов! Пришли потому, что жизнь до этого испортили вы! За время правления ваших почтенных вы свалились с этой кормилицей в деградацию и вымирание. Именно из-за их ленивых решений...

— Почему только из-за их? Я тоже соблюдаю интересы своего народа. Также стремился бы к сытости своих людей не меньше, чем они. У почтенных были причины устроить нашу кормилицу в заводи, построить сушку. Разве у меня были причины уничтожать ее или разбивать их решения?

— Сейчас ты знаешь и понимаешь больше своих почтенных. Ты рассудителен больше, чем они. И тогда ты сумел бы усомниться в том, что выглядело слишком очевидным. Для тебя благополучие было бы не таким простым.

Его рисунки чуть меняются, между черно-белыми линиями появляется немой вопрос: «Это еще почему?»

Поясняю негромко:

— Именно ты, а не они, заподозрил, что с ней что-то не так, что время идет, но словно не для нее. Ты сам даешь повод думать о тебе, как об умном и сильном... А мне от этих мыслей становится спокойней и уверенней.

— Если дело только в твоих мыслях, то ты обманываешь себя. Спокойствие и уверенность следует искать в себе, а не в том, что приписываешь другим!

Его слова с такой силой отдаются во мне, что сердце задрожало.

Искаженным эхом прошлого звучит в голове тихий голос моей Старшей: «Ты из тех, для кого их сила не в них самих, а в единстве с другими». Хорошо, что всего лишь эхо, а не она сама сейчас здесь. Очень бы мне не хотелось оказаться в обществе этого вождя и Алы одновременно. Если каждый из них так меня затыкает, то вместе они бы меня наизнанку вывернули.

Их речи тянут меня в разные стороны, рассудок мой потрескивает.

Что-то такое... Что-то, с некоторых пор оставшееся занозой.

Да-а... заноза...

Сейчас кажется, что она тогда врала, говоря со мной обо мне. Ей надо было заставить меня взять новенькую. А этот сейчас не врет, он видит правду и откровенен — и ему я верю.

«Тебе следует искать...»

Нет, не следует. Уже засияла надежда — нашла! нашла! его, рожденного среди слабых!

Теперь бы добраться до Первого и сказать — бросайте все...

Точно! Да! Так я их сюда и приведу! Они захотят забрать к себе того, кого давно искали. Значит, для гарантий и для цепочки отправится сотня наших, не меньше. Может, даже кто из Старших... Ох, Фич! Не в основание, но в будущее смотрел старейший, когда хихикал про вон этих и сотню других.

Рвануть к углу сейчас? Прямо из башни?

— Надо набраться терпения, в нетерпении прячется слабость, — шепчу я, прикрывая глаза.

«И довериться», — эхом вторит мне низкий шелест.

Что это? Вождь произнес или мне показалось?

— Я прикажу отвести тебя к твоей помощнице. Темница сейчас для вас безопасней, а для моих людей так спокойней.

— А сам будешь решать?

Молчит. Молчит — упрямый, твердый, высокий. Молчит — гора на равнинном осколке!

— Пожалуйста, решай быстрее, — прошу я негромко. — Не только у вас беда с едой. Вы хоть остатки находите, а я к вашему яду только прикоснусь — сознание теряю. Другую еду добыть вы мне мешаете.

Его рисунки стали больше — это брови поднялись.

— Ты серьезно целый поворот думал, что ваша беда никак меня не касается?

— Я был уверен, что ты хочешь бросить нас в беде больше, чем хочешь нам помочь, — говорит он, и я впервые слышу в его голосе вину.

— Ходящие, которые сохранились в вашей памяти, поступили когда-то подобным образом? — вспыхиваю я обидой, не разбираясь, за себя ли, за своих ли. — Из-за их прошлой подлости вы теперь так нахально со мной торгуетесь?

Он не успевает ответить. Распахиваются двери — и вождь освобождает меня от своего тяжелого недоумения.

На пороге стоит стражник с залатанным щитом и сбивчивыми новостями, что он совсем обнаглел, и пять семей причальных пошли к нему разбираться, а женщин почти всех развели по домам, еще с того берега приползли, но на мост не лезут, на них покричали для острастки, но уже темно, не видно, может, уползли...

Совсем без ума. И я с ними скоро такой же стану. Застряла тут...

Ох, права была Крин. Зачем вообще нам работать, если можно только или устать, или спятить? Хотя нет, она имела в виду что-то другое и как-то по-другому.

Пока я под надзором спускаюсь в подземелье, размышляю, кто тут еще такой важный, про кого говорят «он» без имени? Может, я снова ошиблась, и не с болот надо было начинать осматриваться, не с заводи начинать работать, не с башни начинать договариваться...

Мимоходом успеваю потянуться на площадь и услышать, что, да, люди по большей части разошлись, но осталось несколько десятков человек. Хилые костры, напряженное внимание... Сторожат тех, кто сторожит нас. Тоже не доверяют.

Злые все какие! Голодные и злые!

Отличаюсь ли я сейчас от них?.. Они прорываются в одну сторону, я бросилась бы в другую. А все одно, друг по другу.

Подслеповатый сторож отсутствует. На столе свеча почти догорела. Я тушу ее мимоходом — мне свет не важен, а стражник быстрее уйдет наверх под светильники. И он уходит. Дождается, когда я направлюсь к решетчатой двери, спотыкается о первую деревянную ступеньку, бухает своим залатанным щитом, не выдавшим бой за время спокойной жизни, — но уходит наверх, оставив нас без присмотра. Он наверняка решил, что мы не представляем угрозы и вообще непонятно, из-за чего такой галдеж и суета вокруг нас.

Сатс дремлет, привалившись к стене. Вот юность! Все ей нипочем!

Коварство мира: та, кого направили идти по моей голове, попыталась доказать мне, что нехорошо ходить по чужим головам. И доказала! А теперь спит нахально, с чувством достигнутого и выполненного долга. С сытой совестью спит.

Присаживаюсь рядом, прислоняюсь к теплому боку Мастера и к холодной земляной стене нашей тюрьмы. И нашего убежища.

Интересно, а местные как быстро раздавили бы нас, дай им кто возможность? Нет, воли им не надо. Среди них легко найдется пара человек, которые раскачают толпу криками «Чего стоите, дураки?» Бросились бы, расшиблись бы. Тут я не волнуюсь.

А вот если бы мы пошли лоб в лоб? Если были бы подобны?.. Если развернуться, подхватить, направить на опасное, на подсвеченное розовым... слабое всегда видно...

— Вернулась, значит?

Вскидываюсь на голос, на тон, на дивное ворчание — «Крин, ты?»

— Ты?

— Я это, я, — отзывается Сатс и держит меня за плечо. — Не сомневалась, что ты откажешься от затеи все бросить.

Я заснула? Надолго?

Тру ладонями лицо, с неприязнью отмечая, что пропахла сладковатым запахом дурманящего лишайника. Умыться бы.

— Сторож опять куда-то унесся? — спрашиваю я и, поднявшись, выхожу за решетку, к столу.

Сзади под локоть вьюном лезет горячий вихрь. Искра — и огарок свечи на столе уже держит над собой маленькое пламя.

— Береги силы, Мастер Сатс.

— Надоело в темноте, — говорит она, тоже выходит и садится на единственную скамеечку. — Скучно.

— Скоро мы со скукой попросаемся. Так что наслаждайся, пока спокойно и можно никуда не ходить.

Она выпрямляется и становится само внимание:

— Ты до чего-то договорилась с ними?

— Хотелось бы в это верить. И еще в то, что ты не будешь больше сопротивляться и устраивать истерики.

— До чего договорилась?

Ну, хоть не торгуется, как те, которые из меня последние силы вытянули, дураки...

Ох, да что ж это я уже?!

— Я предложила им, чтобы мы с тобой отправились на 370183-ый и с его ферм привели

сюда новых животных, — говорю я, потряхивая небольшой кувшин со стола.

Кувшин пустой.

— Со мной? — она тарашится, как недавно на молнии в первом переходе. — Со мной?

Привели?!

— Не трепещи, я тоже никогда еще с третьим не ходила.

— Как же мы им поможем, если сами, неумелые, сгинем?!

— Не кричи. — Я отвлекаюсь от поисков воды, наклоняюсь к Сатс и, помучив ее паузой, продолжаю: — Моя... наша Старшая сказала мне недавно: «Сила не в том, чтобы помогать. Сила в том, чтобы сохранить». Мы сохраним. И даже более того. Мы приведем сюда наших. Вернее, они сами сюда рванут, едва только узнают, что тот, кого мы ищем... Ну, ты понимаешь... Что он — вот здесь. И он найден. Понимаешь — най-ден.

Она сначала смотрит на меня, не веря, приоткрыв рот. Длинные волосы гибкими волнами застыли на ее плечах — красиво, как у статуи, которую я видела однажды на ныне закрывшемся...

Потом все приходит в движение, рассыпается — Сатс моргает, всплескивает руками и восклицает:

— Хороший ход! Но как же... Ведь надо будет предъявить! Ты же понимаешь, назвался крысой — жди кота.

— Рада, что ты не забываешь ученических шуток, Мастер Сатс.

Это чудо набирает воздуха, чтобы продолжить бурную речь, но отвлекается, сбитая:

— Каких шуток?

О как! Слова запомнили, а историю уже забыли. Что они там на Первом сохраняют вообще?

Я могла бы ей рассказать про то глупое и страшное приключение двух природных врагов, но сверху раздается эхо гулких шагов.

Тянуться не надо. Чем-то острым, жадным, чем-то новым я чувю — это не сторож, это не стражник. Это спускается к нам тот, кто уже много оборотов никуда не спускался.

Он возникает на границе света и словно бы стремится заполнить собой всю темницу. Кажется, что круги силы расходятся от него в ритме биения его сердца. Это тяжелое бух-бух-бух катится перед ним, доходит до нас с Сатс. Но мне уже знакомо, как начинает шуметь в ушах, а мой Мастер теряется, цепенеет и, распахнув рот, взирает со своей скамеечки на высокого могучего мужчину. На щеках ее зажигается румянец, а в зрачках заплясали еще два огонька от свечи.

Ай, плывет молодежь!

А ведь это он еще не в полном официальном виде. Сейчас нет огромного головного украшения, нет большого плаща, который, если на меня набросить, я не то чтобы пройти, вылезти из-под него не смогла бы без чужой помощи. Черная длинная рубаха натягивается при вдохах на его широкой груди. Большие сапоги с рыжими меховыми вставками похозяйски ступают на землю тюрьмы.

Рисунки на месте, но по тому, как опустились и помутнели белые завитки во внешних уголках глаз, догадываюсь, что это не татуировки, а нарисовано. Наверное, утром подведут, чтобы свежий взгляд...

Я смотрю ему прямо в лицо. Он не отводит от меня взгляда, хотя мог бы поинтересоваться, что за вторая из Ходящих.

А та-а!..

«Рот закрой!» — хлещу я коротко, и мой Мастер улавливает не мысль, но настроение. Медленно подтягивает челюсть и придает себе кое-какой солидный вид. Вроде даже успокоилась, поняв, что нам будет что предъявить, когда придет сотня котов.

— Не спится или нас хочешь постеречь? — интересуюсь я самым пустяковым тоном.

— Сейчас люди увидели дно у своих бочек и корзин, — отвечает он невозмутимо. — Они злы и напуганы и не слышат даже себя.

Киваю. Значит, все-таки мы тут застряли, и вскоре придется пробивать землю. С риском увязнуть, конечно, но на несколько ударов сил хватит. Иначе не выберемся, что бы там Сатс ни вещала про результат, и пусть даже от меня не будет в этом пробивании никакого толка. Никогда я не пробивала даже одного роста, всегда это делала Крин; ведь если в паре полукровка, то полному силы приходится тянуть за двоих.

— Плохие новости ты принес. Что, если я сейчас схвачу свою помощницу и...

Он делает шаг влево от выхода на лестницу и плечом упирается в толстый прут решетки:

— Я помню, что не стоит вынуждать Ходящих прокладывать путь. Они могут проложить его под корень.

— Ты помнишь больше, чем твой народ, — говорю я, чувствуя, что его слова гасят во мне раздражение, словно бы ведро воды на свечу вылили.

— Я больше храню, и в том тоже моя сила и власть. Какое бы решение я ни принял, ему подчинятся... Меня не станет — ничего не изменится... Всегда будут те, кто ищет сильных, кому можно довериться. Всегда сильные ищут тех, кто в них верит...

И когда я снова в плену этого обволакивающего голоса и готова одернуть себя — «Прикуси губу!», — он напоминает четче:

— Мы говорили о разведке.

— Разведке? — едва слышно встречает Сатс.

— Да, на трехсоттысячный, я же тебе говорила, — торопливо отзываюсь я, — осмотреться, понять.

— Но сейчас они не пропустят вас никуда. Даже если почтенный Тар сам возьмется проталкивать для вас дорогу локтями...

— ...или коленями, — замечаю я.

Вождь роняет весомо:

— Я решил. Я отпускаю туда одну из вас.

— Одну? — охает Сатс.

И смотрит на меня с таким выражением на бледном лице, что я понимаю — она уже назначила остающуюся.

Не успеваю я повторить упрямо, что Ходящие всегда пара, как она прибавляет:

— Значит, одну. Я-то точно сгорю, а ты ведь уже ходила без Мастера.

Вот ведь трепло! Кто просил лезть! Врезать бы ей второй раз, пусть я и раскаялась за первый. Врезать бы так, чтобы рот распух и не открывался!

Черно-белые узоры вождя перекашиваются. «Даже так?» — осведомляется его изогнувшаяся правая бровь. Сам он выглядит серьезным, ни тени насмешки или негодования не промелькнуло на его резком лице. Но когда он начинает поворачиваться к моему Мастеру...

— Не хочу так, — вырывается у меня шепотом.

Они оба замирают, будто голограммы кто-то поставил на паузу.

Невероятно разные, но кое-что у них сейчас одинаковое — взгляд.

Одинаковое и знакомое.

Так смотрела Крин, еще на 15-ом. В ее глазах были сомнение и вера одновременно. Попробовав завести со мной разговор о сокровенном, она рисковала, но рискнула.

И эти сейчас тоже...

— Не хочу!

— Тише, — строго говорит вождь.

Непроизвольно тянусь вверх по лестнице послушать. А в груди протест — он мне указывает! будто он может указывать Основателю!

Вождь делает широкий шаг вперед, надвигается, теснит меня твердокаменным плечом. Скрип отодвигаемого им стола кажется визгом стаи потревоженных мышей. Свеча трясется, дрожит, едва не падает в глиняную плоску. Тени мечутся вместе с моим сердцем. Неподвижен лишь взгляд Сатс, приклеившийся к вождю.

Он носком сапога несколько раз стучит по стене. Слушая, как гаснет звук легких ударов, хмыкает недовольно — и бьет правее. Там трещит и отзывается с готовностью перехода — приблизься, само откроется. Несколько кусочков стены с сухим шелестом падают.

Я подхожу, присаживаюсь на корточки:

— Там пусто?

— Замазано глиной, но под ней решетка, — говорит вождь. — Там лаз наружу. Где точно он заканчивается, я не помню. Если ли обвалы, не знаю. Но площадь минуешь, а дальше сама.

— Поня-ятно... Сатс, — начинаю я, но тут же осекаюсь.

Более опытный Мастер сейчас превратил бы эту глину в пыль, продул бы лаз насквозь. Но Сатс, с ее юными масштабами, если развернется... Она справится, конечно, но нас всех по стенам размажет.

— Что?

— Ничего. Дай скамейку, пробью.

Вождь хмыкает еще раз, уже насмешливо — и с размаха ударяет ногой! Его сапог до пятки уходит в проломленную стену. Треснуло, осыпается. Он немного двигает ногой, расширяя.

Нора подмигивает сплошной чернотой и сырым вязким запахом трогает меня за лицо.

— Иди.

Бездумно протягиваю руку, выламываю хрупкую глину, гнущиеся отяжелевшие прутья. Заскорузлый проход уже достаточен, чтобы я пролезла.

Чего я жду? На что решаюсь?

Все можно исправить, говорят Мастера. Не все можно вернуть, научилась я, Основатель.

«Если что-то ломаешь, то как было, уже не будет», — вздыхаю про себя, а вслух, не поворачиваясь, бормочу:

— Сатс, мне сейчас действительно придется уйти. Но ты не отчаивайся. Я непременно вернусь за тобой, и у нас еще все будет впереди... Ты ведь никогда не ела улиток. А на 15-ом такие куры.

— Я вовсе не отчаиваюсь, — говорит она с недоумением. — Чего это ты с улитками и курами? Тебя послушать, так мне больше думать не о чем, кроме как поесть!

Встаю. Маленький шаг в сторону — подошвы давят осыпавшуюся сухую глину. Поднимаюсь на цыпочки, чтобы быть выше, чтобы стать грозней.

— Смотри за ней, — шепчу я. — Смотри так, как ни за кем никогда не смотрел.

— Не сверкай своими каменными глазами. Мне приходится довериться тебе, а тебе — мне... Теперь иди. И возвращайся с хорошими новостями.

Уточнить бы, какие именно новости сочтут хорошими и не начнутся ли новые торги и препирательства. Но не надо больше задерживаться. И так уже...

Сатс ловит мой бегающий взгляд, кивает и еще чуть рукой ведет, словно Старшая отправляет свою ученицу.

Вот ведь!..

Я просовываю голову в сырую нору. Края торчащих прутьев и ломаной глины царапают куртку. Чуть вперед — на затылок противно осыпается земля. Значит, надо пригнуться, значит, надо осторожней. Значит, нельзя думать, что лазом долго не пользовались и я могу упереться в завал.

Но пока вперед. Ползком, локтем, подтянуться, и ботинком, чтобы быстрее, быстрее отсюда.

Перепачкалась я сразу — дальше только налипает, цепляется, наваливается.

Пыль залетает в нос. Хочу откашляться — во рту уже земля. Везде земля.

Дышать так трудно, что я несколько раз вспоминала про оставленную в темнице сумку, про оставленную в сумке маску... Или я маску потеряла раньше? Не помню. Боюсь так, что не помню, где мои вещи. Боюсь так, что не помню, сколько я проползла в тесном мраке.

Лишь бы это не было тупиком!

Я ведь здесь даже не развернусь; как в переходе, только материальное... и двигаться лишь прямо, нельзя выбрать не то чтобы средний путь, вообще выбрать нельзя.

Как крыса в норе, как крыса... Потом выбросит. Вылезу, искаженная, буду пищать и мучиться.

Но сейчас только одно — локтем, подтянуться...

А если лаз ведет вниз, я доберусь до самых пирамид?!

Локтем. Подтянуться.

Нет, лишь бы не тупик...

Вдруг замечаю, что меня уже гладит по голове ночной ветер. Оказывается, я не только вытолкала встреченный большой пучок нарощей травы, не только вылезла наружу, но даже на один рост отползла от выхода: от дыры в земле у основания какого-то дома.

Трудно двигаться и дышать. За глоток воды я согласилась бы вытерпеть еще десяток разговоров с местными. Далеко ли до реки?

А можно ли мне к реке? Ведь заметят!

Меня вывело к углу каменного дома, двор за моей спиной пуст и тих. Я тянусь и прислушиваюсь по кругу. Площадь улавливается справа и сзади.

Выбрать направление к краю несложно, но мне сейчас приходится в три раза дольше и глубже дышать, в пять раз цепче слушать. Получается плохо. Мешает слабость и требовательное желание усесться возле этого забора, признать, что я устала и никуда больше не пойду, тем более одна. Далеко не уйду. Никуда не уйду.

Нет! Я сама разберусь, как я уйду!

Они думали, я слабая? Они в изоляцию меня хотели?!

Зря хотели!

Ближайший выход — за каналом. Но туда нельзя. Откроется, зальется, провиснет — одна дорогу не удержу.

Значит, правее.

Встаю. Кажется, будто дрожит земля, но, скорее всего, это у меня трясутся ноги.

До угла с переходом далеко, но когда взойдет над этим осколком Большая, меня здесь уже не будет.

Между тесными домами я двигаюсь осторожно, хотя хочется рвануть, побежать. Дальше, минуя темные маленькие хижины окраины, иду быстрее. Когда из-за последнего забора мне вслед шелестит низенький куст, уже мчусь бегом прочь.

Над заводью могут попасться на пути те, кто дежурит на берегу... Никого?

А тут, за плоскими холмами, где раньше телеги грузили, оправляя на сушку... Здесь тоже как вымерли?

Или кто-нибудь встретится на равнине, где поперек моего пути выкопана цепочка больших глубоких ям, в одну едва не сверзилась? Пусто. Накопали и бросили!..

За равниной с ямами тянется небольшой лесок, а в нем — угол. Когда-то я задерживалась перед уходом с осколка. Сейчас тороплюсь, как только могу.

Сбоку небо уже наливается холодным желтым. Большая приближается, но почти весь осколок остался позади, и мне уже нестрашно, я уже не боюсь. Я собрана, спокойна и решаю, куда мне идти — на Первый или на ферму. Вождю дала понять, Сатс внушила, будто знаю. А сама не знаю ведь совершенно.

Но куда бы я ни направилась, я-то дойду, доберусь, узнаю все, вернусь — а вы только попробуйте мне тут не продержаться!

Надо мной проплывает темно-золотая пирамида 249-го. Верхушкой она указывает на меня. Смеется, издевается: «Смотрите, смотрите! Вот снова без своего Мастера идет бестолковая Инэн!».

Шаг ответный

Когда я вывалилась на Первый, мне было так плохо, что казалось, будто сотня искаженных крыс напала на меня и уже съела. Ни тела, ни рассудка. Ни сил, ни мыслей.

Сейчас я проснулась и лежу в винограднике — в мной жадно объединенном винограднике, — и мне уже так хорошо, что хватает на удивление: как такая маленькая я слопала так много? На собственную двадцатую часть стала тяжелее от этих ягод. Сочных, питательных. Вкуснейших на свете ягод! С косточками, с веточками, даже с листиками, которые я не сразу заметила и стала, кашляя, выплевывать.

Как я вообще добралась до этого виноградника?

Помню арку, непонятную. Едва до нее дотянула, ожидая, что дальше выбросит на Первый, как вдруг застряла на пороге. Будто не пускало меня, будто преграду кто поставил. Но слабоватую преграду — не ожидал этот кто-то, что в нее стукнется кто-то другой, отчаявшийся и злой, вроде меня.

Помню, что сжалась, что ударила, что поддалось — и хрустнуло, лопнуло, вышвырнуло из перехода.

Помню темноту, обступившую. Решила, что встречаются. Сейчас вижу — это были кусты.

Помню, рухнула, успокоившись. Хоть умру среди своих, не сгорю в ветрах, как мама...

Ползла куда-то, попало под руку мелкое, упругое, сразу потекшее ароматным соком по пальцам, по ладони, пропитавшее рукав измученной куртки. И я забыла обо всем, кроме голода.

Потом уснула, перепачкавшись в соке, в слезах, в земле, но дошедшая и наконец-то сытая.

И вот лежу.

Малая уже высоко, заглядывает краем за ряд виноградника и с любопытством смотрит на меня. Нерадостное ей открывается зрелище: в зеленом тупике среди оборванных стеблей и мятых листьев Основатель в лохмотьях развалилась по-хозяйски и, прищурившись, в ответ смотрит на звезду. Но щурюсь я не потому, что присматриваюсь. Просто ярко.

Интересно, а когда разлетелся наш мир, почему звезда осталась целой? Что разрушило нас, но не тронуло ее? Что ее оставило в покое? Почему оно за ее счет дало нам еще один...

Вот ведь! Инэн, ты что, считаешь, будто это нам шанс? Идейка похуже, чем предположение о Старших-надзирателях! А ведь и та идея кому-то в голову взбрела.

Ну, мне-то сейчас в голову много чего сквозняком надуло, космическим ветром принесло. Мало, что ли, у меня забот набилось, вот и прошмыгнули какие-то глупости. Мастера у меня опять нет, защиту толковую в переходе никто не поставил, вот и подхватила, и притащила. Провела же меня сила, про которую я и не знала в себе. Я бежала сюда так, как бегут от беды, даже когда не могут бежать. Эта сила — паника.

А может, это просто удача? Не каждый из наших умеет ходить один. Может, не на злости я прошла тогда, после Крин? Не на упорстве прорвалась, оставив Сатс на 5115-ом? И с бывших ферм бежала тоже не в панике?.. Это же я себе сама приписываю такие чувства и состояния, а может, мне всегда просто везло? Приклеилась ко мне удача и ходит со мной по всем дорогам: рядом, следом, иногда забегает вперед.

Закидываю руки за голову и закрываю глаза. Еще десяток вдохов полежать, погреться

под лучами Малой, почувствовать, что готова идти дальше и не свалюсь где-нибудь без сил. Потом надо встать, выбраться на дорогу, ведущую от угла, и по ней добраться хотя бы до ползучек. Можно и через автоматы виноградника Але сигнал подать, но я не знаю настроек здешней техники, поэтому не буду тратить время.

Это все потом. А прямо сейчас надо подумать. Основательно подумать не только о том, громко ли кричать об оставленной Сатс и как убедительно рассказать о найденном сильном, но и о том, что я сейчас могу предложить Первому. Выходов и решений немного, меньше, чем было десятков шагов назад. Тогда все выглядело просто — не сложнее, чем научиться по воде на осколке различать, кого там встретишь, крысу или таракана. А сейчас...

Когда-то я выпалила, что считаю новые планы и установки на Первом чисткой, потом долго грызла себя из-за того, что меня отвергли, списали, что хотели отправить в изоляцию. Потом злилась.

Сейчас, даже если все это правда, придется притвориться, будто я ничего подобного не знаю и вообще никак не считаю. Пришла за помощью растерянная Инэн, опять одна, опять ничего не понимает, опять будет чего-то требовать...

Что-то тихонько скрежещет надо мной, возле головы. Неприятный звук, будто стальная многоножка бежит по большому камню. Внутренне содрогнувшись, открываю глаза.

Маленький, металлический, круглый. Три пары прозрачных крылышек торчат в разные стороны. Сейчас трепещут две боковые пары — оно зависло надо мной.

Чую, если были бы у этого глаза, оно бы их прищурило, присматриваясь ко мне. Чутью я своему доверяю. А этой скрежещущей штуке — нет. Зачем она на меня смотрит?

Резко сажусь. Шестикрылый шарик задержал всеми крылышками, застрекотал громче и пронзительней — и прыснул от меня назад и вверх. Но не улетает, висит и — ручаюсь! — наблюдает. Зараза.

А вот я в него сейчас камнем!

Ищу, шарю, но под рукой только ровная земля. В винограднике не нужны камни — их и нет. А эта штука зачем-то нужна.

И только я готова успокоиться, только во мне забормотал голосок: «Тише, Инэн, держи себя в руках, это всего лишь один из аппаратов виноградника, он тут проверяет урожай или не надо ли подстричь ряды», — как добавкой к стрекоту звучат сбоку тихие шаги, опасно шелестят плотные заросли, соскальзывая с чьей-то одежды. Идет кто-то. Ступает медленно, осторожно.

Крадется.

— Эй, — говорю я раньше, чем успеваю понять, зачем говорю. Мало ли кто там крадется?

Да кто может красться на Первом?! Совсем я ум потеряла. Наверно, на отравленном 5115-ом оставила, вместе с Сатс. Вот ведь коварный осколок!

— Я здесь! — твержу громче, прогоняя дурацкое сомнение и подлый страх.

В конце зеленого ряда выплывает невысокая фигура в сером балахоне. Останавливается, ведет головой, осматривает противоположный ряд виноградника, уходящий к самому краю, потом оборачивается к моему ряду, ищет, откуда голос... Балахон не похож на привычно ленивый, сейчас он напряжен и будто из жидкого мрамора сделан. Под ярким светом Малой искрятся прекрасные волосы, богато блестит золотая тесьма на рукавах. Медленно поворачивается туда-сюда голова на тонкой гибкой шее — меня ищут глазами и ушами.

Я не раз наблюдала, как люди охотятся, как они выслеживают крупную добычу,

вооруженные где чем. И если бы сейчас у моей Старшей было в руках оружие, память убедительно подсказала бы: «Это охотник, просто так оделся, обмануть тебя, слиться с тем, что тебе знакомо». Память и попыталась что-то пискнуть, но руки у моей Старшей пусты.

Вот и ответ на все мои вопросы — никакой злой силы, я просто везучая! Именно удача довела сюда меня, истощенную, и удача привела ко мне не просто кого-то с ферм, теплиц или ближайших земель, а именно Старшую. Мою Старшую!

Что бы о ней ни говорила Сатс, радость прыгает в моей груди.

Я встаю на ноги и окликаю Алу по имени.

Остатки сомнений во мне ждали, что она дернется, резко повернется или сделает что-либо еще, ей несвойственное, стремительное... Но нет. Плавная поступь, медленные жесты. Тяжелые локоны немного пружинят в такт шагам, когда она идет мне навстречу. А я плетусь к ней, ощущая, какая я грязная, какая рваная у меня куртка, какие всклокоченные волосы, какие они пыльные, сколько в них набилось земли.

Стрекот наверху становится пронзительней, но тут же быстро удаляется, растворяясь среди зелени зарослей и голубизны неба. Наверное, шестикрылый аппарат улетел наблюдать за другими рядами виноградника — что там надо, увлажнить или подрезать.

Ала останавливается в трех шагах:

— Выглядишь ужасно.

Я, конечно, тоже обниматься не бежала, но все-таки...

— Я с трудом выбралась из ужасного места.

— И снова на Первый, и снова одна. Опять что-то с твоим Мастером, Инэн?

Морщусь про себя. Ну вот, сразу отчитываться!

— Она осталась на осколке. Но она жива, вы не думайте.

Моя Старшая так наклоняет голову и так улыбается, что мне становится стыдно: конечно, она ничего такого и не думает и думать не может.

Опускаю взгляд. Как когда-то провинившейся ученицей объясняла, почему раскачивалась на плюще, принимаюсь рассказывать обо всем, что случилось со мной и Сатс, едва мы вышли с Первого.

Я говорю и говорю. Дохожу до 5115-го, до искаженной свиньи, до того белого, что выпаривали местные, вот уже и про вождя, с запинками — трудно про него оправдываться, он словно требует о себе гордой речи!

Задыхаюсь, тараторю, вспоминаю, что забыла про костры вокруг башни... но в какой-то момент понимаю, что меня слушают невнимательно.

— Ала, — осторожно говорю, выждав паузу, за которую моя Старшая дважды отвела локон от лица, хотя ветра в винограднике нет. — Ала скажите, как вы поступите? Отправите на 5115-ый помощь? Или сразу уведете сильного, а потом займетесь местными?

— Займемся? — повторяет Ала задумчиво. — С сильным ясно, его, скорее всего, приведут и проверят. Но ты не первая, кто считал, что встретил «того, кого сам мир ждал». И он не первый, привлечший внимание. Если он уцелеет после проверки и выдаст хорошие показатели, он останется здесь. Такой мужчина будет нам очень полезен.

Вспоминается старый разговор, и от острой обиды сжимаются зубы.

— Он останется здесь, и вы разрешите создать с ним семью кому-нибудь из тех наших, кому вы это разрешите, — бормочу я. — Конечно, он же не просто человек-с-осколка, а разумный полной силы. Значит, он — чистый потомок внешней стороны. Не полноценный Мастер, конечно, без обучения. Но дети его не будут полукровками.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Ты всегда была умницей, Инэн. И я очень рада, что ты уверена в его силе.

— Непростая похвала... Для вас все эти распределения, кого куда и зачем — банальность. Для меня — откровение. Но вы не думали, что именно сейчас и именно с ним нельзя обойтись так, как вы обычно обходились с подобными?

— Чем же он отличается, по-твоему? — спрашивает Ала без интереса.

— Он? Всем отличается! — Я выдыхаю и продолжаю ровнее: — Мне кажется, вы не понимаете момента. Вы видите, что осколков с жизнью становится меньше, что слабых людей становится больше. И вы в ответ отстраняетесь, контролируруя свои силы на Первом. С него вещаете о сохранности, о порядке. Но от чего вы хотите закрыться? От хаоса? А между тем для хаоса у того, что происходит за пределами Первого, все слишком систематизировано. Да, все изменяется. Все перемешивается, сдвигается и закручивается по-новому. И в этом новом есть свой порядок.

— Свой порядок, — эхом повторяет Ала.

— Да. За последние обороты я сама встретила на своем пути двоих — двоих! — у которых сила просто зашкаливает. У Сатс невероятные способности для Мастера, и она умеет видеть лучше, чем сама думает. И вождь... Не знаю, что он умеет, но чувствуется в нем... Это не расскажешь... Разве попадались мне такие раньше? И я сообразила, как онс все. Раньше было статично: с каким уровнем родился, с таким и живешь. А сейчас идет перераспределение. Оно происходит так, что сила, двигаясь в новые точки, остается в старых границах... Посмотрите сами внимательней. Сатс подпиталась за счет своей сестры, когда та покалечилась и ослабла. И это произошло внутри одной ее семьи. Вождь принял силу своего племени, когда оно стало травить себя этим ядом искаженного. И это — внутри одного осколка. Сила и нас, и людей переходит от одного к другому, перераспределяется, кое-где стекается в более яркие очаги. Вот эти двое — такие очаги, костры... как угодно их назовите, но они буквально горят, и этим они отличаются. Раньше сила была рассеяна по всему миру, а мы все ждали, когда же придет... — кашляю, потому что едва не сорвалось имя вождя. — Так вот, она концентрируется так, как считает нужным сама, по собой установленному порядку. Разве нам следует идти ей наперекор, цепляясь за старые правила? Разве мы не последуем за миром и тем, что он указывает?

— Хорошая речь. Убедительная, только немного подправить... Что, по-твоему, указания мира?

Если бы можно было прищуриться и присмотреться к ее словам! Но она не поворачивается ко мне, и продолжать приходится вслепую:

— Эти двое и есть указания мира. Если для того, чтобы отправить кого-то на 5115-ый, нужно что-то убедительное для совета, вы можете собрать это сами. Докажите им в цифрах то, о чем я говорю. У вас есть данные проверок, есть показатели. Прежние, новые, прогнозируемые. Можете перепроверить всех наших. Особенно тех, кто мог получить поддержку, черпнуть от кого-то близкого при каких-то тяжелых обстоятельствах.

Мы неспешно выходим на сухую желтоватую дорогу. Ала останавливается, смотрит в ту сторону, где среди темно-зеленых деревьев и кустов прячется переход. Вид у нее задумчивый. Наконец она поворачивается и глядит на меня с новым, совершенно незнакомым и отчего-то неприятным выражением:

— Продолжай.

— Приведите их двоих сюда, а потом можно будет начать искать другие очаги более

детально. Нас становится все меньше, но деваться-то нашей силе некуда, ей приходится сосредотачиваться в оставшихся. У некоторых наших — неважно, Основатели они или Мастера — могло прибавиться. А если говорить о деградирующих осколках, то там такие люди берут силы от своих же, как-то ослабевших, но не отбирают, а, наоборот, берегут, сохраняют, потому что против воли не...

Она опускает взгляд и указательным пальцем правой руки, убирая что-то, потирает указательный палец левой руки. Я смотрю за этим гипнотическим движением и сбиваюсь.

Мне очень хочется быть понятой правильно, но я волнуюсь, что плохо объясняю. Остается только сказать:

— Поверьте, я это вижу. Я, Основатель, это вижу.

— Поддержка, — тихо говорит Ала. — Или подпитка... Допустим, я поддержу на совете эти слова. Допустим, я добьюсь перепроверки всех, кто сейчас на Первом. Допустим, мы приведем сюда твоего сильного и посмотрим, что он умеет...

Не успеваю воскликнуть «А Сатс? А остальные?», как она продолжает:

— Но зачем нам заниматься теми местными с их свиньей?

— Как зачем? — удивляюсь я и бормочу в ответ: — Помочь ведь... мы должны... я им обещала, да и животных надо... Правда, оттуда, откуда я им обещала животных, никого не приведешь.

— Почему?

— Я зашла на тот, с фермой. Там... там один лед. Мной на входе глыбу пробило, вот, куртка порвалась... Похоже, осколок сместился, удалился, там похолодало... Я вам говорю, все изменяется. Там дело не в наборе, а в том, что там просто больше нет жизни. Вернее... — голос мой срывается, когда я вспоминаю, что предстало передо мной на осколке, на который я возлагала большие надежды. — Мне было плохо слышно, очень толстая корка. Но там что-то есть подо льдом.

Ала ведет рукой, поправляет длинный просторный рукав и подводит итог строгим голосом:

— Даже если так, то это лишь мох. Забудь про тот осколок. И про другой забудь. Ни он нам не нужен, ни мы ему. Они сами или разберутся, или нет.

Она разворачивается и уплывает по дороге прочь. Сухая земля шуршит у нее под ногами. Недавно я думала и говорила похоже.

— Как?! — кричу я и срываюсь за ней. — Как забыть? Там же...

— Там же твой Мастер? Там же Сатс, верно? — не поворачиваясь, спрашивает Ала. — А что ты знаешь о ней, чтобы так за нее бояться?

Я догоняю ее, задерживаю дыхание на два вдоха, чтобы не наговорить сгоряча лишнего, а больше услышать. Мы бредем вдоль рядов винограда, как две ленивые кошки в жаркий день; невдалеке темнеют заросли угла, там должно быть прохладней.

Подстраиваюсь под медленный шаг Старшей и осторожно интересуюсь:

— Что я должна знать о Сатс, чтобы не бояться за нее?

— Ты прекрасно поработала, Инэн, — напевно тянет Ала. — Лучше, чем ты думаешь. Лучше, чем я могла подумать. И ты достойна награды. А чем можно наградить вопрошающего? Только честным ответом. Так вот... Некоторые из нас считают семью твоего Мастера выскочками. Признайся, ты назвала бы Сатс точно так же?

Угрюмо киваю.

— У них вся семья такая. Своевольные, с амбициями. Бабка твоей Сатс строила интриги

против совета...

Скажу «и вовсе не моей» — предам! Молчи, Инэн, честнее будешь.

Ала продолжает:

— ...кому интересно дожидаться, когда эти выскочки перестанут соваться в каждое решение, когда прекратят путаться под ногами. Старшая сестра сошла с пути. Несчастный случай, но семья потеряла влияние, потому что ослабли дети, ослабло их будущее. Оставалось немного — озаботить их проблемами с младшей сестрой, чтобы им стало не до совета и его решений. И тут...

— И тут я, оставшаяся без своего Мастера, полукровка, разуверившаяся в своей работе, — хмыкаю я кисло. — Прекрасный шанс. Такая однозначно погубит свою подопечную.

Ала молчит. Сбилась на один шаг, но выровнялась и с прямой твердой спиной идет вперед.

«Ну давай, скажи — Инэн, ты наговариваешь на себя! Ну скажи, разметай тебя сквозняк! Что-нибудь скажи, чтоб тебя...»

Молчит.

— Их младшая была за вас и за ваши порядки, хотя вы вбили ей в голову что-то мутное, — говорю я, понимая, что дальше прятаться бесполезно. — Ладно, планы про себя я стерпела, не прибежала первым делом возмущаться и требовать объяснений, почему меня списывают, за какую слабость и что это за таинственная изоляция? Но мне ужасно обидно слышать ваши речи про Сатс. Она искренне верит вам и вашим решениям. Она не заслуживает такого вашего отношения.

— Тебе за себя не так обидно, потому что ты верила нам меньше?

— А вы знаете, что говорите все это, потому что курите? — напоминаю я ей «крючок».

Я думала, что попаду в цель, но Ала поворачивается и равнодушно смотрит мимо меня. Ничто не дрогнуло в ее лице, ничто не отразилось в светлых глазах, даже укоризненного взгляда не нашлось.

Правильно, так меня! Не поцарапанного носа это дело.

Мы подходим к развороченной арке на углу. Кругом валяются большие разбитые камни, некоторые повернуты витиеватой резьбой к небу. Через один валун трещина прошла так, что узор стал похож на глаз, и кажется, будто камень удивленно уставился на проплывающую над ним Малую. Он словно спрашивает — как так вышло, что я сейчас смотрю на тебя, звезда? я был развернут, чтобы даже твой закат не видеть.

Не сразу я замечаю, что Ала пристально рассматривает камни, склоняется и, не веря, трогает их. Она озабочена чем-то, что гораздо важнее, чем весь наш тяжелый разговор. Она суетливо поправляет и отбрасывает свои дивные локоны, вновь и вновь оглядывается, движения ускоряются, ее тревога растет.

— Мне доложили, — шепчет она взволнованно, будто забыв про меня. — Мне сказали, что прошел кто-то, чьих показателей не закладывали, что это кто-то без допуска. Но он прошел, а по камерам это ты. Я не поверила ничему.

Ноги мои слабеют, я медленно опускаюсь на подвернувшийся обломок. Потом собираю страхи и мысли в один вопрос:

— Ала, как вы оказались именно здесь именно сейчас?

— Мне доложили, что через новую систему проник чужак. Но это было невозможно! Я прилетела узнать, правда ли и, если правда, то как?

— Систему чего?!

Похоже, она растеряна настолько, что сейчас выдаст мне всю подоплеку своей растерянности.

— Мы хотели закрыть Первый от тех, кто теряет себя в пути, — заявляет Ала, глядя поверх моей головы; мне и оборачиваться не надо, я знаю, что она смотрит на шпиль. — Ты верно говорила, что мы хотим сохранить и контролировать *наши* силы. Ты часто все понимала сходу, а думать ленилась. Теперь же подумай — нас мало, нас все меньше. Недавно мы поняли, что приоритеты надо менять. Все ждали того, кто соберет мир, ждали сотни и сотни оборотов. В этом ожидании нас перестало хватать даже на то, чтобы сохранить жизнь, среди которой собирающий должен родиться. Ты говоришь, что все меняется. Да. Все расплзается, растворяется, не удержать... Осколки меняют свои места, дороги искажаются. Уже даже свинья прошла по переходу! Неслыханно!

Плечи ее выразительно опускаются.

— Мы не смогли уберечь мир, не смогли создать условия, чтобы он вернулся к целостности. Мы признали свое поражение. Это было трудно, но мы признали. И занялись тем, чтобы самим не раствориться в его остатках.

— Самим? А кому это?

— Такие арки, — она указывает тонким пальцем на камни вокруг себя, — разрешают войти сюда не всем. Мы работали долго, тщательно. Пропускная система не должна открываться перед ослабленными, перед полукровками или перед людьми, если бы кто-нибудь сюда таких привел без оснований.

Возмущение бросается в кровь, бежит по мышцам и поднимает меня на ноги. В теле все натянуто, кулаки сжимаются сами. Обидно так, что хочется бить. Но во что тут бить, если я уже среди развалин?

— То есть, меня вы бы просто не пустили, сильный с 5115-го вам сгодится только как чей-то муж, а Сатс, у которой прекрасные показатели, вы бы не были рады, потому что рассчитывали, что я ее где-нибудь сгублю?!

Ала молча переводит дрожащий взгляд с каменных обломков на меня и обратно, и с ее красивого лица уходит непонимание, сменяясь испугом. Потом она неестественно поворачивается, выдвинув вперед правое плечо и отведя обе руки влево.

А меня несет:

— Вы отказались от всех, кто вам верил, кого вы учили вас верить! Мы считали себя сильными, потому что нам вбивали это в головы. Мы думали, что сохраняем жизнь, что делаем важное. Как красноречиво вы убеждали меня в этом совсем недавно! Про судьбы людей с осколков, про вашу ответственность за мои мысли, про недопустимость жертв — разве не вы впихивали это все в меня, лишь бы я приняла нового Мастера?! А сейчас вы закрылись, оуклились. Отрезали себя от тех, кто вышел на путь, кого вы — вы! — сами провожали. И делаете вид, будто ни при чем. Вы бросаете без помощи ту, которая боролась за жизнь на чухлом осколке так, как ваш совет никогда и ни за что не боролся! Одна юная и наивная Сатс заставила меня делать то, на что никогда не уговорили бы вы со всей вашей властью! Вы все слабы рядом с ней!

— Инэн! Ты забываешься!

— Нет. Это вы запутались, заврались. У меня руки в земле и пыли, но у вас-то — в грязи! Нечистое дело — говорить, что ты за жизнь и порядок, а втихаря обрекать на смерть или списывать своих же. Ладно, меня хотите изолировать — не буду сопротивляться. Нам не

по пути. Но ее-то сохраните! Не пачкайтесь, не жертвуйте Мастером, который на вас надеется и ни о чем не догадывается. Дайте ей вернуться к семье. Пусть она сдаст свои показатели, пусть получит свой статус. Эта девочка заслужила справедливости. Если у вас осталась хоть капля честности, обойдитесь с Сатс справедливо.

— Эта девочка заслуживает того же, что вся ее семья! — заявляет Ала, и ее щеки полыхают злым красным. — Ей здесь не место!

У меня сжимаются кулаки:

— Не так легко лишить ее своего места. Как вы объясните, куда делся самый молодой Мастер, когда с вас спросят?

— Ты всегда ленилась думать, Инэн, — кривится в усмешке та, что знает меня лучше моей матери. — Не придется ничего объяснять. Я пушу слух, что она погибла. Погубишь ты ее по-настоящему или на словах, какая разница? Все поверят, что она погибла. Потому что это же *твой* Мастер.

Ее подлые слова меня будто на копья поднимают.

— Развалится ваш слух!

— Каким образом? Кто знает, где она? Разве она доберется сюда без тебя?

— Я знаю, где она. Она доберется со мной!

— И на тебя слух найдется, — улыбается Ала.

Я думала, рука у нее отведена странно и неудобно. Но когда моя Старшая наискосок взмахивает правой рукой, а между нами вспыхивает белым кривая линия, до меня доходит: она стояла правильно, а я — дура.

В руке Алы — кастет с тремя длинными шипами. Из шипов струятся блестящие нити, соединяются над ее кулаком, рвутся вверх — и над дорогой раскручивается, освобождаясь, толстый кнут. Искрится, рассыпает иголки. Они прыскают в стороны, впиваются в камни.

Что откажутся слушать, что скажут «Твое место не здесь», что прогонят, наконец, я поняла бы, даже где-то ожидала.

Но чтобы убивать!

От испуга замираю. Все вокруг замедляется, размазывается. Моргаю — подводит зрение, как тогда, на совете в башне.

Из памяти выпрыгивает слух о бывшей когда-то на Первом тюрьме. Все-таки надзиратели... А мы? Они всегда жили среди нас с кнутом в рукаве?

Ала ведет рукой, неуклюже выставив локоть вперед и вверх. Она раскручивает кнут, указывая ему, как повернуться, куда подняться. Он потрескивает недовольно, но слушается. Заплывает ей за спину — и с разгона бросается ко мне.

Изворачиваюсь, падаю на спину. Прямо на обломок арки — ой!

Промахнувшись, искры шипят надо мной. Одна чиркает по уху. Режет, вскрикиваю, но тут же кнут взвивается снова, заполняя небо белым.

Опять белое! Опять больно! Опять вырубит!

В Але все чужое. Рука крутится размашисто — никогда не было таких жестов. Взмах — кнут выпрямляется, рвется ко мне, рассекая воздух.

Сжавшись, бросаюсь вправо. Перерубит она меня! Как дверьми аварийной системы разрежет.

Свист и треск. Отталкиваюсь и качусь в сторону. Рядом взрывается, разлетаются раскаленные куски камней и песок, тут же осыпаются, проникают в дыры куртки, кусают!

Хочу вскочить, вытряхнуть. Но опять хищно свистит — и я едва уклоняюсь, прыгая за

один из больших камней.

Поджигая редкую траву, бьет совсем рядом. Прижимаюсь плотнее к спасительному камню и слежу, как за кнутом тянется выжженная полоса, когда он ползет обратно к хозяйке. Треск стоит на дороге, дым поднимается над поцарапанной землей.

— Шустрая какая! — восклицает Ала.

Удар — и глыба за мной раскалывается с грохотом. Меня осыпает горячими обломками. Глаза бы уберечь! Ничего не видно. Пыль, гарь. Кашляю надсадно.

Опять трещит. Она бьет на звук! Дергаюсь вбок, перекатываюсь, пытаюсь уйти от удара.

Вдруг обжигает спину — и волочет, будто за позвоночник тащит! Выгибаюсь, кричу от боли и страха. Не соображая, бросаюсь за ближайший обломок, прижимаюсь к нему.

Хочу дышать — дышать нечем. Перед глазами плывет. Осевшие искры терзают кожу, спина пылает. Что делать? Бежать?.. Ноги не слушаются, высовываться страшно.

Куда бежать?! Я и шага сделать не могу!

Вж-жих!

Хлестнуло возле головы.

Заваливаюсь, протащившись по камню спиной. Шиплю сквозь зубы, но успеваю переползти за соседний обломок и там сжаться, уткнуться в землю носом. Зрение совсем уходит, шум в ушах отодвигает треск кнута. Ала что-то кричит — не слышу.

Мне конец, конец... Мама хотя бы в переходе, а я умру среди своих. Одна, опять одна!

«Прекрати панику, что с тобой? Как новичок, смешно даже...», — фыркает Крин.

И увлекает — вставай, ну же! Когда-то я не дотянулась к ней, а сейчас она сама дотянулась.

Вцепилась. Держит!

Я — с защитой. Я не дамся — ни ветрам, ни Старшим. Никому не дамся!

Упираюсь ладонями, чтобы подняться. Руки твердеют, пальцы зарываются в сухую землю. Чудится, что они прорастают корнями, хватаются за осколок, проникают в него, жадно вгрызаются в самое нутро — туда, где загадочные механизмы, где непонятно что с локальной гравитацией, где еще хранится когда-то взятая от Малой энергия.

Вцепиться, вобрать!

Горячо-о...

Выдираю пальцы-корни, поднимаюсь. Меня трясет, и земля дрожит вместе со мной. Распрямляюсь. Кожа на спине невыносимо болит, словно лопается.

Ала стальной иглой застыла среди опадающего белого кнута. Она с недоумением смотрит, как гаснут искры ее ослабевшего оружия — оно больше не хочет ее слушаться.

— Что, заряд кончился? — хриплю я. — Не хватило на меня? Слабаки, ничтожества... со всеми своими порядками, правилами, чистками... Дунуть бы на вас — да развеять!

Под ресницы с самого края попадает движение: далекий шпиль Первого переломился, наклонился и тянется теперь ко мне. Голограмма он там или нет, а кажется, что занесся еще одним кнутом, черным, беззвучным.

— Но я вам не дамся, — повторяю, как заученный урок, отступая к переходу. — Я теперь все про вас вижу.

Старшая вдруг озирается и расставляет руки — так ловят равновесие. Белый кнут, широкими кольцами замерший вокруг ее ног, дергается, подпрыгивает над землей, словно пытается броситься в бой без хозяина. Ала крутит головой, чуть приседает среди поднимающейся пыли.

Я уже на углу.

Она останавливает на мне испуганный взгляд.

— Не дамся, — шепчу напоследок и, развернувшись, бросаюсь в мерцающий переход.

Падаю в него, жду привычной опоры. Но на первом же шаге меня хватает, сдавливает — и нет пути, нет дороги, снесло, закрутило.

Верх? Низ? Малая где? Не вижу даже ее. Вертится все, вихри мечутся по кругу — красное, зеленое, синее. Сорвало. Мне не выбрать направления, здесь не ходят наши, здесь негде ходить.

Кричу, кричу истошно, и хоть здесь нечем кричать, что-то от меня рождается в этом хаосе, что-то слышано. Ко мне бросается тропка — тоненькая, хилая. Такие мало кто выбирает.

«Забросили тебя, — думаю я, ложась на тропинку. — Веди сама. Доверяю. Всему доверяю, кроме этих...»

И можно перестать смотреть.

Меня волочет небрежно и торопливо. Одна молния бьет по ногам, но боли нет. Здесь нет боли, как нет и ног. А какая я буду, когда вышвырнет?

«Ходящая без ног. Далеко пойдет такая бестолковая полукровка».

Меня выбрасывает, и от удара несчастной спиной теряю себя окончательно...

Очухиваюсь от обволакивающего холода. Издалека, постепенно приближаясь, пробивается в сознание хрипловатый голос:

— Прочнее клей. И плечо не забудь стянуть.

— Не забуду, не забуду, — замечательно ворчит другой. — Не дергай меня, я еще над ногами ей не довернула... Ох, у нее ж ногтей на руках нет! Ты чего молчишь? Как ты смотришь вообще?!

— Плечо не забудь, плечо...

— Опять заклинило, — горестно вздыхает обладатель ворчливого голоса.

В пальцах покалывает болезненно, но терпимо. Потом начинает гореть и ужасно чесаться. Кажется, будто я опустила руки в ведро с очень голодными зубастыми рыбами. Это мне отрачивают ногти. Переживу. Однажды уже так было, когда нас с Крин вышвырнуло в горы. Меня тогда сбросило и проволокло, цеплялась чем могла и за что подворачивалось. Крин меня долго потом лечила. Ничего, знакомо, и сейчас ее лечение переживу.

Крин?.. Как?!

Через муть в голове напрягаюсь раз, другой. Не встать! Оказывается, я лежу на животе, и чтобы подняться, надо сначала перевернуться. Пытаюсь, но кто-то цепко держит меня за плечи:

— Лежи! Не затянулось еще. Шустрая какая...

Снова рвусь прочь. Но держат, давят к земле. К рыхлой, влажной земле — значит, я уже не на углу Первого!

Выдыхаю и прижимаюсь щекой к успокоительному, пахнущему жирной сыростью.

— Ну вот так-то, уймись, а то сейчас все мое исправление сломаешь, второй раз мне тебя таскать и узнавать, что и как, совсем не хочется, потому что у меня, знаешь ли, нет опыта сожженные спины наугад восстанавливать... Чем же это тебя так?

— Плечо не забудь.

— Ну ты-то не лезь!

Недавно надо мной уже ругались подобным образом бородатые и дураки. Но именно

так разговаривают только наши, а они поймут и поверят, когда я, почувствовав в вывихнутом плече резкий ледяной укол, скажу:

— Все в порядке, и со спиной, и с плечом. Я уже могу подняться.

Хватка слабеет, ворчливый голос звучит спокойнее:

— Ну, тебе виднее, только потом, если что, ругайся на себя, и чтобы не было никаких претензий, вопросов или что там у тебя еще может ко мне появиться.

Поворачиваюсь, сажусь, осматриваюсь.

Сотни светло-зеленых растений без веток, без листьев, только глянцевые толстые стволы. Они вздымаются ввысь из черной земли, бросают друг на друга худые тени. По их бокам снуют, играясь, проворные отблески и теряются внизу, в сочной траве. Жарко, терпко пахнет зеленыю. Ветерок пробежал над землей, погладил траву. Острые высокие верхушки тоже задвигались, соприкоснулись, переплелись — и понесся вместе с ветром по лесу шелест, будто кто-то провел рукой по жесткому меху.

Справа от меня — свободный кусочек земли. Несколько стволов были выкорчеваны, но землю потом кое-как разровняли, а стволы разрубили и собрали рядом небольшой шалаш. Среди блестящего леса он выделяется крышей из матовой сухой травы, как скомканная тряпка на полированном полу.

Рядом с палаткой — костер. Он разведен не сегодня — много золы. У костра кружком мы: я и двое моих новых знакомых.

Основатель лежит на голой земле, упершись затылком и широкими плечами в толстый гладкий ствол. Над ее головой устроен небольшой навес из веревок и желтоватых мясистых листьев, собранных явно не в этом лесу.

Надо мной возвышается ее Мастер. Смотрит не моргая, руки засунула в карманы куртки и, волнуясь, шевелит там пальцами. Она крупная. Навскидку она тяжелее меня раза в два. Неудивительно, что мне не удавалось встать, когда она меня держала.

Я говорю, что все хорошо, ноги уже не болят, спина не разойдется, а руки скоро перестанут чесаться. Кивнув недоверчиво, Мастер отходит от меня и усаживается по другую сторону костра на светло-зеленый потрепанный коврик.

Представляемся по очереди, я называю свое имя последней.

Основателя зовут Уташ. Она часто подавляет зевки. По видимости, я и мои приключения ее не очень-то интересуют. Взгляд ее туманится. Кажется, ее потревожили, чтобы она помогла разобраться с моим состоянием, и теперь она только и мечтает куда-нибудь прислонить свою черноволосую голову и доспать в тени и покое.

Ее Мастер, Гвэт, совсем еще девчонка, немногим старше Сатс. Она все время ерзает на коврике и дергает себя то за спутанные рыжеватые кудряшки, то за манжеты большой рабочей куртки. Мне хочется думать, что она изнывает не от любопытства и не пристанет с расспросами.

Но ее все-таки тянет попробовать.

На вопрос, почему я одна и где мой Мастер, отвечаю, что я за ним иду, но по пути случилась неудачная встреча, и я очень благодарна, что они меня заметили и вылечили. Я даже не вру.

— Трудно было тебя не заметить, — хмыкает Гвэт и принимается нервно и торопливо чистить ногти. — Тебя швырнуло прямиком в нашу палатку.

— Прямиком? — удивляюсь я.

Оборачиваясь назад, к углу — до него далеко! — потом смотрю на палатку у костра.

Уташ зевает:

— Преувеличивает. Развалила бы... Гвэт на треск высунулась. Ты во-он те два ствола проломил, — она неопределенно ведет острым подбородком, словно не знает, где находятся те два ствола.

Мастер подхватывает и сыпет словами, что не два, а четыре, потому что треснутый тоже надо считать, и вовсе она не преувеличивает, а вон там меня нашли ночью, но только к рассвету ее стараниями, которые полезнее указаний самой Уташ будут, выяснилось, что я в живых все-таки останусь, а до этого решили, мне совсем конец, но что делать с мертвой, они боялись даже думать, не то чтобы обсуждать.

Встряховаю загудевшей головой, разгоняя этот поток сбивчивых слов. Обводя взглядом блестящий лес, залитый мягким желтым светом Большой, палатку и костер, спрашиваю:

— Давно вы тут?

— Да вот как Уташ переклинило, так и сидим. — Гвэт раздраженно качает головой и дергает себя за манжеты, сначала за левый, потом за правый. — Уже поворотов десять наберется.

— Долго. Чего ждете?

— Здесь может быть искаженное... — звучит тягучий голос Уташ.

Прислушиваюсь, но уши мои ничего не улавливают ни вблизи, ни подалее. Глубоко вдыхаю для верности: стонет в ребрах сзади, хрипит в легких, но я чувствую себя почти отлично.

— Здесь все в порядке, — говорю я осторожно и поворачиваюсь к Уташ; та отвратительно знакомыми медленными движениями лезет за пазуху, достает плоскую коробочку и, с усилием перевалившись вперед, тянет из костра обугленную палку.

— Я тоже ей говорю, что нет тут нам работы и не было, зря вообще пришли, но она как оглохла, — тарыхтит Гвэт, набирая возмущение. — Ей-то что! Это ж мне пришлось палатку строить, огород собирать и его торопить, потому что кто нас тут кормить будет и чем, — она бодро тычет по сторонам, ее пухлые бледные руки мелькают в полосатых тенях. — Я и к местным хожу, меняюсь с ними, они неплохо развиты, рукастые, но мы для них никто, никакого чудовища здесь не видели никогда, поэтому как им объяснить, что нам надо силы восстановить после работы, когда и работы нет, и выдать за эту работу нечего. Пришлось вот самой искать, все растить, но я ж не все различаю, набор для меня не совсем понятный, но никаких указаний, что можно, что не нужно, так в итоге уже три раза отравились, а этой все едино!

Прикурив, Уташ прячется обратно в тень навеса.

— Что едино? — спрашиваю я, упустив мысль.

— А что ей? Она дымом своим надышится и сидит потом целый поворот, ждет, когда вокруг нее...

Уташ молча курит. Ее явно не волнует разошедшийся Мастер, хотя говорят, что если в Мастерах закипает их ворчливая кровь, то можно слушать претензии и брюзжания до угасания Большой звезды.

— Почему не уходите дальше? — спрашиваю я строго.

— Здесь может быть искаженное, — вяло произносит Уташ; изо рта ее льется серый дымок.

Гвэт всплескивает руками и закатывает глаза, красноречиво показывая, что она обо всем этом думает.

Мне остается только вздохнуть:

— Это очень хорошо, Гвэт, что ты не бросаешь своего Основателя в трудное время, поддерживаешь, заботишься. Когда защищаешь кого-то, когда отвечаешь за него, тогда становишься сильнее. Но тебе нелегко, ты молода. Почему вы не уходите на Первый за помощью или советом? — спрашиваю я, внутренне сжимаясь от своего лицемерия. Предлагать кому-то искать спасения там, откуда сама едва спаслась, не очень-то красиво, но мне надо разобраться.

Снова резкий взмах, возмущенней прежних, и новая трескотня:

— Пробовала я ее туда утащить. Да толку... Она дорогу нормально показать не может. Недавно мозги у нее прояснились, я твержу — давай, на выход. Вытащила в переход, пару шагов сделали, да и то едва не сносит, ее ж шатает. Понимаю, что вроде она меня на Первый привела, он же недалеко болтается, это сейчас не видно, а так иной ночью полнеба перегордит, светится пятном возле центра, ну, там, где...

— Не отвлекайся.

— На входе уперлись мы, не двинуться. Я разозлилась так сильно, что... — Руки Гвэт стискиваются в кулаки, лучше слов показывая, что она сделала бы со своим Основателем, если бы в переходе можно было ударить. — Ну вот чем она там смотрела? Как она подход к Первому перепутала с дорогой к закрытому?!

— И ты по памяти отступила, — киваю я одобрительно.

— Вот опять сидим тут! — Гвэт ударяет ботинком по земле и злыми пальцами принимается рвать края разлохмаченного коврика.

Объяснить ей, что ли, что Основатель даже в курительном плену точно привела ее к Первому? А как тогда рассказать, что на Первом на тот момент запустили систему пропусков и эти двое попали в ее работу? Это ж как-то придется им открывать, что они теперь списанные...

Очень-очень мне бы сейчасгодились эти двое! Прихватить бы с этого осколка какое-нибудь животное, втроем провести его целым и невредимым, обменять на Сатс. Правда, одна из двоих, похоже, серьезно нерабочая...

Поворачиваюсь к навесу и встречаюсь с прищуренным взглядом, устремленным на меня. Вот ведь! Отрешенней спящего Старого Фича будет, а даже сквозь дымную пелену присматривается!

И что же мне теперь думать, Уташ? Неужели ты сразу разглядела, что на Первый вам не войти, но паники не устроила и тихонько отступила? Не стала доискиваться причин, просто сошла с пути, свела своего Мастера — и вы в безопасном месте. Но на желающих осесть здесь вы не похожи, иначе не торчали бы с самого края.

— Неплохая идея: устроить засаду при входе на осколок, — тихо пробую я, осматривая полянку. — Но ты же не забыла, что угол выхода случаен? Если не угадаешь с углом, то что — бежать напролом к крысе?

— Если угадаешь, то не бежать, — хмыкает Уташ.

Как бы мне с ней поаккуратней? Жаль, что разговоры не моя сильная сторона.

— Поделишься? — спрашиваю я и жестом показываю на сигару.

Она пожимает плечами и неторопливо лезет за пазуху.

Нет, все-таки я удачливая. И проверять разрушенную арку послали Алу, которая, похоже, кнута в руках толком не держала, все промахивалась. И сорвало меня на тропку, которая привела меня туда, где застряли наши, да еще такие наши, которые молча оказали

мне единственно верную помощь. Кто ноги сам унес, тот еще на ноги встанет, приговаривают иногда. Но без помощи этих двоих я восстанавливалась бы не меньше оборота.

Однако на время везение не распространяется. Ждать я не могу, хватать их сейчас тоже не могу — одна нестабильна, вторая неподконтрольна.

Интересно, Ала так же думала про меня и Сатс? Хотя нет, неинтересно.

Уташ протягивает свою коробочку. Мне приходится встать с земли, обойти костер и самой взять из ее рук. Кручу плоское, гладкое, делая вид, что ищу, с какого края открывается.

И правда, закурить, что ли? Остаться тут, отдаться безопасному осколку и туманящему суетливое сознание дыму?

Бросаю коробку в невысокое пламя костра. Гвэт сжимается на своем коврикe, втягивая лохматую голову в плечи.

— Не кури больше, Уташ, — строго говорю я Основателю, наконец-то удивленно распахнувшей глаза. — Приди в себя. Через три поворота жду вас на 5115-ом. Там есть серьезная работа.

— Здесь тоже может быть...

— К Первому больше не приближайтесь.

— Так это тебя на нем! — хрипло выдыхает Гвэт и бледнеет.

— Да. И я не хочу, чтобы еще кого-нибудь так же или как-то иначе. Я займусь Первым, непременно займусь. Они нанесли удар, на который всем, кто застрял в пути, придется так ответить, чтобы они больше никогда не посмели, чтобы зареклись...

На слове «застрял» Гвэт вздрагивает и цепляется взглядом за своего Основателя. Та поднимает лицо ко мне, потом смотрит в костер, где уже занялась огнем ее коробочка. Наконец вздыхает и недовольно произносит:

— Ну, может, и правда, лучше пойти дальше. Отдохнули, вроде, нормально, а работу ж никто не отменял, верно? — Она медленно чешет лопатки о зеленый ствол, словно пытается спиной по нему ползти вверх, потом кривится: — Но... прямо сейчас как-то...

— Я сказала, через три поворота. На 5115-ый. Дорогу найдете.

— А там что? Туда хоть пустят? — интересуется Уташ с сомнением в низком голосе.

— Туда зовут. Там у меня с моим Мастером незаконченное дело. Вы нужны для этого дела и будете нужны после него. Очень нужны.

Уташ, подумав, медленно кивает. Ее явно успокоили мои слова.

Пересекаю полянку, наклоняюсь к Гвэт и заговорщицким шепотом говорю:

— Ты еще молодая и несмелая, но знай: тебя учили меньшему, чем ты можешь. Мастер умеет смотреть. И способен что-нибудь изменить в своем Основателе.

«Правда?» — светится в ее глазах.

Медленно моргаю — «Да» — и спрашиваю:

— Куртка моя где?

— Если думаешь, что от нее что-то осталось, когда ты собой четыре ствола пересчитала, то ты ошибаешься больше, чем...

Это невыносимо!

— Куртка? Где?

Гвэт сопит, дергает манжеты. Из-под нахмуренных рыжих бровей наблюдает, как Уташ, отвлекшись от нас, подтягивает ноги, садится и задумчиво смотрит в костер.

— У местных в большом почете земляника, но растет она бедно, вне лесов не

приживается, а я приноровилась и уже договорилась кое с кем, что меняться нам хорошо именно ею, поэтому я себе завтра куртку у местных сменяю, они мне там отложили уже, а тебе вот на, может, то, что это моя, тебе лишнюю защиту даст, ты ведь прямо сейчас одна на этот свой пять тысяч... — она принимается вылезать из серой куртки. — Не помню, какой ты там номер называла, но только ты, прежде чем уйдешь, скажи номер еще раз и уточни, если мы из-за нее выберемся не через три поворота, а позже, где тебя искать тогда, если искать вообще.

Я прикрываю глаза, потому что уши закрыть нельзя, и говорю громче, чтобы Уташ тоже слышала:

— Лучше — лучше! — вам прийти вовремя. И совсем хорошо взять твою землянику, Гвэт, и принести ее на 5115-ый. Там сейчас голодно и тяжело, поэтому там мы очень нужны. У меня там некоторые договоренности... немного поторгуюсь, покажу, что все в силе и ни про кого не забыла, а тут и вы, с новой едой. Все почти как я обещала.

Уташ кивает несколько раз, но ко мне не поворачивается, и непонятно, соглашается она со своими мыслями или с моими словами.

— Но все-таки если не успеем? — гнет свое Мастер и принимается сражаться с застежкой на рукаве.

— Лучше не задерживайтесь, потому что договоренности у меня там шаткие, — говорю я с нажимом, хоть поджилки дрогнули. — Но если через три поворота не будете готовы...

«...тогда извиниться бы мне перед тобой, Сатс, но я тебя сгребу за шиворот, рвану напролом — и можешь что угодно твердить о чужих головах».

— ...тогда выходите когда сможете и идите... Где бы нам встретиться?.. — беспомощно запинаясь, вздрагиваю от нежелания, чтобы мой короткий испуг заметили, и с языка соскакивает спасительное: — На 15-ый. Он недалеко, но он стабилен.

Мастер меня не слушает. Она застряла в манжете и пытается стряхнуть с себя цепкий рукав.

— 15-ый? Это где тараканов потом оставляют? — подает голос Уташ. — Станный, но стабилен, да. И даже прогресс у них, на зависть. Куры там вкусные, и фермы большие... Кто-то им помогает развиваться. Ты не знаешь, чья они работа?

15-ый... Куры, фермы, помогает... Это все чья-то работа?

Мне в руку настойчиво тыкается плотная грубая ткань. Уташ молча косится на меня из-под полуопущенных век. Ждет ответа. Я, задумавшись, надеваю большую куртку и сразу тону в рукавах.

15-ый. Их прогресс — чья-то работа.

К жителям 15-го приходим мы, наши пары. Мы для них могущественные, мы защищаем, избавляем от чудовищ. Это наша работа, но она — поддержка, а не помощь в прогрессе. Однако еще приходят и другие могущественные: они устраивают образ жизни, они контролируют развитие, они одаривают новым, приносят то, чем богат и сыт народ, чем он процветает. Они не распространяются первым могущественным о своих подарках, а жителям 15-го, может, решительно запрещено что-то говорить о таких делах. Вот на 15-ом и таятся от нас — от тех, кто защищает, но ничего не приносит. А за счет чего таятся? Что их держит? Понятно, что страх. Они или боятся потерять то, что им дают, или боятся разозлить того, кто им дает. В любом случае, они боятся.

Но зачем выращивать страх? Кому нужно держать в страхе людей на осколке?

С чем я, разнеси все в пыль, имею дело?!

Я не знаю, я ничего не знаю. Меня учили пользоваться жалкой долей того, что уцелело, но не учили понимать ни про целое, ни про долю. А кто-то все понял и даже интереснейший коврик себе плетет! Сделать так, чтобы горстка слабых признавали тебя сильнейшим? — пожалуйста, это же просто. Быть сильным и подтверждать это делами в большом мире? — ах, знаете, надоело! признаю поражение и удалюсь на покой в закрытое для посторонних уютное местечко, а для души выстрою уголок, где держу на поводке страха тех, кто стоит передо мной на коленях!

Кто-то с Первого устроил эту затею с поводком. Не удивлюсь, если это тот же, кому принадлежат крючки с сигарами.

Что таким движет? Не знаю...

А что сейчас ведет меня?

Нет, этот ответ я знаю. Меня ведут злость, обида и желание дать сдачи побольнее.

Ну ничего, Сатс, мы им еще покажем! Еще посмотрим, легко ли нас с пути столкнуть. Немало наших списали, но я поделюсь с ними своей злостью, еще зажжется в них их собственная. А как арки разбивать, я уже знаю.

Но сначала — тебя вытащить. Уже только ради этого я не сдамся. А пока я не сдалась, я сильна.

С самого угла, перебравшись через валяющиеся на земле вырванные зеленые стволы, я кричу назад:

— Через три поворота! Не забудьте, 5115-ый!

Словно подтверждая, что меня услышали, переход раскрывает передо мной клубы дымки.

Добро пожаловать, дорогая Инэн! Что-то ты разгоряченная какая-то. Не желаешь ли остудиться пучками молний и порывами космического ветра?

Шаг безвозвратный

Когда-то я аккуратно придерживалась середины, отказывалась от боковых дорог.

Сейчас меня, основательно потрепав, вынесло на самый край. И похоже, не на тот.

Я влетела на 5115-ый, ожидаемо плюхнулась в воду. Но только это не мелкий искусственный канал, который мне нужен, а большое и глубокое озеро.

Темно. Ночь. В глаза и в уши заливается вода. Ногам нет опоры, не высунуться, не присмотреться — где хоть озеро кончается? в какую сторону плыть? Каждый вдох разбавлен водой, каждый выдох — кашель. Каждый следующий вдох полон страха.

Кое-как высматриваю, где край заворачивается и куда мне точно не надо. Дальше — просто прочь...

Я быстро устаю. Едва не тону, хлопая по воде огромными слипшимися рукавами. Ботинки упрямо тащат вниз, словно за них меня схватил кто-то большой и голодный. Хорошо, уже знаю, что тут больших нет, поэтому не паникую, не кричу, не трачу силы впустую. Снять ботинки, не захлебнувшись, кажется невозможным, но кое-как получается. Передохнув и откашлявшись водой, принимаюсь вылезать из пленяющей куртки. Прости, Гвэт, но недолго мне прослужил твой подарок с широкого плеча.

Неужели я застряла на одном месте? Почему кажется, что крупные медленные волны не дают сдвинуться, загоняют обратно к краю и дальше? А там поднимет и скрутит! Над головой грохочет, словно кто-то далекий и огромный хмыкает, одобряя мое бедственное положение. Но мелькает вдалеке земля черной неподвижной полосой, и это меня бодрит.

Барахтаюсь долго и упрямо — и через вечность, совсем без сил, вылезая на берег. Меня рвет озерной водой и комками слизи.

Начинается дождь, как будто чья-то циничная воля решила, что мне только его не хватает. Я лежу на холодном берегу, меня бьют по спине крупные капли, а в голове кружится мысль: неужели все они — случайный вход не с нужного угла, ночь с тяжелой низкой тишиной, озеро, где когда-то едва не утащило за край любопытного Т, — неужели они сговорились, пригласили еще и дождь, и все это собрание лишь для того, чтобы встать у меня на пути? Не удивлюсь, если они сговорились с Первым!

На отчаянной попытке сообразить, куда теперь, меня рвет еще раз. Вдруг становится холодно, будто осыпали льдом — и я теряю сознание.

«...что — бежать напролом?» — зажигается из недавней памяти.

Я резко просыпаюсь.

Все еще темно, все еще дождь, все еще холодно, но уже не как во льду. Встать не могу. Весь мир сжался где-то у меня под сердцем, стянулся туда. Дрожит. То ли замерз, то ли боится.

Под щекой — мокрый песок, ноги не гнутся, руки не слушаются. По спине бьет дождь — все-то меня норвят в спину ударить! Но даже раздражение не прибавляет сил, и мне не шевельнуться.

Пусть глупо, пусть отчаянно, пусть в никуда, но губы мои шепчут: «Кто-нибудь... Крин, хоть за шиворот дерни, помоги...» Но никого на берегу нет, лишь шипит дождь. Ему безразлично, что поливать: воду, песок. Или бестолкового Основателя, которая должна была — должна! — помнить, что вход всегда случаен, которая решила, что она удачливая, но

забыла, что удача — это не ползучка, чтобы везла, пока не привезет.

Напрягаю пальцы, цепляюсь за неподатливый песок: «Впусти меня, поделись теплом оттуда, где механизмы, где хранится взятое у Малой...» Но нет ощущения, что я прорастаю, что мои руки сильны, как корни. Осколок молчит, холодный.

Все холодное. Никого со мной рядом, никуда меня не пускает. И еще не шевельнуться. Мокрый песок все крепче сцепляет меня с 5115-ым... Так, может, не вставать и не ломиться? Может, нынешние холод и слабость превратятся завтра в огонь и силу? Превратятся сами, надо только полежать, подождать, чтобы все-все само, как-нибудь...

Разлеглась. Раскисла. А есть ли у тебя, Инэн, время, чтобы его терять, погружаясь в свою слабость? Подними лицо, осмотрись! Может, найдешь что-нибудь, что поможет.

Ну, давай! Привсталала, проморгалась. Прищурься: что там темнеет?

Да, вот так. Коленки поустойчивей, ладонями упрись — и вперед!

Чего только ни делала я на этом осколке: и ходила, и ползала, и бегала, и плавала. Теперь — на четвереньках.

Еще немного!

Ударяюсь лбом в легкую преграду — тростниковая дверь. Она шуршит, проминаясь и заваливаясь. Посвистывает ветер, вошедший раньше меня. Черный проем открывается, как переход, ведущий в никуда.

Приподнимаю голову, наспех осматриваю полуразрушенную хижину. Детальной — потом. Все потом.

Переползаю через порог, и сразу — блаженство: дождь перестал лупить по спине! Ветер побродил между хлипких стен, посовался в щели и успокоился.

Я ложусь на бок у стенки. Подтягиваю колени к груди, обнимаю ладонями холодные ступни. Напротив моих глаз в тростниковой стене — дыра. Виден ночной берег. Два дальних холма, черные-пречерные, напоминают, как выглядит пара наших со стороны. Эти холмы будто вылезли из озера, оставив на песке смазанный след-хвост, и нацелились куда-то по своим делам.

У меня не осталось ничего: ни пары, ни дел. Даже ботинок. Была куртка Основателя — разорвана кнутом Алы. Была куртка Мастера — утонула в озере. Есть, конечно, рубашка и штаны, да они при таких стремительных потерях недолго протянут.

Все, что есть — все страшное. Окружило, давит, а я перед этим беспомощна и бессильна. Привычная жизнь осталась так далеко, что я уже и не вспомню, когда она начала разваливаться на части. Все знакомые вещи, которые я кожей чувствовала, с которыми срослась, теперь оторвались. Я как голая. В общем, я почти голая и есть.

Я считала, что мне везет, что владею случаем. А оказалось, случай властен надо мной. Его каприз загнал меня в угол, на самый край и в чем-то даже за край. Не знаю, какие законы мира крутят меня и куда волокут. А ведь когда-то все представлялось мне понятным. Выбирай дороги из тех, что еще не отсекли щиты «аварийной системы». Крути головой и дыши глубже, когдаходишь. Вот твой Мастер.

Все рухнуло. Все рушится, и эта шаткая хижина тоже может упасть на меня в любой момент. Но пока она всего лишь шуршит на ветру, я закрою глаза и плотнее стисну ладонями холодные ступни, чтобы стать неподвижной, замереть, и пусть меня несет вместе с этим осколком по кругу и по кругу...

Когда Малая трогает мои веки лучом, пролезшим в дыру тростниковой стенки, я просыпаюсь. Потягиваюсь, разминая тело после сна в скрюченном положении, и выбираюсь

наружу, чтобы поймать еще пару лучиков, погреться.

От порога осматриваю хижину. Земляной пол в пучках травы и островках мха, стены и крыша из тростника разлохмачены — дыра на щели, брешь на прорехе. В одном углу шест покосился, плетеная крыша загнулась вниз, в хижину лезет большой треугольник неба. В раннем свете, разливающимся над берегом, хижина похожа на сброшенную кожу чешуйчатого зверя.

Здесь он жил. Здесь искал уединения...

«Однажды понял, что ждать мне нечего, а искать то, что искал, больше не хочу, потому что все оно — бегство и на самом деле слабость. Верну-улся...»

И мне пора возвращаться. Надо только придумать, как.

Возле хижины и ниже от нее к кромке воды — песок. В нем не осталось и следа пути, который я проползла под дождем в ночи. Все смыло, сгладило.

Я иду от потрепанной ветрами и временем хижины к двум холмам, на которые смотрела, засыпая. При свете берег совсем другой. Спокойное озеро, напившееся воды с неба, мелкой рябью перебирает касающиеся его лучи. Большое белое облако застыло в чистой вышине. Оно прогнало ночные тучи, захватило кусочек неба — разве ему надо куда-то спешить? Край озера, упирающийся в границу осколка, прочерчен темно-голубой широкой линией. Я знаю, что озеро длинное, оно тянется больше, чем на грань, захватывая два угла. Дальний его край теряется в белесой сырой дымке. Отсюда видно только один угол — тот, через который меня выкинуло.

Вскоре берег становится каменистым. Из воды напротив холмов высовываются несколько округлых серых глыб, вода возле них зеленоватая от водорослей. Будто и правда эти холмы вылезли из озера, оставляя за собой россыпь крупных валунов и камней поменьше.

Босым ногам больно на камнях, но надо потерпеть. Я хочу пройти по берегу дальше и сразу подняться на второй холм: он повыше, с него больше увижу. Карту осколка я помню не очень хорошо. Я вообще карты помню плохо. Можно пошутить, что поверхность я знаю поверхностно.

«Ты всегда ленилась думать», — бросила мне тогда Ала.

Может, не было повода думать? Поиск новых трудных решений не нужен, если все отработано. Пришел, нашел, исправил, ушел. Или пришел, не нашел что исправить, пошел дальше. Где тут думать? Где, кстати, Крин, ты нашла саму возможность задаться вопросом «зачем вообще»?

Стараясь не замечать острых камней, впивающихся мне в ступни, иду, забирая правее и выше. Вскоре поднимаюсь на холм. С него видно далеко, но не так, как я рассчитывала. Замахнулась-то я при ясном свете увидеть не меньше трети осколка, но за огромной зеленой равниной, за изогнутой лентой реки, тянется гряда холмов — и закрывает мне обзор.

Ладно, до реки я доберусь быстро, еще Малая в зенит не встанет. Если там немного передохнуть и потом перебраться через холмы...

Вот ведь! Я прикидываю, как мне идти, хотя прежде надо понять, куда мне идти!

Действительно, думать ленюсь, не поспоришь.

Выбираю на вершине местечко, где побольше песка и поменьше тощих стеблей травы. Сажусь, подтягивая под себя ноги, и пальцем вывожу периметр осколка, продавливая все углы. Тревожа влажный песок, веду кривую линию внутри рисунка — вот так тянется длинное озеро, по грани и на два угла. Проминаю точку-ямку в одном углу — вот здесь меня

выбросило. От ямки провожу неглубокую прямую — это направление к центру осколка. Наконец склоняюсь над рисунком и, вытянув руку вперед, втыкаю в песок травинку там, где поселение, где башня, где Сатс.

Увы, это на другом краю осколка. Глядя на травинку, с холодком в груди понимаю, какой осколок огромный и как мало у меня времени, чтобы...

Чтобы что? Чтобы его пересечь? Не лести себе, Инэн. Даже если ты соберешь все свои силы, если откажешься от сна, отдашься только движению вперед, и то пешком ты будешь идти не меньше пяти поворотов. Да, в принципе это возможно. Мы с Крин такое когда-то провернули. Правда, потом нас тот таракан едва не затоптал, потому что мы по итогам могли только ползти. Но справились и вышли с осколка, рванув. Еще позже полный оборот отсиживались на Первом, восстанавливаясь по крупицам.

Сейчас у меня такого не выйдет.

А если еще раз понадеяться на везение?

Разворачиваюсь к озеру и внимательно смотрю на голубую полосу края, на ближайший угол. Что ты мне ответишь, если я попробую выйти и зайти снова?

Ладно, знаю я твои ответы. Сначала ты выплеснешь в переход вместе со мной озерную воду. Дорога тут же провиснет, а это значит, что ни удержаться на ней, ни подойти потом к осколку уже не получится. Меня просто сорвет, а дорога еще выпрямляться будет неизвестно сколько.

Перезайти с сухого угла?

Смотрю на рисунок и прочерчиваю на песке линию к первому углу без воды — он справа. До него еще добраться надо, что тоже займет поворот-другой. Да и потом: ну рискну я опять вслепую, ну выйду, ну зайду... А куда меня выкинет по новой? Снова в озеро, которое оттяпало тут два угла? Мне нужен или канал, или тот лесок. И нет ничего, что гарантировало бы мне удачу!

Нет, одна попытка стоила мне куртки, ботинок и едва не стоила жизни. На вторую мне уже нечего отдать. Вот собственные силы и буду пересчитывать, раз больше ничьих сил нет.

А точно ли нет больше ничьих сил?

Прищурившись, гляжу на поднявшуюся звезду. Светит. Горячая. Мощная. Она — на небе. Под небом — я.

Я — Основатель.

Я — золотой цвет на балахонах Старших.

Я — потомок тех, кто построил механизмы, пленяющие свет Малой.

Так что же, я не смогу от своей звезды силу взять?!

Поднимаюсь во весь рост, разворачиваю плечи. Потом вытягиваю вперед ладони, растопырив напрягшиеся пальцы. Проснувшаяся память или что-то, только что мной придуманное, соединяет мои руки, складывает их в треугольник, жадно нацеливает на звезду.

Ты! Дай, дай же!

Теплый свет льется на холмы, на берег, играет с озером, но я требовательна и хочу, чтобы все — мне. Весь свет — мне! Не буду делиться, мои ладони поймают все!

Дай же!!!

Позади становится холодней. Лучи искривляются, разделяются: одни, сбившись передо мной в клубок, жгут руки, другие еще просачиваются между пальцев, но им не убежать от моей разгулявшейся воли. Золотом подкрашивается воздух слева и справа. Свет смиренно

подходит с боков и заворачивается. Обрастающее чужой энергией, тело мое будто становится больше, руки и ноги покалывает, в груди жарко-жарко.

Я закрываю глаза, отдаваясь во власть новой силы, вбирая ее, наполняясь так, что даже голова запрокидывается от удовольствия. Кажется, что я могу все — могу оторваться от поверхности, могу даже лечь на свет и прокатиться на нем над землей.

В конце концов, почему только пешком?

Опускаю руки, освобождая звезду. Лучи света разлетаются над берегом, скользят по воде озера — порыв ветра доносит до меня их облегчение.

Бросаю тело вперед и слетаю вприпрыжку с холма. Я готова кричать от переполняющей меня силы. От глубоких вдохов давит в груди, в голове звенит, ноги не чувствуют земли и травы, будто не касаются их горящими ступнями.

Очнуться не успеваю, как вихрем пересекаю равнину. Малая не бросает, она рядом, поддерживает, поднимаясь в зенит. Вокруг меня вращается золотой кокон.

Это свет! Эта сила! Я — это сила!

Восторг несет меня вперед и вперед, все быстрее и уверенней. Наспех замечаю брод через реку и в два длинных прыжка, нарушая законы гравитации, перемахиваю на другой берег, к подножью крутых холмов. И дальше, с легкостью! Вот уже перевал. И его — тоже прыжком.

Если бы только наши знали, как много — как безгранично много! — мы можем! Сколько радости было бы в каждом нашем деянии!

Нет в уроках на Первом ничего о том, почему потомков великих и сильных народов держат в плену скудных знаний и рутинной работы. Нет в Старших ничего, кроме намерения нас задавить и унижить, а любого поднявшегося — выбросить прочь. Нет сейчас ничего, кроме несущего меня света и ветра, что свистит в ушах от быстрого бега. Свет держит меня за плечи, греет спину. Ветер остужает разгоряченное лицо. Я едва успеваю отмечать ориентиры — мелькнула справа полуразрушенная каменная крепость, размытым пятном прокатилась красно-зеленая рощица. А мне — туда, через большую равнину, потом — правей, вдоль открывшейся взору низкой стены из круглых камней, и по намеченной дороге через вон те три оврага...

Упали сумерки, ударили под колени. Сшибли и вывернули. Отняли неведомую силу!

Где-то в эйфории яркого дня я догадывалась, что едва Малая исчезнет за краем и сильный свет уйдет, мне будет нехорошо. Но я даже не подозревала, что будет так плохо, что за горло возьмет, что не вдохнуть...

Скатившись в последний овраг, я сжимаюсь, тварью боязливой прячусь в траве и камнях. Полумрак ползет над равниной, брюхом цепляет мое убежище. Мне страшно и унижительно. Ничтожество, возмнившее, будто на что-то способно, забейся в щель, кусай кулаки, развлеки ночной ветерок жалким скулежом. Может, дотянешь до рассвета, если темнота будет к тебе благосклонна...

Новый день застает меня на самом дне оврага. Вокруг валяются комья сухой земли, вырвана трава с корнем, лицо и одежда мои в пыли. Я что, закапывалась?

Ползком, цепляясь за крошащийся обрыв сведенными судорогой пальцами, выбираюсь из оврага и приваливаюсь спиной к каменной стене, поросшей хрустким лишайником. Мне надо прийти в себя, подумать.

Еще один такой безумный рывок — и я миную центр осколка, а там уже недалеко!

Еще один такой безумный рывок меня убьет.

Поднимаюсь с трудом. Колени слабые, босые ступни зудят и болят. Отряхиваюсь долго и тщательно, чтобы сосредоточиться и не дать жалости к себе повалить меня обратно.

Здесь осталась старая стена-ограда. Похоже, я влетела в одно из заброшенных и разрушившихся селений. Надо поискать, не осталось ли того, что тут выращивали местные до того, как ушли к далекой заводи.

Побродив среди неприветливых кустов и заросших насыпей из булыжников, съедобного не нахожу. Природа давно отвоевала свое у оставленного людьми. А Мастера, который преобразил бы любой колосок в еду, нет.

Всего утешения мне — полдюжина мелких кислых яблок с кривого деревца возле дальнего провала в стене. Сжевываю их вместе с семечками. Невкусно. В небе что-то кричат далекие птицы, мне слышится в их голосах насмешка.

Прищурившись, смотрю на Малую, вставшую над равниной и трогающую рассветными лучами старую каменную стену.

Ну что, звезда, продолжим? Только давай будем аккуратней — нет силы в том, кто не контролирует свою силу.

Выплюываю твердую шелуху. Осторожно выбираю место, куда встать — без колючих комков земли и без острых сухих стеблей, — и медленно выпрямляюсь. Сегодня я не стану жадничать. Сегодня я соединю ладони и протяну руки к звезде, вспомнив старое желание поддержать ее. И попрошу.

Помоги. Поделись.

Глаза закрываются. В первый миг я пугаюсь темноты под веками. Но вот вспыхивают цветные пятна, дрожат крошечные молнии, трещинками выкладывают свой узор перед внутренним взглядом, разогревают меня, разбегаясь по телу.

Теплее, теплее. Горячо-о...

Когда жар становится нестерпимым, я делаю неторопливый шаг вперед.

Больше никаких бросков! Медленно наберу скорость и буду ее поддерживать без рывков. Так миную длинную равнину. Потом, не сбавляя, быстро, но ровно — вдоль широкого оврага по его песчаному краю. И уже от оврага, через который махну одним невысоким прыжком, пробегусь по низинке, полной сочно-зеленой травы. А когда низинка останется позади и сумерки начнут густеть, я аккуратно замедлюсь, подстроившись под уходящий свет, и будет у меня плавная остановка вон там, за пестрой рощицей с красными...

«Разбежалась!» — хмыкнула земля, едва только одним лучом стало меньше, и ударила меня собой.

Чувство тепла и силы схлынуло, и меня закрутило-завертело, катя по земле. Опять запросилось из саднящего сухого горла жалобное — нет меня, нет, не видно! Хочется спрятаться, уползти, зарыться. Презрение к себе обмотало, стянуло, освободиться не хватает воли. Лишь ужас и отчаяние — прячься! раздавит тебя темнота!..

Утром прихожу в себя под деревьями с красными листьями, строгими охранниками вставшими на границе низинки. Лежу скрючившись. Краем уха слышу тихий плеск воды.

Доползаю до ручейка, бегущего между корней, жадно пью бурюю воду. Царапает во рту, просится наружу, но мне сейчас нужна любая вода.

Следы яда уже улавливаются, значит, я недалеко от отравленных земель. Уже недалеко.

Вот теперь точно — еще одна попытка, даже самая осторожная, меня убьет. Теперь только пешком. Тело мое измучено, ноги разбиты, на пятках трещины, сломано два ногтя. Большой палец скрючило вниз к подошве. Разгибаю его и крепко держу, пока пройдет

судорога.

Мне будет больно идти пешком, но сознание мое цело, мысли ясные.

Я прикрываю глаза, вбираю в легкие воздух — и определяю точное направление. Слева звенит торопливая речка, несущая свои воды от центра осколка. За высоким круглым холмом, покрытым зелено-розовыми растениями, речка изгибается и уходит прочь, к краю.

Миновать холм. Пересечь речку. Потом...

Нет, лучше не строить длинных планов, а то меня завалит и погребет под собой список того, через что мне надо пройти на разбитых ногах.

Карабкаюсь на холм. Иногда помогаю себе руками, цепляясь за выступающие камни, сжимая в кулаке крепкие лохматые стебли, на которых покачиваются розовые метелки. С метелок слетает и липнет к вспотевшему лицу легкий пух. Я отплеываюсь. Вытирая лоб и щеки, скатывая пух по коже, раздражаюсь на цветущую дрянь. Раздражение гонит меня вверх, не позволяет задержаться.

Я устала, очень устала, а еще даже не середина дня. Малая льет тепло на плечи, приглашает, подмигивает свысока — ну, давай, попроси, поделюсь. Домчишься быстро, если сгоряча не проскочишь мимо.

А как, чтобы не сгоряча? Как пропустить через себя лишь крошечную долю силы, когда хочется взять все? Хочется, чтобы опять загорелось в крови, чтобы мир казался прирученным зверем, ожидающим, что я приду и протяну к нему хозяйскую руку. Пусть потом жуткая расплата, но хочется же!

Нет. Чтобы контролировать свет, управляющий всем от жизни до гибели, нужно могущество, заходящее за пределы и жизни, и гибели. А у меня сил осталось только за своими руками и ногами следить да, не падая, двигаться вперед, на вершину холма.

Ни разу не повернувшись к Малой лицом, вползаю на горку. Забралась я по крутому склону, а спускаться по длинному пологому — хорошо, что уже никаких цепляний.

Можно было бы обойти этот холм, вздыхаю я. Но окидываю взглядом обширные зеленые склоны и понимаю, что в обход брела бы до вечера.

Холм плавно скатывается к неширокой речке — ее ниточка поблескивает вдалеке. Справа у подножья холма примечаю старую дорогу. Она изрядно заросла травой, но все равно это дорога, даже проглядывают кое-где желтые песчаные колеи. Дорога взбирается на выгнутый мост, на другом берегу теряется в тростниковых зарослях. Дальше выныривает из тростника и уползает между двумя невысокими холмами. За ними, помню, долина. А там уже и поселение.

Я дойду раньше, чем опустятся убийственные сумерки.

Мне кажется, что я бесконечно долго бреду по спуску к мосту: Малая уже изрядно подвинулась и теперь греет мне затылок. Жарко. Под ногу попадает чья-то норка — едва не вывихиваю лодыжку. Надо быть внимательней.

Дохожу до моста, останавливаюсь, упираюсь ладонями в колени, переводя дух.

Мост — длинную арку из камней и глины — когда-то построили на совесть. Потом забросили, как и все на этой половине осколка. Теперь на мосту хозяйничают ветер и вода: сухой лишайник сверху, зеленый мох снизу. А ведь раньше здесь ходили люди, катились повозки, у моста даже было свое имя...

Прежде чем перейти мост, спускаюсь по песчаному берегу к воде. Ноги мои, ушедшие в песок по щиколотки, приятно холодит, пока я, наклонившись, горстями черпаю прозрачную воду и жадно пью. Я бы выпила всю реку, если бы это восстановило мои силы. Вода не

режет рот, эта речка замечательно чиста.

На перила моста слетает воробей. Он смотрит на меня настороженно, готовый в любой миг вспорхнуть, но несколько коротких прыжков ко мне по камням все же делает, любопытный.

Помнится, среди наших гулял слух, будто животные и птицы чувствуют нас, улавливают в нашей природе что-то такое, что тогда назвалось «флюидо-энергический потоковый заряд». Но не прижилось громоздкое, непонятное название, а потом и про животных забыли.

Может, зря? Может, надо вспомнить про их чутье, присмотреться?

Я недавно говорила о перераспределении силы среди разумных, а ведь наверняка предстоит искать эти перераспределения. Да, на Первом есть аппараты, которые проверяют, фиксируют показатели. Но закрывшийся Первый теперь как малышня, стащившая диск с пугающей голограммой про ураганы: сами не смотрят, потому что не на чем, и другие не могут поучиться смотреть в вихрях — не на чем.

А мне теперь с помощью чего высматривать эти перераспределения и новые очаги? С помощью животных?

Ладно, еще вернусь к этой мысли, когда дойдет до разборок с Первым. А сейчас — только Сатс. Мне бы дотянуться, услышать, что вокруг нее.

Пытаюсь перенести слух, но в ушах шумит, перед глазами расплываются золотые пятна — нет, не могу, не хватает сил.

Встряхнувшись и напоследок плеснув себе в лицо водой, выбираюсь на каменный мост. Воробей не улетает, поглядывает на меня с опаской.

Протягиваю к нему руку: пройтись бы ласково кончиком пальца по мягким перышкам, чтобы не пугался!

Воробей пол-вдоха смотрит на меня, на руку. Потом подпрыгивает, взмывает вверх — и вот уже не разглядишь пеструю точку на склоне холма.

Оставляя мокрые следы на нагретых камнях, пересекаю мост и попадаю в тростник. Он захватил весь этот берег, едва-едва угадывается старая дорога.

Продираюсь вперед, стараясь не терять направления. Ноги разъезжаются на скользком иле, норовят угодить в коварные ямки, уронить меня в мелководе. Пальцы больно сдавливают, когда поперек ступней натягивается трава. Душно. Я вся взмокла, сверху на меня снова сыпется какой-то пух. Слышится шелест сухих стеблей. Кажется, будто это обитатели зарослей хихикают надо мной, неуклюжей.

— Да хватит уже! — вскрикиваю я, выдергиваю ноги из травяного капкана и с раздражением отшвыриваю тростник правой рукой.

Будто закончив испытывать меня на прочность, заросли тут же расступаются и открывают дорогу, полную больших луж.

Устало опускаю голову и выдыхаю, глядя в землю под ногами:

— Все. Измотал. Травил, давил, топил... Дай мне забрать свое и спокойно уйти.

Осколок молчит. Как ему и полагается. Хочется думать, будто он так показывает, что не станет больше громоздить мне ловушки и препятствия.

Я волочусь через лужи. Широкие обхожу, по мелким шлепаю напрямик. Заодно ноги отмоются от прилипшей грязи. Тростник без ветра не шевелится, замер, как строй охранников: дай приказ — бросятся.

У прохода между холмами лужи кончаются. Склоны холмов по обе стороны дороги укреплены большими плоскими камнями. Сотня быстрых шагов мне дорогого стоит —

сбивается дыхание и накатывает жажда. Зато передо мной открывается пологая равнина — последняя, до самого города.

Я останавливаюсь, опершись рукой на мшистый камень укрепления. Смотрю на далекую линию маленьких домов окраины, на высовывающиеся, словно мыши из норок, крыши двухэтажных домов второго ряда. Черной иглой виднеется башня — тонюсенькая.

Пробую снова дотянуться до Сатс, дать ей знать, что я вернулась... Но в ответ опять ударяет по ушам болью, пелена опускается на глаза.

Очень хочется присесть, а еще лучше прилечь, отдохнуть. Есть хочется, но голод уже привычен для меня. Малая светит в спину, размазав длинную тень под ногами, а веры, что сумерки пойдут мне на пользу, нет.

Дорога уходит вправо, изгибается, но если срезать через вон тот бывший лес, где сейчас только пни и островки кустов торчат, будет быстрее, и я потрачу меньше сил.

Наступаю на свою тень и схожу с дороги.

Как бы плохо ни было, как бы тяжело ни наливались веки, отстраняя от мира, я иду вперед, потому что могу что-то сделать для мира, и для моего Мастера, конечно. Куда ж я без нее!

Меня шатает. Потом ведет резко — и я валюсь в куст, царапая руки и бока. Потом темное пятно — и пахнуло сырой землей. А была бы сейчас рядом Сатс, она непременно ляпнула бы что-нибудь такое, от чего глаза распахиваются, уши прочищаются, и...

— Да ты хоть видишь, куда идешь, девка?!

Не знаю, что ответить.

— А куда я иду? — с трудом переспрашиваю, нащупываю под собой кучу влажной земли, потом поднимаюсь на ноги.

— Да уж пришла, пожалуй, — хмыкает тот же голос. — Хотя сюда все приходят, как бы ни петляли.

Я трясую головой, восстанавливая зрение.

Передо мной — насыпь черной земли. Слева от нее — длинная яма, за ней — другая насыпь. Из ямы выбирается, цепляясь за измазанную грязью лопату с кривой ручкой, невысокий пузанчик, лысый и щекастый.

— Вам ужасно не идет это занятие! — выдыхаю я бездумно и без сил опускаюсь на траву у кустов.

— Другое дело сейчас без надобности, — фыркает толстяк и, опираясь на лопату, с прищуром глядит на меня; у него красный потный лоб уставшего человека. — Был трактирщик, стал могильщик. Не хотел бы я теперь брать плату с тех, кого обслуживаю. Это раньше было — приносят еду, отдаю едой. А сейчас...

— «Сюда все приходят, как бы ни петляли», — повторяю я, но так тихо, что толстяк не слышит и продолжает бубнить о еде. Я не прислушиваюсь, мне сейчас важен сам его голос: он помогает собраться, настроиться, четче различать слова. Еще несколько вдохов — и я буду в порядке.

Деревьев здесь нет, от нескольких чахлах кустов закатные тени ползут к толстяку — к живому, создающему и нарушающему покой мертвых. Тень свежей могильной насыпи, на которую я упала, лежит поперек приготовленной ямы, словно бы погребенный не хочет пускать в землю других, словно говорит «хватит здесь и меня». Слово сам осколок против того, чтобы безвозвратно принимать смерти. Сложное место, очень несогласное с собой.

За спиной толстяка торчат ряды крепких палок в рост высотой. Палки голые,

кривоватые — без табличек, без отличий.

Указывая на них, интересуюсь:

— Там старое кладбище? А тут теперь новое? Но никто не назван. Ты же забудешь, кто где лежит, если не подписать.

— Никто не забудет, все уже не помнят, — толстяк наклоняет голову. — А ты с какого дома будешь, девка? Грязнучая, не разглядишь... И ни на кого не похожа.

Я отмахиваюсь усталым жестом — копай давай, не лоснящегося носа это дело.

Толстяк пожимает плечами и берется за лопату. Вроде не обиделся. Я ему хоть какая-то компания. Он мне хоть какая-то передышка.

Свежих могил десять. Две дальние уже подсохли. Духота растягивает между кустов запах разрытой земли. Вплетается и пищит в этом запахе что-то сладковатое и моему носу крайне неприятное.

Я фыркаю, прогоняя.

— Многих ты похоронил, — говорю, кивая на ряд свежих могил. — Неужели все от голода умерли?

— Да нет, — с охотой отвечает толстяк, по-хозяйски подрубая траву по краям ямы. — От голода еще не успели. Все больше от дурости. Этот вот, — он машет лопатой, указывая на длинный потрепанный мешок, лежащий рядом с ямой, — от старости. Давно уже ему было пора, а все равно жалко.

Я с трудом поднимаюсь на непослушные ноги и подхожу к мешку. Осторожно, словно боюсь разбудить, раздвигаю складки мешковины. Наружу высовывается серый острый нос.

— Старый Фич! — охаю я. — Но как?

— Я ж говорю, от старости, — пожимает плечами толстяк.

Он так уверен, что я невольно сомневаюсь. Откидываю мешковину, открывая небу сухонькое тело, сложенные на груди руки-веточки. Прищуриваюсь сосредоточенно, и от лысой головы мой взгляд ползет вниз. Вот ведь! От старости бы умер — шел бы фон от всего тела, а тут четко видно, что у старика сердце не выдержало.

Поворачиваюсь к толстяку, чтобы спросить, что же такое случилось. Взгляд цепляется за шевеление на той могиле, у которой я только что сидела. В жирной земле корчится червяк — потревоженный, вытащенный из своего мира и разрубленный слепой лопатой.

— А там кто? — спрашиваю я.

Толстяк молчит. Хмурится.

— Кто?

— Не повезло девке, — отвечает он, глядя исподлобья, будто я его предала — обещала милую беседу, а теперь о неприятном пытаю. — Много я смертей видел, но когда сильный и молодой... это не избавление. Ей бы еще... красивые бы дети были. Я ее землей сверху, а она улыбается... Думал, встанет, отряхнется.

Он нервно оскаливается, словно сдерживает рвущееся сквозь зубы ругательство, и продолжает:

— Когда с почтенных ответа требовать начали, вождь вышел. Идите, говорит, по домам, все и без вас разрешится. Некоторые уши, чего горло впустую драть. Кто остался, те все требовали и грозили, сами не разбирали, чем и кому... Вчера охранник, один из тех, кто башню бросил, язык почесать решил, мол, важный, много чего знает. Взяли его, потрясли — кого видел, чего слышал? Наплел он им небылиц!.. Ну, а потом совсем разошлись. Свинью забрали. Девку эту из темницы вытащили. Давай, мол, делай таких свиней десятков, да чтоб

побольше и посытнее...

Сглатываю пересохшим горлом, возвращаюсь к могиле. Слабеют колени — и я опускаюсь. Небо, кажется, замирает надо мной, трава на земле боится шелохнуться. Лишь половина червяка бьется, корчится. Сердце мое рвано бухает в такт его судорогам.

Значит, это не сил не хватало дотянуться, а просто я все время тянулась к мертвой!

— ...мялась она чего-то, мялась, объясняла, что никак ей не сделать десятков, да и не может она одна ничего. Я сам ее видел, когда брата с площади утаскивал. Копье его сломал об его же голову. Теперь хоть крови на его руках нет, потому что ее...

— Что вождь?

Словно не слыша моего вопроса, он кривится:

— Многие ушли из города ночью. Сегодня утром тоже видел, идут с узлами, с тележками... Когда ее... — головой указывает на могилу Сатс. — Страшно стало оставаться. А были и такие, кто кричал, что не боится. Так они башню в кольцо взяли. Почтенные давно уж попрятались, и охранников нет. Кто сбежал, кто службе изменил. А кто и... Вон, двое лежат, первыми я их закопал. Там вон Тэви... Я его часто ловил в трактире. Он норовил то кружку тайком нацедить, а то лишнюю миску прихватить. Все его ругал и лупил — чтоб ты лопнул, загребуший! А мне в ответ — да ладно тебе, Он, все мы одинаково есть, как ты, как брат твой, как отец...

Он еще что-то говорит, заборматывая свои воспоминания.

Невозможно осознать ужас смерти Сатс. Мысли мечутся между какими-то дурными обрывками. Вот Тэви, узкоплечий нахальный стражник, обобравший сторожа в темнице на миску еды. Вот Ала кривится: «Все поверят, что она погибла. Потому что это *жетвой* Мастер». Вот стражник распахивает дверь, прерывает наш разговор с вождем, тархтит какие-то глупости...

— Я тебя знаю, — вырывается шепот. — Ты трактирщик. Тебя зовут Он, и пять семей причальных ходили к тебе разбираться, потому что ты совсем обнаглел.

Опускаю руки на могильную землю, хранящую дневное тепло. Скоро она начнет остывать. Червяк возле моей ладони выворачивается изо всех сил, хочет не то зарыться, не то отползти, не то расшугать боль. А может, хочет, чтобы я ему помогла.

Я его понимаю.

— А Фич когда умер?

— Брат сказал, после нее, — Он снова дергает головой, — Фич полез с балкона говорить... Хороший был старик. И вождь, говорят, надежный. А споры как решал! И сейчас попробовал, вразумить хотел. Да только не слушали его. Кинули еще гнильем каким-то.

— Старика оскорблять — это его к смерти гнать.

— Да уж, — шипит Он. — До полудня не дожил. Девку брат утром привез. Я ее только закопал, вижу, брат опять тележку катит, а в ней... Рою, а тут уже и ты вывалилась. Так ты Фичу, что ль, родня?

Мне трудно смотреть. Глазам очень горячо, но слезы не проливаются, а будто наоборот, впитываются, уходят куда-то в голову, захватывают все, что встречаются.

— Но что вождь? — шепчу я.

Он отвечает, разгорячившись:

— А что вождь?.. Почитай, в городе те остались, кто уже крови на руки плеснул. Так им никто не управа. Как девку убили и Фича обидели, вождь рявкнул, чтобы убирались все, кто хоть что-то помнит про Ходящих. Напугал изрядно. Убрались, особо у кого дети. Он теперь

один на один остался с теми, кто уже не помнит, зачем убивать начал и чего хочет! — толстяк вонзает с размаху лопату в землю. — Но не таков наш...

Я поднимаю лицо, и Он обрывает свою пылкую речь на полуслове.

— А почему ты здесь? Почему ты прячешься среди мертвых, когда твои живые...

Звук вдруг исчез из мира — и я замолкаю. Через миг в ушах зазвенело, словно туча комаров напала на воздух.

— Слабые бросаются, кусают, но сильного это только злит, — выдыхаю и поднимаюсь на гудящие ноги. — Вождь там один на один, говоришь? Дураки, сплошь дураки как есть, и братья их, и отцы...

— Что? — далеким эхом слышится голос.

— Не копай им больше могил, Он! Они сами себе их нароют. Они ж, глупые, не понимают, не знают, кого в кольцо взяли!

Усталое тело непослушно, словно в него закачали расплавленный металл. Ноги переступают медленно.

«Лишь бы у него хватило терпения! — думаю я, шагая от кладбища к городу напрямик, без дороги, не слушая, что Он кричит мне в спину. — Только бы его не успели достать так, чтобы он... Он ведь тогда выдаст такое, что если бы его проверяли на Первом, зашкалило бы все их аппараты!»

Хочется бежать, чтобы успеть, но едва я перехожу на быстрый шаг, как колени подгибаются, я валюсь в траву. А вставать трудно. А время уходит.

Значит, выдох, медленный вдох. Зеленое внизу, серо-голубое наверху, темное ребристое впереди. Пошла.

Мне кажется, что никогда прежде я не уставала — так устала сейчас. Осколок покачивается с каждым шагом, мне нелегко держать и равновесие, и направление одновременно. Со зрением неладно — то вдруг сумерки, то моргну и вижу, что еще Малая светит вполсилы, еще светло. Я шагаю непростительно медленно. Но все-таки город приближается, четче выступают из пелены желтые крыши его опустевших окраин, и уже ложится мне под израненные ступни плотный песок вертлявой улочки.

Иду к центральной площади. Вскоре в уши пробиваются крики, как сигнал, что иду правильно. Крики далеко, неразличимо. Но уже есть.

Прислоняюсь плечом к толстому шесту плетеного забора. Мне бы чуть-чуть передохнуть. Бросаю взгляд во двор — разбросанные корзины, выбитая дверь, неподвижное тело женщины... не определяю возраста. У брата трактирщика-могильщика опять будет работа, опять заскрипит его тележка.

Крики на далекой площади становятся громче, но я не могу определить — это действительно там орут все яростнее или ко мне возвращается нормальный слух? На попытку сосредоточиться и дотянуться, послушать в левый висок словно ударяет камень. Боль стекает мимо уха, потом по шее. Это не то, что я чувствовала, когда тянулась к мертвой Сатс. Но неужели я опоздала?

Нет, я дойду. Уцеплюсь за глиняную стену вот этого дома, проберусь шажочек за шажочком по ней до угла. От угла — по еще одному плетню. Дальше — броском через улочку и снова поймаю грудью дом. Но дойду. Все силы отдам, чтобы не терять черную иглу башни — тоже шпиль, только честный, без обмана!

И вот уже первый дом на два этажа вырастает рядом!

Волна криков бьет в меня, словно хочет отбросить к окраине. Я цепляюсь плывущим

взглядом за черный шпиль.

На самом верху башни возникает какое-то движение. Я с трудом различаю фигуру, высунувшуюся из окна. По ушам бьют новые крики — жадные, требовательные.

Не успеваю сделать и шага вдоль каменного дома, как из самого высокого окна башни наклоняется, переваливается и падает что-то большое, черное с тонкими оранжевыми прожилками.

Новый крик с площади — истошный, безумный! Звук прошивает меня навывлет, а перед глазами крутится, будто учебная голограмма: падает плащ, в этом плаще — человек, этого человека надо узнать.

Я узнала человека, которого сбросили с башни. И даже упала вместе с ним, потому что не дышу, не шевелюсь. Больно.

Из окна башни, откуда совсем еще недавно Т с горечью говорил: «Они потрясают копьями, на которые насажены их собственные головы», высовывается кто-то и с визгливым восторгом размахивает длинной палкой.

Желание уберечь дураков исчезает вмиг. Вместо него незнакомое прежде желание вспыхивает в груди и тянется к голове, пленяя разум. Перед взором лишь одно — он падает, он падает, он упал.

Вся сила бессильна, все важное развеяно, все ценное отобрали. Рука моя сжимается на стене дома, сминая камень. Хрустят мелкие трещины. Вокруг только ненависть, внутри клокочет, не вдохнуть.

Сатс? Т? Вы же только что были!

Как же так?

Отцепляюсь от дома и делаю шаг — вперед, на площадь. Правая коленка подводит, наклоняюсь и едва не падаю.

Нет. Не падаю и не упаду. Я шла. Значит, дойду. На упрямстве, на невозможности остановиться. Ведь не может остановиться наша звезда.

Чувства становятся ясными, острыми. Я ощущаю каждый камешек под ногами, каждое касание легкого ветерка. Мир видится искаженным, набором тонких дрожащих граней, но угадываются выпуклости крыш, провалы окон в домах. Шипами бьют меня голоса кровожадной толпы.

Толпы все еще живых!

Во мне поднимается что-то с силой, с которой я не способна справиться. И я не хочу с нею справляться. Я лишь хочу с удовольствием подмечать, как отзывается город на мои шаги по нему. Один шаг, чуть тверже — и шест забора справа кренится во двор, увлекая весь плетень. Еще шаг, чуть жестче — и крыша у дома слева проминается, будто кулак с неба опустили. А еще хорошо, когда я веду уставшей шеей, а невдалеке грохочет обрушившийся сарайчик.

Впереди — узкая деревянная башенка. Едва я шагаю к ней, она наклоняется, и подпирающая ее лестница резко уходит в сторону. Башенка заваливается, стучается во второй этаж дома.

— А-а-а! — звенит крик дозорного. — Сюда! Помогите!

От злости, ударившей в голову, холодеют глаза. Я почти ничего не вижу, иду по памяти и наугад. Темный город обступает со всех сторон, давит. Дома сдвигаются, теснят.

Волна криков катится на меня.

Заметили!

Я разворачиваю плечи и отвожу назад напряженные руки. Да, как и все живое, меня можно сломать. Но я сейчас сильнее того живого, что хочет напасть на меня.

Первый их удар приходится в лицо. Я трясусь головой, пытаюсь хоть немного восстановить зрение. Кое-как намечаю впереди себя противника — пятнистый силуэт.

Шаг влево, поворачиваюсь. Силуэт пролетает мимо, падает в темноту позади. Еще кто-то выныривает снизу любопытной рыбкой — и снова отступить, скользнуть.

Справа двое. Мелькает оскал, слышу обрывок призывного крика — «Бей!»

Что это? Им мало смертей? Да разумны ли они вообще?

А раз нет, то передо мной лишь безумные слабые! За то, что они натворили, их небо должно придавить!

Застываю скалой — и новый удар отбрасывает от меня ударившего, ошметками разрывая его руку до самого плеча. Вдыхаю полной грудью, чтобы крикнуть, чтобы осадить — расступись, прочь! — но накатывают снова, сволочи.

Звук множества быстрых шагов. Удар в грудь, удар в бок, что-то тонкое, длинное летит над моей головой, опускаясь. Они терзают. Они требуют. Чего? Чтобы я ответила?

Прочь, трусливые твари! На кого нападаете?!

Окружили. Орут, лезут.

Пусть глаза не видят, пусть в ушах шумит космический ветер, пусть в горле безжизненная пустыня, но я еще могу прокричать:

— Это был мой Мастер! Это был мой сильный! Это все было мое!

Взмах правой рукой — и захлестнутый пламенем дом взрывается изнутри.

— Это было мое!

Взмах левой — и белым вихрем сметает несколько дворов.

— Все. Мое. Мое! Как посмели?!

Мир становится мраком. С трудом прорезаются разноцветные вспышки — в них успеваю разглядеть, как бегают, кричат в ужасе: «Бегите! Ее не одолеть!» Молнии чертят кривые узоры в поисках своих жертв.

А мне слаще нет, чем напрячь руки, раньше не знавшие такой силы! Запустить их в злость, в жадность, в гнев. Почувствовать, как трепыхается мир, отвечающий на мое желание взять его и порвать, как выкручивается гравитация, как натягивается осколочная твердь. Невозможно, но она мне подчинится, если я захочу. И я хочу! Что мне эти живые, когда я могу провести отяжелевшей властной рукой — и выгнетса сама поверхность! А потом прогнетса! Снова, да посильнее, аж трещит! И еще пусть полыхнет! Это вам нужны дрова, деревья. Мне же сойдете и вы!

В череде вспышек мечутся пылающие факелы, падают в растущие трещины или корчатся на краях.

Да-а, когда корчишься — это больно, правда? Червяк понял. Я узнала. А вы усвоили?

Жарко. Много огня. Он стеной преграждает мне дорогу к башне. Но у него нет власти надо мной, а у меня над ним — есть.

Я развожу ладони — и огонь расступается, набрасываясь на последний ряд домов, а дальше проваливается куда-то, не вижу.

Мне самой больно, но боль лишь подстегивает, когда я ступаю по площади, ходящей ходуном. Тут еще остались люди, сбились в кучу.

Что у меня для них есть? Привычное слабое «в недеянии мудрость» или незнакомая сила без жалости, без прощения? Надо бы выбрать, но я уже не контролирую то, что рвется

из меня, льется из рук длинными горячими хлыстами. Оно жаждет наказать, отстегать тех, кто нарушил, кто посмел!

Левой — огонь. Правой — удар.

Бью наотмашь их, а отдается во мне. Я же и природу свою бью, работу, суть.

Надо мной с ревом проносится что-то огромное, плоское и золотое. Я невольно пригибаюсь и останавливаюсь.

Все вокруг горит, трещит и грохочет. И я за него уже не отвечаю.

Ладони пульсируют, в горле давит ошибка — ведь тебя не этому учили, Инэн! пусть учили не те, но ведь не этому!..

Плотные клубы дыма наплывают на площадь, наваливаются, без спроса захватывая себе дома, огонь. Просто дотягиваются — и забирают. Постепенно крики гаснут, умирая.

Черные чудовища из пепла окружили меня, шипят и ворочаются. Еще одна невероятная сила, не моя, чужая. Она другой природы. Она, как сторож, накрыла и оградила меня. Или от меня — не хочу разбираться.

Делаю еще шаг и опускаюсь на колени перед неподвижным человеком в подпаленном черно-оранжевом плаще. Тело мое дрожит и плавится от ощущения его близости. Я ощупью нахожу его крепкую руку, хранящую живое тепло. Скоро она начнет остывать.

— Это мое, — шепчу я, с силой сжимая пальцы.

И глухая чернота вонзается мне куда-то глубже глаз, вздымая на свое копьё.

Шаг уверенный

Когда-то этот осколок был целым.

Сейчас мы сидим на одном из его обломков.

Зрение ко мне возвращалось болезненно. Глаза долго жгло и кололо, но, отчаянно выглядывая хоть что-то в жуткой темноте, первыми я заметила крошечные белые точки — далекие звезды, дарящие свет собственным планетам и жителям. Сейчас и на меня хватило их сил, дотянулись. Плеснули немного света вокруг меня, дали разглядеть то, от чего отвернулись и Малая, и Большая.

Наши звезды не видны. Там, где я все разрушила, они создали ночь и не собираются заглядывать. Так и лучше. Не на что им тут смотреть. Маленький обломок повернут так, что его долго не сможет осветить ни одно из наших вездесущих укоризненных светил. А если Большая, любопытная, все же захочет глянуть, ей придется долго карабкаться по стенам, окружившим этот обломок.

Глаза болят, но теперь я вижу все привычным образом, и темнота мне не мешает. Кажется, что кто-то, умиряя пожар, строил надо мной купол из дыма и гари, но то ли передумал, то ли сил не хватило. Я теперь сижу будто во внутреннем дворе большого дома-колодца на Первом, знакомого с самого рождения. Только вместо серых каменных стен с галереями и плющом — надувшиеся пузыри дыма; вместо ветра по расписанию — вязкая духота и отвратный запах горелого; а вместо высоченного шпиля — черная глухая башня. Незыблемая. Ее ничто не колыхнуло. Дым не дополз до нее, не тронул ее подножья, застыл по краям площади — теперь это новые границы мирка. Видно, как наверху они заворачиваются.

Наверху, словно встав на уцелевшую грань нижней золотой пирамиды, тяжело и медленно скользит огромный обломок с озером на два угла. Он занимает почти треть видимого неба, не крутится, движется ровно и плавно, будто его полетом управляет строгая рука. За ним тянется туманным хвостом выливающаяся вода. Там что-то пошло не так с гравитацией и границами.

Справа — еще один обломок, узкий и длинный. Вынырнул, похвастался красным пятном пожара на поверхности, махнул разломанной пирамидой и умчался, полыхая и юля. Потом спрятался за большого соседа, льющего воду, будто опасался чего-то.

Постепенно оба они скрываются, опустившись за черную стену.

На озерной части людей нет. А вот что на той, где пожар? Вдруг люди из города ушли туда? Спасались — и не спаслись.

Сижу, смотрю, глаза в небо вцепились. Что еще покажется? Чем мир мне даст пощечину?

А в висках стучит больно. Стены, опуститесь, дайте обзор. Покажите мне хоть один обломок, где не горит и не выливается. Хочу посмотреть и увидеть, что где-то жители оказались в порядке!

Да полно, Инэн. Разве ты хочешь убедиться, что где-то эти люди живут спокойно, после того, как недавно ты рвала руками даже воздух, лишь бы им было не вдохнуть?

«За Сатс они мне ответили сполна!» — злится гордость, любующаяся воспоминанием о горящем обломке, и трепещет жадными ноздрями.

«Но ведь я спросила с них не только за Сатс?» — печалится совесть и берет за горло.

Снизу раздается емкое и точное:

— Н-да.

Голова моя склоняется.

Он всегда был символом, и даже сейчас, в разодранном и подпаленном плаще, лохматый и потерявший свой расцветный головной убор, он не выглядит обычным человеком. Правда, откуда-то вдруг взялась худоба, а ведь, когда он стоял в маленьком подземелье, он казался могучим и широким. Сейчас лежит — может, в этом ее причина?

Холодным голубоватым светом звезд обозначено его лицо, темное от налипшего пепла. Рисунки вокруг глаз размылись, белые пятна остались только у висков, и одно пятнышко — над левой бровью. Над правой все линии смазаны, словно он, забывшись, провел по лбу ладонью. Рисунки он, конечно, не подводил, не обновлял. Не до того ему тут было. А потом еще и я.

Да, Т жив. Когда я, еще полуслепая, почувствовала, что его рука не холодеет, а его пальцы даже чуть пошевелились, у меня дыхание перехватило. И сейчас, услышав его голос, радуюсь так, что хочется весь мир обнять.

Но что обнимать-то?

Шепчу растерянно, спешу оправдаться:

— Я не хотела. Я совершенно не хотела, чтобы вот так...

Он смотрит в пустое небо:

— Ну, как-то хотела, раз уж оно так вышло. — Потом медленно вздыхает, будто прислушиваясь, чем его тело отзовется на такое простое движение, и добавляет равнодушно: — Ладно, надо понять, что осталось.

Наверное, он это же говорил, когда к нему пришли почтенные.

Т порывается встать, но я ловлю и прижимаю его плечи к камням:

— Лежи, тебе нельзя двигаться.

— Это еще почему?

— У тебя спина сломана.

— Откуда ты знаешь? Я же на ней лежу. — Он наконец смотрит на меня, и даже с возмущением.

Наши взгляды встречаются. В его глазах отчетливо видна напряженная мысль: «Попробуй, убеди меня».

— Ты забыл, что знал о Ходящих?

— А-а, да, — он отворачивается, он недоволен. — Ну, тогда посмотри... Не на меня, насмотрелась. А вокруг.

Вокруг я уже насмотрелась, а он насмеяться?!

Кладу руку ему на влажный лоб. Под пальцами чувствуются морщины с забившимися в них тоненькими валиками пепла. Что-то, недавно поселившееся во мне и подкормленное вспыхнувшей обидой — «как посмел?!» — толкает положить вторую руку на его подбородок, а потом дернуть, поворачивая.

Моргаю. Прочь жуткое видение!

Рассказываю ему, как поднялись стены, как проплыл озерный обломок, как еще на одном куске, поменьше и поуже, горит и горит...

Почему-то именно на этих словах Т заметно расслабляется.

— Раз долго и сильно горит, это леса, — говорит он, устраивая голову на грязных

камнях. — Из города до них не успели бы добраться. Ближайшие рощи в трех днях ходьбы, если через сушку идти. Или в пяти, если вниз по реке.

Он долго молчит, коротко дышит. Вижу, что он хотел бы начать разговор, но что-то ему мешает, поэтому не нарушаю тишины. Вскоре он грустнеет и говорит:

— Мы договаривались с тобой... но все вышло не так... Я сам виноват. Обманул своих людей, когда тебя выпустил. Думал, ты вернешься раньше.

— Мне пришлось сделать непредвиденный круг, — морщусь я.

Т коротко кашляет, скалится от боли, потом прикрывает глаза и продолжает тихо и отрывисто:

— Едва ты пришла в первый раз... я вспомнил, что такое дрожь... Словно я опять на озере и ночь холодная. Смотрел на тебя, слушал... Ты была растеряна, опасалась нас. Но ведь не ты была в опасности. Странно, но это увидел только я. Я отпустил тебя, не мог не отпустить. Ты из тех, на кого нельзя давить. Бросишься, как вода через запруды. Я убеждал всех... лучше подождать... наша жизнь сейчас зависит от мира и покоя в нас самих. Ходящие помогли бы нам только по-хорошему...

«А я не привела ни помощи, ни животных».

— ...но мои люди спорили со мной и между собой. Они не верили никому и ни во что. Узнали, что тебя нет, взбунтовались. Сначала — почтенные, когда им доложили. Потом — остальные на площади, когда один дурной язык отправился по холмам бегать.

Я слушаю очень внимательно, но его излишне образная речь сбивает.

— Куда отправился?.. Ты про то, что стражник болтать начал?

Т вскидывает на меня взгляд, хмурится:

— Откуда знаешь?

— Мне Он рассказал. Я пришла в город через кладбище, там на него наткнулась.

— Он тебе все рассказал?

Что-то во мне понимает его настороженность.

— Т, — произношу я с придыханием, — не оправдывайся передо мной за то, что тут произошло. Тебе это не идет и не получается. Я уже знаю и про Сатс, и про Старого Фича.

— Тогда понятно, — неглубоко вздыхает он и, повернув голову, смотрит на черную башню. — Я не оправдываюсь. Я сожалею, что все так вышло. Когда твою помощницу вытащили наверх... криков было больше всего. Тогда я очень сильно захотел, чтобы ты не возвращалась... Как я надеялся, что ошибся в тебе! Как уговаривал себя, что ты способна бросить нас всех... отдать нас нашей судьбе. Но понимал — придешь и спросишь. Я приготовился ответить за все, что натворили мои люди.

— Жалеешь, что не успел подставиться под удар? Слишком большая жертва ради тех, кто хотел тебя убить. Я еще поняла бы...

— Я не делю свой народ, — строго перебивает он.

— Народ поделился сам. На жадных и осторожных. Осторожные сбежали заранее и подальше, но я рада, что они не добрались ни до леса, ни до озера. А вот о жадных нечего жалеть.

— Мне знакомо то, что в тебе сейчас говорит... Пройдет время. В тебе найдется кое-что помимо ненависти к ним и удовольствия карать.

Пронырливой крысой успеваешь мелькнуть воспоминание о Первом и о Старших, огнем вспыхивает вопрос: «А ты испытал удовольствие карать?». Но вдруг Т содрогается, натужно кашляет несколько раз и замолкает.

В пыль все! Все споры, кто перед кем за что виноват!

Я опускаю дрожащую руку ему на грудь — осторожно, заботливо, но бессмысленно. Вижу перелом в позвоночнике, трещины в ребрах и то, как опасно давит одно сломанное ребро на легкое. Понимаю, как ему больно и трудно. Но я не Мастер и ничего не умею исправлять.

Зато я теперь умею бросаться со злостью на противника из-за малейшего слова, под мельчайшим предлогом!

Т кашляет, несколько раз глубоко с хрипом вздыхает, кривится от боли, но продолжает:

— Мне бы хотелось, чтобы ты поняла до конца, что такое они для меня и как это важно. Наверняка было у нас нужное слово... но мы его забыли... разучились же растить еду... Это... это сильное чувство, что я рядом. Все мои люди всегда со мной. Были и будут. Они поддерживают меня за плечи. Особенно те, у кого жизнь благодаря мне стала лучше.

Он помолчал немного, потом добавляет:

— Но они же на плечах и виснут. Особенно те, кого я не уберег, подвел.

«Вцепились. Держат».

Вот ведь! Я за всю жизнь поймать этого ощущения не смогла, когда думала о природе наших отношений с Мастерами, а он рассуждает так просто, словно говорит о воде!

Над черной стеной справа медленно встает еще один обломок. С одной стороны у него ровные линии сохранившегося угла, с другой — выгнутый отломанный край. Поверхность развернута прямо на нас, согрета желтоватым светом Большой. С обломка ничего не выливается и не падает. Там все в порядке.

Он ползет, приближаясь и открываясь все больше. И вот уже четко виден канал и зеленые холмы, ведущие к болотам на одном берегу реки; затем появляется другой берег, знакомая заводь и раскопанная равнина с кругами темных ям, через которую я когда-то уходила. Но вместо городских домов — выжженное черное пятно. Где была площадь, обломано.

Наш ближайший сосед.

— Людей различишь? — хриплым шепотом спрашивает Т и тянется встать; мне снова приходится его удержать, чтобы не доломал себе ничего.

— Слишком далеко, — отвечаю я, глядя, как почти все его тело заливает болезненное розовое. — Не шевелись, прошу тебя.

Он злится:

— Тогда ты пошевелись. Если отсюда не различить, подойди к краю. Может, оттуда будет лучше.

— Хорошо. Но только обещай, что не будешь дергаться.

Молчит.

Я встаю. Ноги затекли, первые шаги получаются болезненными и неуверенными. Прохожу сотню шагов через площадь до дымной стены. Запрокидываю голову и, прищурившись, вглядываюсь в тяжело плывущую зеленую поверхность. Она словно рядом, но я-то знаю, как до нее далеко.

Придется иначе. Я зажмуриваюсь и перестраиваю зрение. Слухом тянуться мне всегда давалось без труда, а зрением... Когда поднимаю веки и вглядываюсь, в глазах так режет, словно бы в них ковыряется клювом и когтями голодная птица. Но я терплю, не моргаю, высматриваю.

Есть! Прямо между двумя темнеющими ямами копошатся маленькие фигурки, блестят

искорки костров.

Меня накрывает невероятное облегчение. Взгляд плывет, пуская все вокруг волнами. Колени подводят, меня шатает — и я выставляю руку вперед, ловлю равновесие...

Между кончиками пальцев и выпуклостью черной стены раскрывается тусклый красно-синий овал. Промаргиваюсь, не веря.

— Переходы все еще работают? — шепчу я и не слышу собственного голоса.

Осторожно иду вдоль стены, держа руку вытянутой вперед и в сторону. Через сотню шагов под пальцами запускает свои плывущие кольца еще один переход. Через сотню — еще один. Делаю к нему шаг. Кольца становятся ярче и больше. Приглашают — давай, заходи...

Но выведут ли куда-нибудь?

— Я не просил тебя ходить кругами! — доносится суровый голос. — Что там?

— Иногда надо походить именно кругами, — бормочу я себе под нос.

Нахожу еще один работающий переход и уже от него возвращаюсь к башне, обходя по дороге погасшие кострища с торчащими из них палками.

— Есть выжившие. Сотни три. Сидят среди каких-то ям.

— Туда многие ушли, я из окна видел, — помолчав, говорит Т. — Были еще четыре десятка семей причальных. Они спустились по реке. Их нашла?

Мотаю головой:

— Наверное, они далеко отошли, и этот кусок оказался за их спинами. Но над нами не проплывало обломков с нижним течением реки.

На язык напрашивается печальное продолжение: «Там, где они оказались, может быть что угодно — например, слетел воздух», но и без моих слов от Т полыхнуло такой скорбью, что я невольно говорю:

— Связи сохранились! Вернее, я нашла несколько переходов... как бы объяснить... Дверей, ведущих отсюда.

— И-и? — Он приподнимает голову, заинтересовавшись.

Воодушевление мое тут же падает:

— Воспользоваться этими дверями и уйти мы не сможем. Я не почию твою спину. Если даже мы дождемся, когда она заживет, и не умрем с голоду, то все равно в одиночку мне тебя не перевести. Тебя развеет. Я сгорю.

Словно завалом на меня рушится вся усталость последнего времени. Как же ее много!

Еле двигая вмиг отяжелевшими руками и ногами, я опускаюсь рядом с Т. Укладываю голову возле его плеча, плащ ныряет под бок мягкой складкой.

Рассматриваю близкий профиль, тронутый звездным светом, и шепчу бездумно, как если бы проваливалась в крепкий сон, дарящий отдых:

— Не выйти нам с тобой. Будем сидеть здесь, среди выжженного, в сомкнувшихся стенах. Все.

Он поворачивает голову, приближая свое лицо к моему, и с неожиданной теплотой говорит:

— Мне иногда казалось, что моя мать была из Ходящих. Про них... про вас говорили мало, помнили и того меньше. Однажды мать шила мне жилетку из кусочков кожи. И тогда она рассказала легенду. Будто Ходящие однажды соберут мир из кусочков, как ту жилетку. Когда он станет целым, в нем не будет бед и отчаяния... Пока они не знают, как его собрать. Но если они придут к нам, им нельзя ни в чем мешать.

Зеваю:

— Хорошая легенда, близка к правде. Но мы не совсем не знаем. Мы ищем... мы искали одного сильного, чтобы он собрал, — не удержавшись, зеваю еще сильнее и шире, даже под левым ухом заныло. — Твоя мать точно была не из наших. Иначе прошел бы слух, что кто-нибудь создал семью на одном из осколков и самостоятельно вышел с пути.

Вдруг насторожившись, открываю глаза:

— Зачем ты мне это рассказал? На что намекаешь?

Если бы он подмигнул, было бы проще и легче, но он нехорошо серьезен.

— Ты сказала, что нашла двери отсюда. Куда они ведут?

— Скорее всего, это дороги на другие части этого осколка. Сам видел, тут все не разлетелось, близко держится.

— И ты можешь разузнать все про эти дороги, попасть в те земли, где...

— Куда ты меня гонишь?!

— Ты не будешь сидеть здесь, — заявляет он твердо. — Оставь меня и уходи.

— Что?.. Оставь?.. Ты мне указываешь?! — Я с возмущением приподнимаюсь на локте.

— Сначала пойми, что именно тебя возмущает, — спокойно говорит он. — Что тебе указываю я? Что я указываю тебе? Или что я тебе указываю?..

Набираю в легкие воздуха.

— ...ответ, что тебя возмущает *все*, я не приму.

Зубы мои, стукнув, смыкаются.

— А раз возмущаться тут нечему, давай думать. Нельзя отчаиваться и лежать неподвижно. Надо верить, что есть решение, и идти к нему. Ты из Ходящих. Кому, как ни тебе, знать, что необходимо идти к цели.

Теперь ясно, почему Он восторгался Старым Фичем, как тот споры решал. Преемник его достоин тех же восторгов.

Однако сомнения, выросшие во мне вечность назад, пустили крепкие корни и дали семена. Не готова я броситься вперед по его убеждению.

Краем глаза замечаю движение какой-то искры. Нахожу взглядом — слева на небе поднимается желтое блестящее пятнышко.

Это 206-ой! Целый, невредимый, сосед вот этих земель, недавно носивших номер 5115!

Хорошо хоть я только один осколок разнесла, ближним не досталось, а то в слепоте и темноте навоображала всякого.

Своим появлением 206-ой охлаждает желание спорить с Т. Я ведь только собиралась ему доказать, что вообще все пропало, надежды нет, надо ложиться и ждать смерти — а тут! И переходы открываются, и 206-ой по-прежнему рядом.

— Ну давай думать, — говорю я и ложусь на бок, подперев голову рукой.

Т начинает с какой-то своей мысли, от меня далекой:

— Когда признаешься себе в том, чего хочешь, становишься сильнее. Поэтому сначала я решаю, чего хочу. Потом иду к этому. Я говорил тебе, что ощутил силу, когда захотел спасти свой народ от болезней.

И умолкает, вопросительным взглядом показывая, что теперь надо что-то сказать мне. Странно у него выглядит это «давай думать», ну да ладно.

— Мне особо не доводилось принимать решения по своим желаниям, — говорю я медленно и подбирая каждое слово. — Меня вели... сначала чувство должного и равнодушие, потом злость, обида, еще злость... даже ярость. Привели сюда.

Он кивает одобрительно. Что-то я там оправдала в его надеждах.

— В тебе нет желания спасти моих людей. Так пусть тебя уведет отсюда жалость к ним.

И моя просьба помочь.

Отвожу взгляд. Все-то знают, куда бить. И попадают!

— Обойди все земли моего народа. Куда только сможешь попасть, — продолжает Т. — Сделай там... Я не знаю, что вы, Ходящие, делаете. Но нельзя, чтобы выжившие все равно были обречены.

Во мне просыпается жалость. Но это — жалость к себе самой, и только.

— Я одна, а одной мне ничего не сделать, — говорю я. — Я как тот мальчик с ваших болот — все вижу, все понимаю, но рук нет, и я могу только прыгать на месте.

— Ты осталась совсем-совсем одна? — спрашивает он с недоверием.

Досадливо поджимаю губы. Я ему тут про себя, несчастную, а он, понятно, имеет в виду всех Ходящих.

Вздыхаю:

— Не совсем. Нашлись еще двое наших. Мы договорились встретиться здесь, на твоём осколке, — признаюсь я и, подумав, прикидываю тихонько: — Хотя... я не знаю, какие переходы теперь ведут... если ведут, конечно, но... это облако новых осколков может быть не замкнуто, а вполне себе...

Поднимаю взгляд на Т. Он кивает спокойно:

— Я слушаю тебя. Продолжай.

Меня немного отпускает — достаточно, чтобы собрать разбегающиеся мысли. Перекатываюсь на спину, закидываю руки за голову и смотрю в темное небо, чувствуя, как моему левому локтю очень тепло и надежно у плеча Т.

— Итак, есть еще одна пара Ходящих. С ними можно было бы обойти все земли, посмотреть, где что осталось, что с границами и какие наборы самодостаточны... Я просила их прийти к вам, чтобы помочь растить овес или что-нибудь еще. У Гвэт есть земляника. Вкусные маленькие ягоды... Мельче винограда и не такие сочные, но...

— Ты опять о еде. Давно не ела? — спрашивает он.

Я прищуриваюсь:

— А ты давно не спал... Так вот, с этими двумя мы договорились встретиться здесь, но позже. Это время еще не настало. И они могут задержаться... Но если не задержались и пришли сейчас... Они осторожны — подойдя к подозрительному, отступят. Короче, на твоих землях их нет.

Т молчит, слушает внимательно, а я ему очень благодарна за то, что он сейчас не сказал, что, конечно, подозрительное, ведь земли-то разметало.

— Мы обговорили условие, при котором они будут ждать меня в другом месте. Условие это не наступило, но место назначено. Мне понадобится время, чтобы добраться туда и подождать их там.

— Мы не знаем, что грозит моим людям. У тебя нет времени.

Я не хочу поддерживать его идею, что мне надо уйти, хотя какой-то грызун уже точит мое намерение остаться на пепелище. Наверное, это — природа Ходящей.

Но я теперь по-новому представляю себе природу Основателей. И продолжаю размышлять вслух:

— Я научилась... Вернее, оказалось, что я умею черпать силу от... Как вы ее называете?

— Кого ее? — чуть удивляется Т.

— Ладно, это неважно... Я умею черпать силу из света. И если мы дождемся, когда свет

заглянет сюда, то я соберу его, стану сильнее... и... — Воспоминание о том, как я неслась, как летела, какой мощью была полна, зажигает меня, я начинаю говорить громче и уверенней: — Вдруг у меня получится подтянуть к нам соседний обломок!

И тут же понимаю, что меня несет не туда. Я, бестолковая, забыла, что Малая не поднимется над этими стенами.

— Или же, — продолжаю я, не желая отступать из-за мелочи, — я перейду на те земли, где свет есть, где его много! И уже оттуда притяну.

— Ты научилась управлять такой силой? — с сомнением спрашивает Т. — От этого зависит жизнь моих людей. Будешь притягивать земли, не столкнешь? Не разобьешь?

Молчу. Мне нечего ему сказать.

— Любая сила требует знаний, — продолжает он, и на счастье я не слышу в его голосе назидания. — Когда я почувствовал себя сильным, решил, что все могу сам. Но быстро пришлось понять, что сначала надо учиться. Меня учил Фич. Я до самого конца обращался к его знаниям и опыту. У тебя есть к кому обратиться?

Вот ведь! Чуть что, всюду наткнешься на этот Первый!

— Считай, что их тоже закопали, — отвечаю я с вернувшейся злостью. — Но из них еще можно кое-что вытрясти. Там, знаешь ли, если выбить арку, сбегаются посмотреть, кто к ним пришел. Прибегут еще разок. Тогда я потребую у них помощи, а то разленились! Пусть переводят твоих людей или обеспечивают нормальные наборы, иначе...

Он вдруг складывает губы и дует мне в лицо, потом шепчет:

— Тихо. Это не то решение. Ты торопишься, и спешка ведет тебя к ошибке. Не выбирай самое простое и быстрое. Ты же уже знаешь... если копьем размахивать, ничего не добьешься. Только хуже станет.

— Не сравнивай меня со своими холщовыми дикарями!

Он длинно и с усилием втягивает воздух, задерживает дыхание и, оторвав спину от земли, поворачивается ко мне. Тяжелая рука опускается на мой лоб, придерживая разгоряченную голову.

— Тихо, я сказал. Уймись.

А сам дышит часто-часто, зубами хрип от боли удерживает.

С меня сдувается весь гнев, словно пыль сильным ветром — ему же нельзя двигаться! что ж я?!

Не успеваю что-нибудь сделать, как он издает низкий горловой звук. Ладонь вдруг становится мокрой. С затухающим стоном он напряженно выгибается и, скользнув ногтями по моему лбу, заваливается на спину.

— Плохо? Больно? — вскидываюсь я.

Молчит. Голова запрокинута, рот сохранил оскал.

В животе у меня проваливается от холодного страха. Нельзя, чтобы я не уберегла еще и его!

— Нет! Не смей!

Взвиваюсь на колени. Руки мои дрожат, шарят по его лицу, груди, цепляются за складки рубахи. Тянутся к месту перелома в спине, но не достать.

Не соображая, что я делаю и правильно ли, обнимаю Т, просовываю руки ему по бокам, протискиваюсь ближе к позвоночнику.

Где этот перелом? Где?

Глаза слезятся — не вижу ничего, хоть пытаюсь щуриться. Пальцы сами находят место у

ребер. Оно кусает меня, будто гонит.

Вцепляюсь, сдавливаю плотное острое место и мелко-мелко перетираю кончиками пальцев. Режет так, словно битое стекло руками крошу. Наверное, в кровь, ну и пусть — пусть! — лишь бы разрушить убивающую его боль. Прижать, придушить дрянь!

Дыхание Т становится ровнее и глубже.

Вышло, получилось!

Расслабляюсь и убираю руки, потом вытираю пот со лба. Этот жест усталости и задумчивости вызывает неожиданную мысль: бывает, что разрушать не жутко и не совестно, особенно если разрушаешь боль.

Над дымной стеной прямо передо мной высовывается странный обломок. Я не сразу успеваю понять, что он развернут поверхностью от меня. Он ползет, надвигаясь жуткой развороченной пирамидой, увеличиваясь, распухая. Огромный полукруглый кусок заполняет маленькое небо, колючками выступают обломанные конструкции.

Взгляд мой мечется, не может ни за что зацепиться. Впервые вижу внутренности... внутреннего мира и смотрю, затаив дыхание. Остаток пирамиды похож на кусок слоеного пирога, криво объеденный суетливыми крысами. Тень нашего обломка медленно двигается по нему. Обнажившиеся темные полости ловят слабый свет звезды, чтобы потом вылезти из-под черной тени и выставить напоказ металлические иглы, торчащие с укором — вот сюда взгляните! что с нами сделали!

Когда первое впечатление схлынуло, пристальней вглядываюсь в детали. Центральный стержень собран из десятков золотистых сфер, соединенных черными цилиндрами. К стержню сходятся тонкие полоски этажей. Кое-где этажи прерываются обширными секторами из маленьких ячеек, и от них лучами расходятся загадочные длинные шахты-трубы.

Пустые жилища, где когда-то жили такие, как я. Замершие механизмы, где хранили свет, взятый у Малой.

Меня пронзает желание вернуться туда, где жили мои предки, пусть даже никто уже не знает их имен. «Незачем смотреть назад дальше матери», — так нас учили на Первом. Как же много у нас отобрали!

Обломок неторопливо доплывает до середины неба. Мне представилось, что сейчас он опустится и закроет этот маленький мирок, как крышка бочку.

Если бы он опустился! Я бы поднялась в башне до самой крыши, а оттуда бы перебралась на него.

Я хочу туда. Хочу на внутреннюю сторону. Хочу тронуть стены непонятных залов, этажей, шахт. Уронить что-нибудь, открыть, закрыть, подвигать. Хочу, чтобы там все ожило. Пусть я не умею ничего создавать или чинить, пусть я только разрушала и губила, но ведь то, к чему я пришла, — тоже результат. Разве я не могу его использовать? Если узнать, как его применить... там ведь есть что разрушить. Разметать тишину пирамиды, сломать неподвижность таинственных механизмов, нарушить сон мега единиц мощи...

— ...и мега единиц знания, — шепчу я обломку, висящему у меня над головой. — Ну конечно. 200038-ой! Главный накопитель Основателей и Библиотека!

Потом добавляю:

— Да, Т. Я ошибалась, а ты был прав, когда говорил про знания. Конечно, у нас ничего не получалось! Ходили, смотрели, слушали и руками махали. Думали, умеем.

Он молчит.

— У меня есть куда обратиться за знанием. Есть! И я обращаюсь! Говорили, что на Библиотеку нет дороги. Говорили, говорили — много чего говорили наши Старшие. Но разве кто-то проверял?!

Молчит.

Бедолага. Ведь он едва жив, не слышит меня, а я, захваченная новой целью, забыла, что разговариваю с тем, кто без сознания. Совсем забыла!

Опускаю руку ему на грудь — гулко бьется, и от этих ударов чувствую в руке силу. Я в себе теперь только силу и чувствую.

— Я сделаю, как ты указал. Но не совсем точно. Может, и хорошо, что ты меня не слышишь. Потому что я не брошусь бегать по твоим землям и считать, сколько живых осталось... Нет, этим займутся другие. Я найду их на 15-ом. Если повезет и меня выбросит к ним на угол, то найду сразу. Если не повезет, буду заходить снова и снова, пока не выбросит куда надо. И уже они вернуться сюда. Ты можешь быть спокоен за своих людей. Уташ и Гвэт — меткий ум и доброе сердце — две пары умелых рук, они позаботятся о твоих людях и останутся приглядывать за ними... А я через 15-ый... Сначала поем... Если бы ты знал, какие там куры! Я попрошу Гвэт прихватить для твоих, пусть тоже разводят.

От мысли о далекой еде рот наполняется слюной, хочется немедленно вскочить и побежать на 15-ый, даже ноги согрелись и зачесались. Сглатываю, успокаиваюсь и продолжаю рассказывать и заодно размышлять:

— С 15-го Библиотека ближе всего, хотя прямой дороги нет. Ничего, найду. Сначала я попробую выбить щиты на входе... Нет, не попробую. Выбью! Да, слишком много шатких планов и мало точных знаний. Да, слишком безумно, что один бестолковый Основатель-полукровка хватанул себе силы, разрушил кусок мира, а теперь замахивается на невозможное дело. Да, все слишком. Но я теперь все смогу. И не разрушу больше ничего, о чем жалела бы. Я усвоила, что мне стоит себя опасаться. Я должна быть очень аккуратной, предвидеть последствия каждого своего шага, думать на несколько шагов вперед. Многое должна. Простые и быстрые решения больше не для меня. Но ты ведь не дашь мне оступиться?

Горло сдавливают, продолжаю тише и медленнее:

— Ты будешь рядом, будешь... указывать, и за плечо, чтобы... держать... чтобы не занесло... Ты — моя слабость, я это признаю.

Чтобы подло не разреветься, улыбаюсь.

— Я к тебе обязательно вернусь, ты не сомневайся. Вернусь, чтобы рассказать, как много всего я сделала для твоих людей и для других, с других земель.

Потом развязываю шнурок, держащий мои волосы. Привычный хвост рассыпается, длинные пряди падают на плечи, закрывают уши. Неудобно, но ничего.

Аккуратно, чтобы не потревожить, хотя точно знаю, что он в глубоком обмороке, завязываю веревочку вокруг его запястья:

— Вот за ней вернусь.

Наконец, когда понимаю, что больше мне сказать нечего, встаю на ноги и пересекаю площадь. Кажется, что погасшие кострища и брошенные факелы смотрят мне вслед — неужели я все так оставляю? Но они еще не знают, как именно я тут все оставляю.

Перед тем, как шагнуть в переход, открывший мне разбегающиеся кольца, оборачиваюсь:

— Да, еще кое-что. Ты сказал оставить тебя... Наверное, даже представлял себе, как я подчинюсь, уйду, а ты останешься тут умирать в темноте... Но так не будет. Здесь все

остановится, жизнь застынет, но сохранится. Ты остаешься под защитой, вокруг тебя встанет безвременье. Я знаю эту лазейку в «аварийной системе», знаю по слуху. А слухи у Ходящих, как оказалось, весьма полезны.

Строго смотрю на переход и добавляю, обращаясь к нему:

— А если система попыбует обмануть меня, я ее прошибу!

Слева и справа от перехода, несмело пульсируя, высовываются из дымной стены две длинные черные пластины. Будто впервые услышали прямой приказ и вкрадчиво любопытствуют — кто это с ними так строго? кто им угрожает? И замирают, готовые исполнять.

— То-то же, — киваю я щитам и вхожу.

Как же сердце просится назад! Чтобы рядом, чтобы за руку держать!

Я медленно оборачиваюсь на пороге.

Наработанный знак «Угасание» сам просится в руку. Но я отгоняю привычку и медленно и сосредоточенно вывожу много раз виденный знак закрытой дороги. Повторяю его точно, и вскоре доносится шуршание щитов. Теперь они не грохочут, не шумят, а, работающие по приказу, закрываются покорно и тихо. Они остановят на обломке время, поставят на паузу жизнь.

Щиты смыкаются. Если Т на этот миг вдохнул, то выдохнет он лишь тогда, когда я вернусь и открою эти створки.

Разворачиваюсь и смотрю на поземку космического ветра, рыскающую по едва различимой тоненькой тропе. Молнии трещат наверху, но не бьют, словно затаились и ждут, что я сейчас пройду вперед и можно будет ударить сзади.

Мне нестрашно. Последний, за кого я боялась, остался за спиной.

Все дороги для себя я проложила сама, по надежаниям и сделанному, через верный выбор и ошибки, сквозь понимание и вслепую. Результаты всего, что я сотворила, поджидают меня впереди. Но я не боюсь. Мне есть к чему идти. Мне есть к кому вернуться.

Я делаю шаг и выхожу на свой путь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net